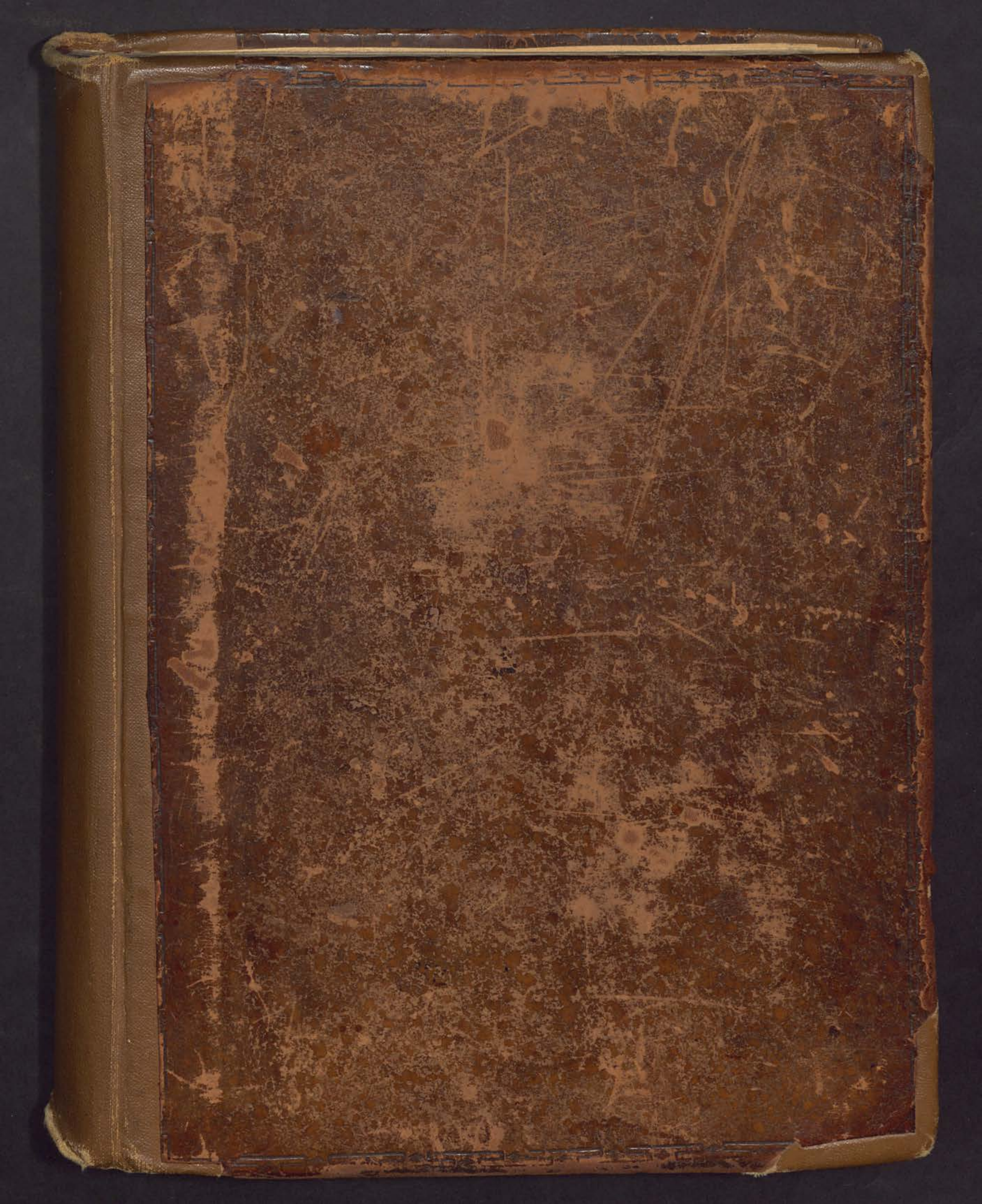

ОПИСАНІЕ

ВСѢХЪ

ОБИТАЮЩИХЪ

ВЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

НАРОДОВЪ

Ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, упражненій, забавъ, вѣроисповѣданій и другихъ достопамятностей.

Твореніе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ на Нѣмецкомъ языкѣ Іоганна Готтлиба *Георги*, въ переводѣ на Россійскій языкъ весьма во многомъ исправленное и вновь сочиненное;

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

со 100 гравированными изображеніями Народовъ и 8 виньетами.

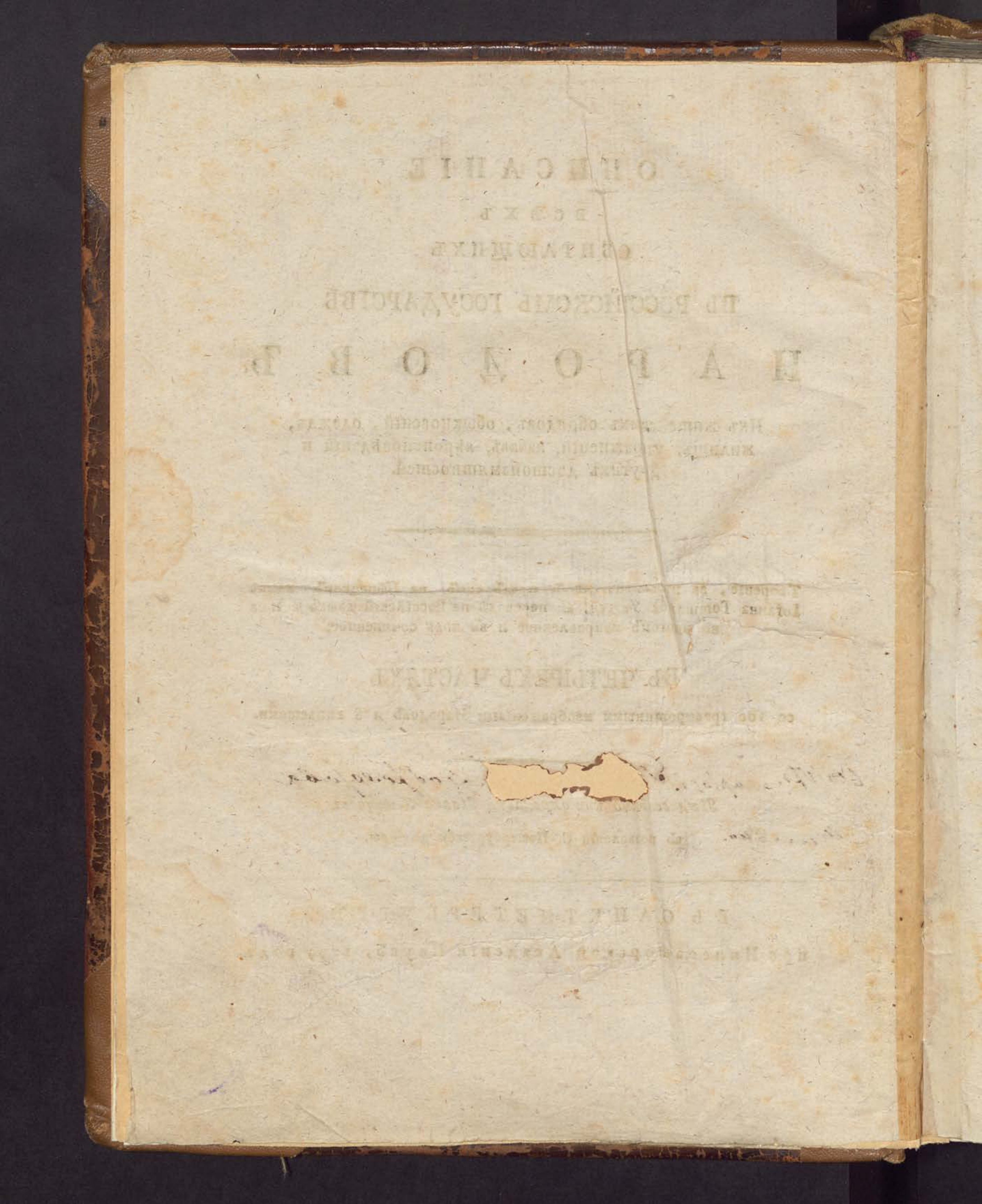
Об 17г. марта 15. Въ [illegible] Доброхотова

Иждивеніемъ книгопродавца Ивана Глазунова.

[illegible] съ позволенія С. Петербургской цензуры.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ, 1799 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О

НАРОДАХЪ

ФИННСКАГО ПЛЕМЕНИ,

извѣстныхъ

по Исторїи Россїйской

подъ общимъ именемъ

Руссовъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Источники, изъ которыхъ почерпнуто сіе описаніе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, упражненій, забавъ, Вѣроисповѣданій и другихъ достопамятностей, суть во первыхъ Лѣтописцы Россійскіе, а во вторыхъ, и большею частію, описанія частныя Россіи подданныхъ Народовъ, сдѣланныя и изданныя въ Свѣтъ Профессорами и Исторіографами: Миллеромъ, Гмелинымъ, Крашенинниковымъ, Штеллеромъ, Фишеромъ, Рычковымъ, Самуиломъ Гмелинымъ, Палласомъ, Лепехинымъ, Николаемъ Рычковымъ, Лемомъ, Клингстедтомъ, Гегстремомъ, Гавеномъ, Шлетцеромъ, Климаномъ и другими; почерпая изъ ихъ описаній и извѣстій, придерживаемось было, какъ можно ближе, повѣствовательной истины, при сохраненіи всевозможной краткости.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ Профессоръ Іоганнъ Готтлибъ Георги, Членъ Академіи Наукъ Россійской Императорской и Королевской Прусской, Римско-Императорской Академіи Естество-изпытанія, Академіи Курфирстской въ Майнцѣ, Вольнаго Экономическаго Общества въ С. Петербургѣ, и Дружескаго Общества Берлинскихъ Естество-Изпытателей, собралъ изъ вышесказанныхъ Землеописателей описаніе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, издалъ оное въ четырехъ частяхъ на Нѣмецкомъ языкѣ, изъ коихъ первыя три переведены были и напечатаны иждивеніемъ Книгопродавца Миллера купно со изображеніями описанныхъ въ оныхъ Народовъ.

Нынѣ издать въ новь всѣ четыре части творенія сего принялъ я на себя, по уступкѣ на то права, отъ перваго сказаннаго Издателя какъ подлинника на Нѣмецкомъ языкѣ въ четырехъ частяхъ, такъ и перевода трехъ частей онаго на Россійскій языкъ, не пощадя на то немалаго иждивенія,

каковое требовалось какъ на уплату уступки права печатанія и мѣдныхъ досокъ, на коихъ вырѣзаны изображенія Народовъ, такъ наиболѣе за изправленіе самаго творенія, сообразно настоящему новоустроенному Россійскаго Государства состоянію, по которому премногое въ описаніи Народовъ требовало поправки. Многое со всѣмъ въ новь сочинено, многое дополнено; иное сокращено, а иное и во вся выброшено, яко болѣе несуществующее. — Все сіе разумѣть должно о первой, а паче о четвертой части сего описанія Народовъ, обитающихъ въ Россіи.

Весьма счастливымъ почту себя, ежели усердное мое желаніе доставлять почтеннѣйшей Россійской Публикѣ, чрезъ изданіе книгъ, сей подобныхъ, пользу и удовольствіе, будетъ удостоено благосклоннаго ея прїятія.

Извѣстно всякому свѣдущему о Государствахъ и Владѣніяхъ, на земномъ шарѣ существующихъ, что нѣтъ наономъ ни одного такого, которое вмѣщало бы въ себѣ толь великое множество различныхъ народовъ, какъ Россійская Держава. Древніе Обитатели Россіи суть: 1е *Руссы* съ ихъ племенами, яко, Лопари, Семояды, Юкагиры, Чукчи, Камчадалы, Курильцы, Алеуты, Коряки, Якуты, Тунгуссы, Остяки Енисейскіе, Кондійскіе и Обьскіе, Вогуличи, Башкирцы, Черемиссы, Мордва, Тептери, Чуваши, Зыряне, Пермяки, Вотяки, Корелы, Финны, Эстландцы, Ливонцы, Латыши, Курляндцы, Шведы, Датчане, Литва. — Послѣ Россовъ 2е *Славяне*, или Сыръ-Мыды, иначе Сарматы, съ ихъ племенами, яко, Поляне, Древляне, Сѣвера, Бужане, Радимичи, Вятичи, Хорвати, Дулебы, Лютичи, Тиверцы и другіе, Предки Поляковъ, Смольянъ, Бѣлозерцовъ, Ростовцовъ, Муромцовъ, Ярославцовъ, Новгородцовъ, Малороссіанъ, Украинцовъ, Галичанъ, иначе Цесарской Галиціи, и другихъ. 3е *Татары* съ ихъ племенами, яко, древніе Печенѣги, Козары, Половцы, Болгары, нынѣ извѣстные, подъ именами, Татаръ Казанскихъ, Астраханскихъ, Касымовскихъ, Уфимскихъ, Оренбургскихъ,

Тобольскихъ, Томскихъ, Мелессовъ, Тулиберпскихъ, Кистинскихъ, Абинцовъ, Чулымскихъ, Обьскихъ, Барабинскихъ, Туринскихъ, Аяловъ, Качинцовъ, Удинскихъ, Яринскихъ, Бирюссовъ, Кабинцовъ, Бѣлтырей, Загайскихъ, Нагайцовъ, Едизанскихъ, Джамбулукскихъ, Едишкульскихъ и Аккерманскихъ, Буджацкихъ, Мещеряковъ, Киргизъ-Кайсаковъ, Абхазовъ, Алтекезень-Абхазовъ, Черкесовъ, Кабардынцовъ, Оссетинцовъ или Оссовъ, Кистенцовъ, Лесгинцовъ, Аваровъ или Хунзачей, Кумыковъ, Нагайцовъ, Касайцовъ, Урусовцовъ, Трухменцовъ, Бухарцовъ, Хивинцовъ, Такшенцовъ, Туркистанцовъ и другихъ. 4е Народы, такъ же изъ древле населяющіе Россію, суть: *Могулы* или *Монголы*, коихъ племена суть: Калмыки, Хошоты, Зоонгоры, Дербеты, Торгауты, Буретты, Телеуты, Киргизцы и другіе, а на послѣдокъ. 5е Пришельцы и *Поселенцы* въ Россіи, яко, Индійцы, Персіаны, Армяны, Грузинцы, Цыганы, Жиды, Нѣмцы, Французы, Италіанцы, Греки, новые Славены и другіе. — Сословіе *Козаковъ*, хотя они и получили существованіе свое изъ тѣхъ же Народовъ первоначальныхъ, населяющихъ Россію, по многочисленности своей и по отмѣнному одѣянію и обычаямъ, показываетъ какъ бы особый Народъ; а по сему и они помѣщены въ описаніе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, съ показаніемъ о каждыхъ особенно по ихъ именованіямъ, о ихъ произхожденіи, жилищахъ, обычаяхъ и о прочемъ.

Сіи-то всѣ вычисленные Народы, съ возможною краткостію и купно обстоятельностію, описаны въ сихъ четырехъ частяхъ книги, представляемой почтеннѣйшей Россійской Публикѣ. Точное познаніе о многихъ сихъ, населяющихъ Россію, Народахъ, а наипаче о сѣверныхъ и восточныхъ, можетъ почесться *новымъ* еще въ самой Россіи. Съ завоеваніемъ Сибири въ шестомъ надесять столѣтіи, отъ времени до времени пріобщаемы были къ Россійской Державѣ Народы чуждые, едва и по имени до того извѣстные, да и доставляемы были Публикѣ объ оныхъ весьма краткія

и недостаточныя извѣстія, пока по Высочайшему изволенію пекущагося о народномъ просвѣщеніи Правительства С. Петербургскіе Академики, а наипаче потрудившійся съ превеликою пользою для Россійской Исторіи, старый Академикъ, Статскій Совѣтникъ Миллеръ, не пособралъ оныхъ въ своихъ многолѣтнихъ путешествіяхъ. Новѣйшіе Путешествователи, Академики же, еще больше допомогли тому, хотя и все еще остается, а можетъ быть и останется всегда не описаннымъ точно извѣстіе о многихъ изъ тѣхъ наипаче Народовъ, которые за недостаткомъ у нихъ письмянъ, за дикостію своею, за неудобопреходностію до нихъ, и за другими премногими трудностями, не могутъ быть точно разпрошены и изслѣдованы.

Но ежели когда можно было, такъ ето нынѣ сообщить почтеннѣйшей Россійской Публикѣ вѣрное описаніе настоящаго состоянія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, ихъ мѣстопребыванія, нарѣчія, упражненій, обрядовъ жизни, нравовъ, Вѣроисповѣданія и всего любопытнаго, и представить въ одномъ мѣстѣ то, что разбросано въ мѣлочныхъ и частныхъ описаніяхъ, ежели не для показанія Читателямъ настоящаго Отечественнаго повѣствовательнаго описанія, то по крайней мѣрѣ для полезнаго занятія толь новымъ и любопытнымъ чтеніемъ. — Народы, обитающіе въ сѣверныхъ и восточныхъ самыхъ крайнихъ оконечностяхъ и пустыняхъ, неудобныхъ ко введенному въ Европѣ образу жизни, яко ловцы или пастыри скитающіеся, хотя и остаются еще при своемъ образѣ жизни, но учинились уже довольно извѣстными, а особливо при настоящемъ новоустроенномъ состояніи Государства Россійскаго. Живущіе же въ сосѣдствѣ съ исповѣдующими Христіанскую Вѣру и въ умѣренныхъ Странахъ, весьма знатно удалились отъ древнихъ своихъ нравовъ, средствомъ единаго подражанія. Пріемлющіе Христіанскую Вѣру пріемлютъ и главное Россійское нарѣчіе, обряды жизни, одѣяніе и нравы, и хотя не вдругъ

и не въ первомъ колѣнѣ учиняются и хорошими гражданами, но конечно перестаютъ быть тѣмъ, что были. Нѣкоторые остатки Народовъ знатныхъ отъ времени до времени смѣшиваются во едино тѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе толпы оныхъ, такъ, что до измертвія еще остатковъ сродняются съ главнѣйшими племенами. — Единообразность учреждения Государства весьма премудро допомогаетъ сему, и Исполинскими шагами приближаетъ грубыхъ Народовъ нашихъ къ единой метѣ всеобщаго Россіи просвѣщенія, соединенія чудеснаго во едино тѣло и едину душу, и, такъ сказать, спавленія во Исполина, неколебимаго сотнями вѣковъ.

Внимательное разсматриваніе всѣхъ Народовъ, обитающихъ въ Россіи, представляетъ намъ живо древній, простый, естественному состоянію весьма близкій, *Міръ* во всѣхъ степеняхъ прехожденія къ настоящему отонченному и обогащенному надобностями Міру. Мы имѣемъ еще грубыхъ, воинствующихъ, равнодушныхъ при встрѣчѣ опасностей, бѣдствій и при лишеніи имущества, безъ всякихъ законовъ скитающихся Народовъ, *питающихся звѣриною и рыбною ловлею,* одѣвающихся одними звѣриными кожами, птичьимъ перьемъ, празднолюбивыхъ, иныхъ бѣдныхъ, а другихъ богатыхъ; — Народовъ, *провождающихъ скотоводственную жизнь,* и имѣющихъ еще Патріархальные нравы, обычаи, упражненія въ скотоводствѣ, заимствуя отъ онаго одѣяніе, пищу и богатство свое, со скотами своими безъ всякаго земледѣлія, въ подвижныхъ палаткахъ или наметахъ кочующихъ въ пространныхъ степяхъ, имѣя между собою иные Народное, другіе Вельможеское, а иные, яко Калмыки и Монголы, Единоначальственное управленіе, живя издревле общественно, по естественнымъ законамъ, обнаруживающимся во всѣхъ ихъ поступкахъ, не имѣя надобности въ деньгахъ, безъ письмянъ, сохраняя преданія, показывая въ ихъ жилищахъ, одѣяніи, пищѣ, желаніяхъ простоту, довольство, являя благоговѣніе къ Вѣроисповѣданію своему, уважая старость и

мужественные поступки: но есть частію и такіе между ними, кои суть жестокихъ нравовъ, любомстительны безпредѣльно, лѣнивы, неопрятны, любострастны и вмѣщающи въ себѣ все естественнаго состоянія зло и добро. — *Земледѣльческое Состояніе* представляется намъ здѣсь отъ первоначальнаго воздѣлыванія постепенно до самаго совершенства. — *Жилища* или селенія отъ юртъ, шалашей или кущей и пещеръ до домовъ, не подвижныхъ деревень, селъ, городовъ съ чертогами; — *Оружіе* отъ пращи до стрѣлъ, латъ, фузей съ фитилями и замками, пушекъ, мортиръ со всѣмъ совершенствомъ воинскаго искусства сухопутнаго и мореходнаго; — *Ремесла*, *Художества* и *Науки* такъ же постепенно отъ обдѣлыванія работы каменнымъ ножемъ до изсѣченія изваяній, не уступающихъ Фидіевымъ; отъ шитья жилами животныхъ до вышиванія золотомъ и шелками, оживотвореннаго рукою самаго, кажется, Апеллеса; отъ сбивчиваго понятія о себѣ до глубочайшаго познанія своихъ внутреннихъ силъ и способностей.

Нѣкоторые изъ нашихъ Народовъ и по днесь со всею важностію древности сохраняютъ многіе обычаи и употребленія древняго восточнаго Міра, какъ на примѣръ, подарки праздничнаго платья при бракосочетаніяхъ, гостепріимство, закланіе животныхъ для гостей, почесть сидѣть подлѣ старѣйшихъ и во обще почтительность къ старости, вкушеніе пищи, сидя на земли, образъ приготовленія нѣкоторыхъ пищей и прочее, сему подобное. Новѣйшіе обычаи видны у разныхъ нашихъ Народовъ во всѣхъ степеняхъ перехода отъ грубыхъ къ отонченнымъ. Ощутительно такъ же сходство образа жизни, нравовъ и свойствъ грубыхъ нашихъ Народовъ со многими дикими другихъ частей Свѣта, какъ на примѣръ, сходства одѣянія нѣкоторыхъ сѣверныхъ Американцовъ и нашихъ Остяковъ, равно и образа жизни, домашней рухляди и прочаго; Гренландцовъ съ сѣверными Сибиряками и островитянами; расписываніе знаками кожи

на тѣлѣ, какое дѣлаютъ Тунгусы, дѣлаютъ такъ же и новооткрытые южные Островитяны; — Чукчи наши носятъ воткнутыя кости въ губахъ такъ же, какъ и *Певесы*, и такъ далѣе.

Во первой части сего описанія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, слѣдуя землеописательному чертежу Россійской Имперіи, сколько можно было ближе, описаны бытіе, жилища и мѣста нынѣ занимаемыя, нравы, образъ жизни, упражненія, забавы, лицечертанія, одѣянія, домашняя рухлядь, Вѣроисповѣданія, повѣрья и другія достопамятности *Русскихъ* или *Финскихъ, Чудскихъ*, племенъ, яко: 1 *Лопарей*, 2 *Финновъ*, или *Чухонцовъ*, 3 *Латышей*, *Эстовъ* и *Ливонцовъ*, 4 *Ижерцовъ*, 5 *Черемисовъ*, 6 *Чувашей*, 7 *Мордвы*, 8 *Вотяковъ*, 9 *Тептерей*, 10 *Вогуличей* и 11 *Отяковъ*.

При сей же *первой части* находятся помѣщенными, гдѣ должно, *изображенія* описанныхъ въ оной Народовъ слѣдующія: 1 *Лопаря*, 2 *Лопарьки*, 3 *Финскаго мужика*, 4 *Финской деревенской бабы*, 5 и 6 *Чухонки въ праздничномъ одѣяніи съ переди и съ тылу*, 7 и 8 *Эстландской бабы*, 9 *Эстландской дѣвки*, 10 *Ижерки*, 11, 12 и 13 *Черемиски съ переди и съ тылу, такъ же и въ лѣтнемъ нарядѣ*, 14 и 15 *Чувашенки съ переди и съ тылу*, 18 *Мордовской дѣвки*, 19 *Мокшанской Мордовки*, 20 *Мокшанской старухи*, 21 *Вотяка*, 22 *Отяка при рѣкѣ Оби*, 23 *Отякскаго горностайнаго промышленника*, 24 и 25 *Отячки съ переди и съ тылу*. — При сей же первой части находится еще, съ верьхъ сихъ изображеній, два изображенія, или *виньеты*, заглавный и конечный; первое представляетъ Лопарское богоговѣніе предъ холмомъ, почитаемымъ за священный, и предъ обтыканнымъ принесенными въ жертву оленьими рогами камнемъ, такожь ихъ *койе* или юрту; а второе Чувашскіе и другихъ Финскихъ Народовъ похороны.

Во второй части описаны *Татарскіе Народы*, родъ посторонній, покоренный, или добровольно пришедшій подъ

крошкую Россійскую Державу, родъ, послѣ коренныхъ Россійскихъ, самый многочисленный. — Повѣствованіе объ нихъ сдѣлано крашкое, но вѣрное и обстоятельное, и описаны: 1 *Казанскіе и Оренбургскіе Татары*, 2 *Туралинцы*, 3 *Тобольскіе Татары*, 4 *Томскіе Татары*, 5 *Нагайскіе Орды*, 6 *Астраханскіе Татары*, 7 *Таврическіе Татары*, 8 *Нагайскія Орды, живущія около Чернаго моря и по Кубанѣ*, 9 *Терекскіе Нагайскіе Татары*, 10 *Кундуровскія Нагайскія Орды*, 11 *Кавказскіе Народы*, 12 *Лесги*, 13 *Базіане*, 14 *Черкесы*, 15 *Трухменцы*, 16 *Осеты*, 17 *Авхазы или Абазы*, 18 *Кисты или Кистинцы*, 19 *Чеченги*, 20 *Югуши*, 21 *Милчеги*, 22 *Карабулаки*, 23 *Кумикскіе Татары*, 24 *Амбарлинцы*, 25 *Грузинцы* шакъ же, по сосѣдству съ Ташарами, помѣщены въ сей части; 26 *Бухарцы*, 27 *Татарскіе поселяне*, 28 *Башкирцы*, 29 *Мещеряки*, 30 *Барабинцы*, 31 *Киргизцы*, 32 *Обьскіе Татары*, 33 *Чулымскіе Татары*, 34 *Качинскіе Татары*, 35 *Телеуты*, 36 *Кистимскіе и Тулибертскіе Татары*, 37 *Абинцы*, 38 *Верхотомскіе Татары*, 39 *Бирюссы*, 40 *Заянскіе Татары*, 41 *Белтыри*, 42 *Якуты*. Въ сей же части приложены на приличныхъ мѣстахъ изображенія описанныхъ въ оной Народовъ, а именно подъ нумеромъ 26 *Казанскаго Татарина*, 27 и 28 *Казанской Татарки съ переди и съ тылу*, 29 *Чатской Татарки*, 30 *Нагайской Татарки*, 31 *Кабардинца*, 32 *Кабардинки*, 33 *Сибирскаго Бухара*, 34 *Башкирки*, 35 *Мещерячки*, 36 *Барабинской бабы*, 37 *Барабинской дѣвки*, 38 *Киргизца на конѣ*, 39 и 40 *Киргизки съ переди и съ тылу*, 41 *Качинской Татарской бабы*, 42 и 43 *Качинской дѣвушки съ переди и съ тылу*, 44 и 45 *Шаманки Качинской въ Красноярскомъ Уѣздѣ съ переди и съ тылу*, 46 и 47 *Татарской бабы въ Кузнецкѣ съ лица и съ тылу*, 48 и 49 *Татарской дѣвушки въ Кузнецкѣ съ лица и съ тылу*, 50 и 51 *Якута въ охотничьемъ платьѣ съ переди и съ тылу*, 52 и 53 *Якутской бабы съ переди и съ тылу*, 54 и 55 *Якутской дѣвки съ лица и съ*

тылу. — Да съ верьхъ сихъ изображенїй, находятся при второй же части еще два изображенїя: *заглавное,* представляюще особливыя Кундуровскихъ Татаръ юрты или кибитки на колесахъ, удободвижимыя съ мѣста на мѣсто такъ, какъ и образъ ихъ кочеванїя, и *конечное,* которое представляетъ Якутское плаванїе въ берестовой, или кожею обтянутой, лодкѣ, такъ же верьховую и упряжную ѣзду на волахъ, ихъ юрты и рыбную ловлю на байдарахъ.

Во третьей части описаны Народы особенные и донынѣ еще не рѣшенные о принадлежности ихъ къ какому либо изъ главныхъ и первоначальныхъ Россійскихъ Народовъ, яко Народы *Семоядскіе* или правильнѣе, *Суома-Йотскіе, Восточные Сибирскіе* и *Манджурскіе,* такожъ *Островитяны* на Восточномъ морѣ, съ краткимъ извѣстїемъ объ употребительномъ у сихъ Языческихъ Народовъ *Шаманскомо Идолослуженіи*; Исторїя, мѣстопребыванїе, лицечертанїе, обычаи, употребленїя, одѣянїе, упражненїя, Вѣроисповѣданїе и прочїя достопамятности сихъ Народовъ описаны кратко но подробно: 1 *Семоядово,* 2 *Койбалово,* 3 *Саятово* или *Суома-Йотово,* 4 *Маторово,* 5 *Тубинцово,* 6 *Камачинцово,* 7 *Каракассово,* 8 *Народово смѣшанной породы,* 9 *Енисейскихо Отяково,* 10 *Аринцово,* 11 *Азаново,* 12 *Котовцово,* 13 *Манжурскихо Народово,* 14 *Тунгусово,* 15 *Восточныхо Сибирскихо Народово,* 16 *Юкагирово,* 17 *Камчадалово,* 18 *Коряково,* 19 *Чукчей,* 20 *Курильцово,* 21 *Восточныхо островскихо жителей,* яко *Алеутово* и *Сѣверныхо Американцово,* и 22 о *Шаманскомо Языческомо Законѣ.* При сей же части приложены на приличныхъ мѣстахъ изображенїя описанныхъ Народовъ и ихъ Идолослужителей, продолжая отъ нумера 56, представляющаго *Семояда,* 57 *Семоядку,* 58 *Семоядку во лѣтнемо платьѣ,* 59 *Тунгуса во такомо одѣяніи, во какомо ходято на звѣриный промысело.* 60 *Тунгуса на охотѣ,* 61 *Тунгуса во охотничьемо платьѣ,* 62 *Тунгусскаго Шамана при рѣкѣ Аргунѣ со лица,* 63 *Тунгусскаго Шамана при рѣкѣ*

Аргунѣ съ тылу, 64 *Камчадала въ зимнемъ платьѣ*, 65 *Камчадалку въ простомъ платьѣ*, 66 *Камчадалку въ хорошемъ платьѣ*, 67 *Камчадалку въ великолѣпномъ убранствѣ*, 68 *Шамана Камчатскаго*, 69 *Коряка*, 70 *Коряка въ уборномъ платьѣ*, 71 *Корячку*, 72 *Чукотскую бабу*, *въ обыкновенной одеждѣ*, 73 *Чукотскую бабу*, *выдѣлывающую кожи*, 74 *Алеута*, 75 *Курильца*. — Съ верьхъ сихъ изображенiй есть еще въ сей третьей части *заглавное* изображенiе, представляющее, какъ Семояды свѣжуютъ оленя и при томъ ѣдятъ внутренность его сырую; такъ же какимъ образомъ нагоняютъ они дикихъ оленей на стрѣлковъ, которые ихъ убиваютъ, и *конечное*, которое представляетъ восточнаго островскаго жителя, плывущаго въ своей тюленьей лодкѣ или байдарѣ, въ тюленьемъ одѣянiи и въ деревянной шляпѣ или козыркѣ, подобной утиному носу, съ перьями воткнутыми въ оный; тутъ же виденъ въ дали островъ съ огнедышущею горою, каковыя находятся на Курильскихъ и другихъ сосѣдственныхъ Камчаткѣ островахъ.

Въ четвертой и послѣдней части творенiя сего описаны Народы, обитающiе подъ Россiйскою Державою, слѣдующiе: *Монгольскiе Народы*, яко, 1 *Калмыки*, 2 *Ставропольскiе крещеные Калмыки*, 3 *Мугаммеданскiе Калмыки*, 4 *Буретты*, 5 *Монголы*, 6 *Армяны*, 7 *Грузинцы*, 8 *Индiйцы*, 9 *Нѣмцы и другiе Европейцы*, 10 Поляки, 11 *РОССIАНЫ*, разумѣя коренные два Народа въ смѣшенiи, яко, *Россовъ* и *Славянъ* древнихъ, Народъ владычествующiй во всей Россiйской Имперiи; 12 *Козаки* по всѣмъ ихъ именованiямъ, 13 *Курландцы*, и на конецъ 14 *Литва*. — При описанiи сихъ Народовъ приложены изображенiя ихъ по порядку подъ нумеромъ 76 *Калмыка*, 77 *Калмычки*, 78 *Братской дѣвушки въ Удинскомъ острогѣ съ переди*, 79 *ея же съ тылу*, 80 *Братской бабы въ Удинскомъ острогѣ съ лица*, 81 *ея же съ тылу*, 82 *Братской Шаманки съ лица*, 83 *ея же съ тылу*, 84 *Монголки*, 85 *Монгольскаго Ламы или Духовнаго*, 86

Монгольской Шаманки или вѣщуньи, 87 *Армянина,* 88 *Армянки,* 89 *Поляка,* 90 *Полячки,* 91 *Калужскаго Купца,* 92 *Россійскаго Крестьянина ,* 93 *Калужской Купеческой жены въ лѣтнемъ платьѣ,* 94 *Калужской женщины въ зимнемъ платьѣ,* 95 *Калужской дѣвицы съ переди,* 96 *Валдайской дѣвки* 97 *Валдайской бабы,* 98 *Донскаго Козака,* 99 *Донской Козачки,* 100 *Черноморскаго Козака.* — При сей же четвертой части Описаніе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, есть еще изображенія *заглавное,* представляющее Киргизскую и Калмыцкую охоту за птицами на лошадяхъ съ кречетами и ястребами въ рукахъ и въ погонѣ за журавлями, а *конечное* положенную на музыку извѣстную Россійскую пляску *Голубца.*

Показанныя здѣсь изображенія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, представляютъ ихъ большею частію въ обыкновенныхъ ихъ одѣяніяхъ и лицечертаніяхъ, елико можно было ближе къ естественнымъ или природнымъ каждому изъ нихъ. Вырѣзаны оныя С. Петербургскими Рѣщиками: *Ротомъ, Шлеллеромъ* и другими, частію съ находящихся рисунковъ и фигуръ при Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ въ кунсткамерѣ, а частію съ живыхъ подлинниковъ.

Въ прочемъ я съ своей стороны почту себя весьма счастливымъ, буде сіе мое изданіе толь любопытнаго, *новаго* и весьма наставительнаго творенія удостоено будетъ отъ Россійской почтеннѣйшей Публики благосклоннаго пріятія, яко усердная жертва, возлагаемая съ благоговѣніемъ на священный жертвенникъ *БОЖЕСТВА*, пекущагося *Отечески* объ истинномъ и всеобщемъ просвѣщеніи и благоустройствѣ толь многихъ и различныхъ Народовъ, управляемыхъ благотворнымъ скиптромъ *ЕГО.* — Тогда-то усерднѣйшее желаніе мое достигнетъ настоящей своей меты.

Издатель.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Описанія НародовЪ, обитающихЪ вЪ Россіи, описанныхЪ вЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ, сЪ показаніемЪ, на которой страницѣ о которомЪ изЪ нихЪ писано.

ФИНСКІЕ НАРОДЫ, или ДРЕВНІЕ РУССЫ.

Древніе *Руссы* суть коренный Россіи Народъ, котораго имя только Россія на себѣ носитъ, а языкъ его древній, отъ смѣшенія, сосѣдства и послѣ соединенія со Славянами, совершенно почти изчезъ. Народъ сей въ древности занималъ пространство нынѣшней Россіи отъ острова Тамана, Хвалынскаго моря, по восточную сторону Волги, до Бѣлаго, простираясь по сѣверному Океану, по восточной сторонѣ Ботническаго залива, по Финскому заливу и озерамъ: Ладожскому и Ильменю; по рѣкамъ: Волхову, Шалони, Мстѣ, Ловати и Пали. При устьѣ Ловати древній ихъ городъ, *старая Руса*. Народъ сей отъ древнихъ чужеземныхъ дѣе-писателей назывался Цымбрами, Киммерами, Сарматами, Гоѳами и Гетами, а отъ сѣверныхъ домашнихъ Ютнарами, Рисарами, Ризами и Русами, т. е. по Цельтически, *сильными*. Въ старину Россія не называлась *Россіею*, но *Русь*, *Русіа*, а Россіею стала зваться не прежде, какъ въ концѣ царствованія *Іоанна* II, и названіе сіе введено Макаріемъ Митрополитомъ. Прежде Макарія, и нѣсколько времени послѣ него, какъ въ титулахъ, исторіяхъ и на деньгахъ всюду *Русь* именована, и самъ оный Государь въ рѣчахъ и граматахъ всегда *Русіа* употреблялъ. Руссовъ, Цимбровъ, или Кимеровъ, знатная часть, будучи потѣснена отъ Азовскаго моря Скиѳами, прошла въ Мидію и Лидію, а другіе подвинулись въ нынѣшнюю Ютландію, Голш-

тинію и Мекленбургію, отъ которыхъ и море тамошнее Кимврійскимъ прозвано. Тѣ же, кои, какъ выше показано, жили около Балтійскаго моря и далѣе къ ледовитому Океану, по пришествіи на Княженіе Рурика, да и прежде уже столько перемѣшались и породнились со *Славянами*, что на послѣдокъ стали составлять одинъ народъ; есть однакожь и по днесь особенные роды того древняго Русскаго Народа, извѣстные нынѣ подъ названіемъ, *Финскихъ народовъ*, и суть: *Лопари*, *Финны*, *Латыши*, *Мордва*, *Вотяки*, *Телтяры*, *Вогуличи*, *Отяки* и прочія посторонния малыя поколѣнія. Они суть самые древніе сѣверныя Россіи жители, и обитаютъ всѣ, кромѣ Отяковъ и Вогуличь, по сію сторону Уральскихъ горъ, составляющихъ естественный между Европою и Азіею предѣлъ.

По самому древнему ихъ состоянію были они всѣ кочевые Народы; но въ послѣдующія времена, а особливо по обращеніи ихъ отъ языческаго суевѣрія къ Христіанскому закону, сдѣлались они изъ скотоводцовъ землепашцами, и подвижнымъ своимъ жилищамъ предпочли одномѣстныя.

Разсѣянные въ восточныхъ Странахъ не большіе Народы сообразовались въ словѣ и одеждѣ съ тѣми Народами, кои имъ были порубежны, или которыхъ они подъ иго свое покоряли. Такимъ образомъ много переняли кое что Чуваша отъ Татаръ; Мордва, а особливо Зиряне и Пермяки, коихъ теперь почти и признать не можно, отъ Россіянъ; Отяки отъ Семоядовъ, и такъ далѣе. Однакожь весьма удивительно, что премногія, въ разсѣяніи живущія, *Финскія поколѣнія*, и при различномъ положеніи занимаемыхъ ими мѣстъ, имѣютъ еще и теперь очень много *собственнаго* и *сообразнаго* главнымъ Финскаго племени колѣнамъ въ разсужденіи тѣлообразія, общенародныхъ свойствъ, языка, нравовъ, одежды, суевѣрія, и проч. Все сіе явственно будетъ видно изъ частныхъ описаній. Достойно такъ же примѣчанія и то, что премногіе изъ сихъ Народовъ живутъ еще и теперь только въ сѣверныхъ, болотистыхъ и лѣсистыхъ Странахъ, кои изконн были любимыя Финскаго племени мѣста; въ разсужденіи чего и называются они *Наболотными жителями* (Суома Яме). Звѣриная и рыбная ловля была первымъ ихъ промысломъ. Въ прочемъ кажется быть и дѣйствительно вѣроятно, что столь великое сходство доказываетъ не оспоримо основанное на самой истинѣ мнѣніе г. Статскаго Совѣтника Миллера, такъ и Профессора Фишера: *что всѣ сіи Народы суть не особливыя какія, но только отщетившіяся отъ Финскаго племени колѣна.*

ЛОПАРИ.

Лопари, или *Лапландцы,* называютъ себя *Самами* и *Сомами,* а Страну свою *Самеандою* и *Самеладдою.* Они живутъ въ Архангельскомъ Намѣстничествѣ, въ Кольскомъ уѣздѣ, и занимаютъ простирающуюся выше Ботническаго на сѣверѣ залива, между находящимся въ западной сторонѣ *Сѣвернымъ,* а въ восточной *Бѣлымъ* морями землю, лежащую по Россійскому Атласу между 67 и 75 степенями сѣверной широты, и состоящую какъ изъ подавшихся наиближе къ сѣверу *Алтайскихъ горъ,* такъ и изъ склоненія оныхъ на востокѣ и югѣ въ низменныя, болотистыя, дикія, лѣсистыя и озерами изобилующія, гористыя мѣста. Норвежскіе, Шведскіе и Россійскіе предѣлы сошлись тамъ такъ, что *Шведская Лопарія* въ южной самую большую, *Россійская* въ восточной, а *Норвежская* въ сѣверной сторонѣ высокихъ горъ меньшую занимаетъ часть земли. По причинѣ неплодородія тамошнихъ горъ и суровости воздуха, такъ какъ и по тому, что Лопари живутъ почти звѣрообразно, не можетъ сей Народъ, соотвѣтственно обширности занимаемой имъ Страны, быть многолюденъ. Россійская Лопарія заключаетъ около тысячи верстъ въ поперешникѣ; но больше 1200 не наберется тамъ Лопарскихъ семей. Норвежская Лопарія гораздо меньше, а Шведская на противъ того не сравненно больше занимаетъ пространства; воздухъ тутъ благорастворённѣе, но жителей столь же мало.

Лопари суть *Финскій Народъ.* Они назывались еще и за шесть сотъ лѣтъ до нашихъ временъ *Стрико Финнами* (бѣглыми Финнами), и вѣроятнѣе кажется, что нынѣшніе Финны, отщетясь отъ нихъ, переселились въ привольнѣйшія мѣста, для спокойнѣйшей и выгоднѣйшей жизни, нежели противное сему мнѣніе. Они издревле жили на своихъ горахъ, и управляемы были собственными Владѣльцами: но на послѣдокъ покорены Шведами, и теперь нѣтъ у нихъ и памяти Дворянскихъ семей.

Росту они *средняго.* Почти у всѣхъ у нихъ видъ плоскій, щеки не обыкновенно запалыя, глаза темносѣрые, борода жидкая, волосы русые, густые, прямые, а цвѣтъ въ лицѣ, отъ воздуха, дыму и неопрятности, изъ желта смуглый. Отъ суровой своей жизни, бываютъ они сложеніемъ крѣпки, проворны и изгибчивы, но при томъ и лѣности подвержены.

Разумъ у нихъ *обыкновенный простонародный*. Въ прочемъ они миролюбивы, Начальникамъ своимъ очень покорны и почтительны, къ воровству не склонны, постоянны, въ обхожденіи веселы, но не довѣрчивы, въ торгахъ плутоваты, объ отечествѣ своемъ и общежительственномъ устроеніи очень много думаютъ, и столько какъ оными, такъ и самими собою плѣнены, что, будучи внѣ отечества, умираютъ больше отъ сокрушенія своего по родинѣ.

Женщины ихъ росту малаго, ласковы, не развращенны, нарочито бываютъ пригожи и чрезвычайно пугливы; въ чемъ и мужчины имъ подобны, но не совершенно. Ежели попадетъ на нихъ искра, не чаянно услышатъ шорохъ, такъ же когда увидятъ внезапно чужихъ, хотя съ лица и не дурныхъ, людей, либо другое что не важное, но для нихъ странное: то находитъ отъ того на нихъ шаль, и что имъ ни попадется въ руки, тѣмъ и бьютъ приближающихся къ нимъ, а когда очувствуются, то ни чего не помнятъ. Смотря на многочисленную ихъ бесѣду, можно примѣтить, что слушающіе пошевеливаютъ устами такъ точно, какъ и тѣ, кои дѣйствительно разговариваютъ.

Языкъ ихъ, заимствующій начало свое отъ Финнскаго, имѣетъ столько нарѣчій, что и сами Лопари съ трудомъ всѣхъ своихъ одноплеменцовъ слова разумѣютъ. Всѣ слоги произносятъ они столько жестоко, что пѣніе ихъ, по сей причинѣ, бываетъ подобно вою и лаю наипротивнѣйшему. Они не знаютъ ни печатныхъ, ни письменныхъ буквъ; но употребляютъ начертанныя, по подобію какихъ ни есть звѣрей и вещей, *клейма*, которыя кладутъ на свои бирки, или памятники, да и въ мѣсто письменнаго заручательства прилагаютъ. Мѣсяцы называютъ они по естественнымъ, надъ растѣніями и звѣрьми произходящимъ, явленіямъ. Такъ на примѣръ, называютъ они мѣсяцъ Май, Чесмесъ (лягушечій), и проч. Небесныя свѣтила различаютъ они также не дурно: *Медвѣдицу* называютъ они, лукомъ (Цоука). *Семизвѣздіе*, скотскимъ сердцемъ (Теіоко), *Комету*, долгохвостою звѣздою (Зейпикснассе), и такъ далѣе. Многіе упражняются и въ предсказаніяхъ, на звѣздочетствѣ основываемыхъ.

Почтеніе оказываютъ они между собою по лѣтамъ, да по имѣнію. Жадность къ богатству есть самая большая ихъ страсть, и по тому очень часто вступаютъ они въ тяжбы за наслѣдство. Корыстолюбіе отвлекаетъ ихъ отъ всякаго о бѣдныхъ соболѣзно-

ванія, и какъ у нихъ не водится, чтобъ ѣздилъ кто на томъ оленѣ, на коемъ везено мертвое тѣло: то и о родительскихъ похоронахъ происходятъ часто между дѣтьми долговременные споры. Избѣгая за какое ни будь и не важное преступленіе наказанія, уходятъ они иногда изъ своего уѣзда въ другой, съ онымъ порубежный; но сіе переселеніе кажется имъ столь же важно, какъ Европейцу путешествіе въ Индію.

Народъ сей *не отсталъ*, и по принятіи Христіанскаго закона, *отъ кочевой* своей *жизни*, да и то надобно сказать, что сельское домостроительство въ занимаемой имъ Странѣ было бы не прибыльно. Въ прочемъ *раздѣляется* оный *на нагорныхъ* и *поморскихъ* жителей. Нагорные Лопари, кои со стадами своими, изъ не равнаго числа оленей состоящими, живутъ какъ на горахъ, такъ и по близости оныхъ, почти безпрестанно перебираются съ одного мѣста на другое. Ихъ можно назвать преискусными и рачительными скотоводцами, и, въ сравненіи съ поморскими Лопарями, богатыми: ибо есть между ими такіе зажиточные люди, кои имѣютъ сотъ по шести и по тысячѣ оленей, да съ верьхъ того еще наличныя деньги, или серебреную посуду. Оленей своихъ замѣчаютъ они на ушахъ, и дѣлаютъ ихъ на столько разныхъ родовъ, что, хотя считать и не умѣютъ, узнаютъ съ перваго вгляду, которыхъ не достаетъ. У кого животныхъ сихъ не много, тотъ даетъ каждому особое названіе. Излишныхъ же оленей холостятъ, раздавливая зубами сѣмянныя хранилища. Самцы олени, всѣ бодры, смирны, велики, дюжи и красивы; въ разсужденіи чего и употребляютъ ихъ Лопари всегда въ поѣздки, и при томъ столько они имъ милы, что ежели мужчина или женщина, вздумаетъ кому сказать ласковое слово: то называетъ его оленемъ (Гаерце Едъ).

Поморскіе Лопари, называемые такъ же лѣсными и звѣроловными, по тому, что живутъ лѣтомъ около морей и озеръ, а зимою въ лѣсахъ, заимствуютъ пропитаніе свое отъ рыбной и звѣриной ловли, и избираютъ всегда подъ жилища свои привольныя, для сихъ промысловъ, мѣста. Однакожь большая ихъ половина держитъ у себя и оленей, по незнатному числу. Съ одного мѣста на другое переселяются они рѣдко, и суть въ прочемъ рачительные и искусные звѣроловы. Огнестрѣльное оружіе со всѣмъ почти вывело у нихъ изъ употребленія лукъ и стрѣлы. Ежели кто ни будь изъ нагорныхъ Лопарей придетъ въ бѣдность, то уступаетъ остальныхъ своихъ оленей кому ни есть изъ пріятелей, а самъ прини-

иается, для изправленія своего, за звѣриный промыселъ, который и продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства его не перемѣнятся. Дикихъ оленей, волковъ и другихъ, симъ подобныхъ, звѣрей бьютъ они больше дубинами, по тому, что на лыжахъ свободно ихъ догоняютъ. Медвѣдей же сперьва подстрѣливаютъ, а по томъ рогатинами съ ними управляются.

Сверьхъ оленья скотоводства, такъ же рыбной и звѣриной ловли, *дѣлаютъ мужчины* про себя не большія, легкія и плотныя *лодки*, подобныя имъ видомъ сани, оленью збрую, всякую деревянную посуду, чашки, стаканы, и прочую, которую либо украшаютъ не дурною рѣзьбою, либо обкладываютъ костью, оловомъ и рогомъ. Мужчины изправляютъ такъ же, безъ помощи женъ, и всю поваренную работу.

На противъ того *женщины* вяжутъ сѣти, сушатъ на солнцѣ мяса, вялятъ рыбу, доятъ ланей, пріуготовляютъ сыръ, выдѣлываютъ мягкую рухлядь, теребятъ звѣриныя жилы, для употребленія въ шитьѣ, въ мѣсто нитокъ, волочатъ проволоку изъ олова; при чемъ, за неимѣніемъ волочильныхъ желѣзъ, пробуравливаютъ въ оленьихъ рогахъ дырочки, и дѣлаютъ сперва круглую, а по томъ плоскую проволоку. Они такъ же портничатъ, вышиваютъ волоченымъ оловомъ, сребромъ, мишурою и шерстью узоры, и упражняются въ красильномъ искусствѣ.

Живутъ въ подобныхъ полевымъ ставкамъ шалашахъ, состоящихъ изъ вколоченныхъ въ землю, и къ верьху будто куполомъ сведенныхъ столбиковъ. Въ поперешникѣ бываютъ шалаши ихъ по пяти, а въ вышину съ не большимъ на одну сажень. Они покрываютъ оный, сообразуясь съ теченіемъ времени и своими достатками, хворостомъ, дерномъ, берестою, холстомъ, толстымъ сукномъ, войлоками, или ветхими оленьими кожами. Входъ въ шалаши ихъ закрываетъ навѣсъ, обтянутый сукномъ, войлокомъ или другимъ чѣмъ. По серединѣ бываетъ, для разводу огня, обкладенное каменьями мѣсто, надъ которымъ опущена для вѣшанія котла цепь. Во кругъ огня сыплютъ они еловую труху, и покрываютъ оную подложенными мѣхомъ одѣялами, войлоками, или инымъ чѣмъ. Они не могутъ въ шалашахъ своихъ стоять прямо, но сидятъ около огня на цыпкахъ. Ночью спятъ всѣ они нагіе, и кладутъ промежь себя, для отдѣленія ночлѣговъ, жерди. Платьемъ своимъ одѣваются, а иногда кладутъ оное и подъ себя. Въ зимнее время надѣваютъ, ложась спать, на босыя ноги теплыя кисы.

Лопаръ.
Ein Lappländer.
Un Lapon.

Пожитки ихъ составляютъ чугунные котлы, украшенныя изрядною рѣзною работою чашки, стаканы, ложки, а иногда водятся у нихъ такъ же оловянные и серебряные стаканчики, и употребляемыя ими въ звѣриномъ и рыбномъ своемъ промыслѣ снасти. А дабы не таскать всего съ собою, когда вздумаютъ на другое перебраться мѣсто: то дѣлаютъ въ лѣсахъ, гдѣ кто захочетъ, на срубленныхъ, повыше сажени отъ корня, деревахъ подобные нашимъ голубятнямъ чуланы, въ которые кладутъ пожитки свои и съѣстные припасы. Они ни когда оныхъ не запираютъ, однако пропажъ не бываетъ.

Что касается до *одѣянія* ихъ, то бѣлье со всѣмъ у нихъ не въ употреблении. *Мужчины* носятъ узкія, за самыя лодыжки припущенныя штаны, востроносую изъ не выдѣланныхъ кожъ, и съ переди закорюченную обувь, въ которую кладутъ зимою нѣсколько сѣна, по костямъ сшитыя душегрѣйки, кои носятъ въ разпашку, и сдѣланное, по росту, верьхнее одѣяніе, у коего рукава бываютъ узкіе, а полы по колѣна. Подпоясываются украшенными мѣднымъ или оловяннымъ наборомъ ремнями, къ которымъ привѣшиваютъ ножъ, огниво съ принадлежностью и табашный приборъ. Одѣяніе свое шьютъ изъ мягкой рухляди, кожъ и сукна; кожаное и суконное платье бываетъ у нихъ всегда либо опушено, либо цвѣтнымъ сукномъ по краямъ оторочено. Шапки носятъ съ околышами, на которые употребляютъ Россійскіе Лопари, по большей части, содранныя съ крысъ шкурки. Къ верьху сводятся они востро, и выкладываются по четыремъ швамъ суконными, другаго какого цвѣту, полосками. *Женщины* носятъ подобныя мужскимъ штаны, обувь, душегрѣйки и верьхнее одѣяніе, а поясъ, къ коему такъ же привѣшиваютъ табашный приборъ, вышиваютъ по часту волоченымъ оловомъ. У верьхняго ихъ платья дѣлается воротникъ пошире мужскаго. Къ наряду ихъ принадлежатъ такъ же ошейныя повязки, маленькіе, изъ пестрой Россійской набойки, запоны, перстни, кольца и серьги, къ коимъ прицепляютъ иногда серебреныя цепочки, и обвертываютъ оныя нѣсколько разъ около шеи. На шапкахъ ихъ бываетъ не рѣдко такое множество складокъ, что нарочито походятъ на узолъ. Онѣ носятъ такъ же и по головѣ сдѣланныя, шапочки, кои всегда либо узорчато вышиваютъ волоченымъ оловомъ, либо украшаютъ цвѣтными суконными полосками.

Пищу свою заимствуютъ они больше отъ оленьяго скотоводства, такъ же отъ рыбной и звѣриной ловли. Оленье мясо,

начиненныя колбасы кровью, которую, или одну, или смѣшавъ съ дикими ягодами, пропускаютъ въ оленій желудокъ, и варятъ; равномѣрно внутренность сей скотины, сыръ, масло и молоко составляютъ главныя ихъ ѣствы. Изъ всѣхъ звѣрей почитаются у нихъ шатающіеся, въ великомъ множествѣ, дикіе олени наиполезнѣйшими, а медвѣди наивкуснѣйшими. Они ѣдятъ не только всякую рыбу и тюленей, но и всякихъ звѣрей и птицъ, не гнушаясь при томъ и хищными родами оныхъ. На зиму сушатъ на солнцѣ мясо, и вялятъ рыбу, а ѣдятъ, не варя. Они замораживаютъ, такъ же въ прокъ, въ звѣриныхъ желудкахъ оленье молоко и всякіе дикіе плоды. Когда вздумаютъ зимою полакомиться молокомъ, то колютъ замороженное, и грызутъ, какъ ледъ. Ворвань, а иногда и соль, служитъ имъ въ мѣсто прянаго коренья. Нѣкоторые Лопари покупаютъ, или вымѣниваютъ муку и крупу, для жидкихъ ѣствъ. Въ числѣ *лакомствъ* ихъ не послѣднее занимаетъ мѣсто *простокваша*, дѣлаемая ими изъ оленьяго молока, въ которое кладутъ траву *василекъ*. (*) Изъ *сыру* своего, который бываетъ такъ тученъ, что, ежели къ свѣчѣ прислонишь, горитъ, варятъ они и похлебки.

Общее ихъ *питье* есть или чистая, или съ молокомъ смѣшанная вода, такъ же рыбные и мясные отвары. Вина у нихъ рѣдко гдѣ достать можно, хотя они въ прочемъ и великіе до онаго охотники.

Подушный окладъ платятъ они тѣмъ Владѣльцамъ, на чьихъ земляхъ живутъ; и поелику они при странствованіи своемъ касаются и порубежныхъ Областей: то многіе платятъ двумъ, а нѣкоторые и всѣмъ тремъ Государствамъ, сирѣчь: Россіи, Швеціи и Даніи подати, которыя однакожъ во общѣ столь умѣренны, да и самые Лопари такіе покорные люди, что не бываетъ о томъ ни какихъ споровъ. Самый большій *торгъ* производятъ они теперь съ Норвежцами. Въ прежнія времена мѣнялись они съ ними товарами, а теперь торгуютъ больше на наличныя деньги; при чемъ Лопари главную получаютъ прибыль, по тому, что на мяткой рухляди больше выручаютъ, нежели сами платятъ денегъ за сукно, ножи, топоры, щепетильные товары, муку, крупу, и симъ подобныя надобности. И по тому платятъ они теперь подать свою обыкновенно наличными деньгами, хотя Россійскимъ Лопарямъ и дозволено, въ мѣсто оныхъ, отдавать въ казну мягкую рухлядь.

(*) Pingvicula vulg. Lin.

Лопарская баба.
Eine Lappländische Frau.
Une femme laponne.

Гос.
Публичная
Б-ка
в

Когда прійдетъ пора *ѣсть*, то старѣйшина семейства растилаетъ рогожу; а на голой землѣ отнюдь не ставятъ они своихъ ѣствъ. Около рогожи и поставленной пищи садятся мужчины и женщины. Всякъ носитъ при себѣ ножь, ложку и не большую для питья чашку. Ѣствы дѣлятъ они тотъ часъ по рукамъ, чтобъ не было ни кому обидно: ибо всѣ они добрые ѣдоки. Какъ передъ ѣдою, такъ и послѣ оной молятся они коротенько; а когда всѣ уже насытятся, то даютъ одинъ другому руку. Во время взаимныхъ *посѣщеній* даютъ они такъ же одинъ другому руку, и цѣлуются, говоря при томъ: *буерисъ!* а по другому выговору *пуересъ!* (здравствуй!). *Про чужихъ* людей, когда хотятъ ихъ посадить, стелютъ всегда свое одѣяніе; а первымъ мѣстомъ почитается у нихъ то, когда посадятъ промежъ хозяиномъ и хозяйкою. Гостей своихъ потчуютъ они плодами и курительнымъ табакомъ; плюютъ они себѣ въ руку, а по томъ тянутъ мокроту въ носъ. Когда *идутъ* къ кому, *познатнѣе* себя, *въ гости*: то несутъ всегда гостинецъ. При прощаніи поступаютъ такъ же, какъ и при встрѣчѣ. Кому они доброжелательствуютъ, тѣхъ называютъ *буоръ арцъ*. Бань у нихъ со всѣмъ нѣтъ, а моются по субботнымъ днямъ, кои почитаютъ наисвятѣйшими, въ рѣчкахъ, и при томъ часто оба пола въ мѣстѣ. Лежалыя деньги, такъ же сребро, и во обще все то, что почитаютъ дорогимъ, зарываютъ въ землю, и не объявляютъ ни кому о таковыхъ своихъ вкладахъ и при самой смерти, для того, что думаютъ пользоваться симъ имѣніемъ и на томъ еще свѣтѣ; а по тому большая половина ихъ стяжанія пропадаетъ.

По причинѣ суроваго воспитанія, много *умираетъ* у нихъ дѣтей, а которыя остаются въ живыхъ, тѣ бываютъ по большой части здоровы и бодры; что происходитъ, можетъ статься, отъ ихъ безпечности, умѣренности, движенія и отъ того, что избираютъ всегда для жилищъ своихъ высокія мѣста. Однакожь рѣдко кто доживаетъ у нихъ до глубокой старости. Обыкновенныя ихъ *болѣзни* суть слѣдующія: короста, чахотка, горячка съ пятнами, ломъ въ костяхъ и біеніе слезы изъ глазъ, отъ снѣгу и дыму. Пользуются же они въ болѣзняхъ своихъ больше суевѣрными, нежели дѣйствительными, врачеваніями: при чемъ употребляютъ такъ же для изцѣленія наружныхъ ранъ сосновую сѣру; отъ коросты моются уваромъ изъ ольховой коры, а отъ внутреннихъ болѣзней пьютъ парную изъ дикихъ оленей кровь. Наибольше же употребляется, и отъ всякой боли общею помочью почитается, у нихъ прижи-

ганіе больнаго мѣста губкою, которую зажегши кладутъ на оное, и не снимаютъ до тѣхъ поръ, пока кожа не трѣснетъ.

Безплодіе вмѣняется у Лопарокъ такъ же, какъ и у Жидовокъ, въ безчестіе. Роды у нихъ бываютъ обыкновенно легкія, а какъ женщинъ, кои бы могли въ нужномъ семъ случаѣ пособить, далеко иногда искать: то мужья сами имъ помогаютъ. *Колыбели* у нихъ долбленыя, не велики и легки, а съ виду походятъ на ткальные челноки, или на завостренныя съ обѣихъ концовъ ночовки. Дѣтей кладутъ они въ нихъ, подославши моху, нагихъ, и прикрывъ лоскутомъ какого ни будь мѣха, перетягиваютъ съ верьху веревочками. Колыбели вѣшаютъ какъ въ шалашахъ, такъ и на древесныхъ сучьяхъ; а когда переселяются въ другое какое мѣсто, то матери носятъ ихъ за плечами, какъ ранцы. Отецъ надѣляетъ всегда новорожденнаго младенца одною ланью, и особливымъ замѣчаетъ оную клеймомъ, которое въ послѣдующее время бываетъ заручительнымъ новаго сего члена общества знакомъ; приплодъ же отъ такой подаренной младенцу лани почитается его собственнымъ, а не къ общему наслѣдству принадлежащимъ имѣніемъ.

Родители *женятъ* и *за мужъ выдаютъ* дѣтей, по своей единственно волѣ, уважая при томъ одно только имѣніе; а по тому и безобразная дѣвка, когда только не скудна, можетъ выйти за хорошаго человѣка. Холостымъ не дозволяется у нихъ жениться до тѣхъ поръ, пока не выучатся свѣжовать оленей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разполагается договоръ о бракѣ съ такою превеликою точностію, какъ будьто о какой куплѣ; хотя въ прочемъ запросы бываютъ и нарочито не помѣрны. Даваемое женихомъ *за невѣсту награжденіе принимается щетомъ*, и состоитъ въ извѣстномъ количествѣ оленей, или мягкой рухляди.

Свадьба бываетъ у невѣсты, которая въ самомъ лучшемъ своемъ нарядѣ выходитъ къ гостямъ простоволоса; а въ другую пору всегда повязана голова какъ у бабъ, такъ и у дѣвокъ. Свадебное ихъ угощеніе есть не иное что, какъ общественное пиршество, на которое идучи несетъ всякъ съ собою какъ съѣстное, такъ и напитки. *Забавляются* же они на свадьбахъ и при другихъ сборищахъ *игрою въ гуська*. Сія игра подобна шахматной, и производится тринадсятью камышками, представляющими гусей и лисицу. Увеселяются такъ же борьбою, прыганьемъ черезъ держимые въ доль шесты, разсказываніемъ забавныхъ басень, нескладнымъ, и пополамъ съ крикомъ смѣшаннымъ, пѣніемъ и пляскою. Молодые жи-

вутъ первый годъ у тестя и тещи, а по томъ перебираются въ свой шалашъ.

Умершихъ предаютъ они погребенію безъ гробовъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кладутъ въ одѣяніи, а въ другихъ со всѣмъ нагихъ. Оставшіеся при языческомъ своемъ суевѣріи Лопари погребаютъ славнѣйшихъ своихъ стрѣльцовъ по близости тѣхъ мѣстъ, гдѣ приносятъ богамъ своимъ жертвы. Въ прежнія времена клали они покойниковъ на землю, и обклавъ ихъ камнями, наваливали еще и съ верьху по великой грудѣ каменья же; а теперь оборачиваютъ обыкновенно на могилѣ сани, и кладутъ подъ нихъ по немногу пищи и утвари, что дѣлаютъ тайно и принявшіе Христіанскій законъ Лопари. Зажиточные люди уготовляютъ для провожающихъ похороны не большой пиръ, а большая половина сего и не затѣваетъ.

Всѣ Шведскіе и Норвежскіе Лопари, а изъ Россійскихъ большая половина, *называются Христіанами*: однакожь у сихъ Христіанъ суевѣріе въ великой еще силѣ, и Христіанскіе обряды перемѣшаны съ языческими. Будучи Язычниками вѣровали они, да и теперь вѣруютъ, въ *Юбмела, общаго Бога*, и думаютъ при томъ, что кромѣ его есть еще добрые и злые, мужескаго и женскаго пола Божки и Богини *меньшаго достоинства*. Живутъ и правительствуютъ они, по мнѣнію ихъ, либо *въ небѣ*, какъ *Юбмелъ* и *Редіанъ*, пріемлющій къ себѣ тѣхъ, кои жили благочестно; либо *на воздухѣ*, какъ *Бейве* (Солнце), *Горангелисъ*, называемый такъ же *Ая* и *Горъ*, и значащій грозу, *Буагъ Олмай*, располагающій бурями и порывистыми вѣтрами; либо *на землѣ*, на святыхъ горахъ, какъ *Лейбъ Олмай*, богъ звѣроловства, *Мадеракко* съ тремя своими дочерьми, Богинями, женскія дѣла устроающими и судящими, *Сайво Олміакъ*, нагорные Волшебниковъ Боги, и проч. *Подъ земною же поверьхностію* обитаютъ, по ихъ разсужденію, и владычествуютъ: *Ямбе Акко*, мать смерти, у которой разлучившіяся съ тѣломъ души пребываютъ до самаго рѣшенія ихъ судьбины; а *въ Средоточіи земли*, или ада, гдѣ *Пескалъ*, глава злыхъ духовъ, господствуетъ надъ беззаконниками *Рота* и другіе Боги. Они вѣруютъ такъ же, что и *въ водѣ* есть злые Боги и Богини. Въ прочемъ боятся они *Коболда*, вѣдьмъ, лѣшихъ, русалокъ и проч. Разные Лопари имѣютъ не рѣдко со всѣмъ отмѣнную о всѣхъ во обще, или о нѣкоторыхъ только Богахъ вѣру, и при томъ не токмо между собою

несогласны, въ разсужденіи количества оныхъ, но исповѣдуютъ еще и чуждыхъ Боговъ и духовъ.

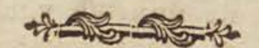
Святыя горы служатъ имъ *въ мѣсто капищъ*, и заимствуютъ всегда прозваніе свое отъ оленей, какъ на примѣръ, *Стирень-алда,* олень горы Стира; не меньше почитаютъ они *святыя озера* (Аилекасъ Яувра), и *рѣки* (Пассе Іокъ). Во всѣхъ таковыхъ мѣстахъ стоятъ освященныя дерева, на коихъ видны разные, Лопарями начертанные, виды, а по близости оныхъ находятся, сдѣланные ими отъ 3 до 5 футовъ въ вышину, жертвенники. Мѣста сіи кажутся и принявшимъ уже Христіанскій законъ Лопарямъ такъ страшны, что не смѣютъ безъ жертвы къ онымъ приближиться, и по тому они въ околицѣ оныхъ ни звѣрей не ловятъ, ни сами не живутъ. Наипаче же женщинамъ должно, по ихъ мнѣнію, убѣгать такихъ мѣстъ. Тамъ стоятъ у нихъ деревянные, безобразные, изъ корня вырѣзанные, или изъ камней устроенные *идолы*: первыхъ называютъ они *Пассами*, а послѣднихъ, кои видны больше при озерахъ и рѣкахъ, и состоятъ изъ цѣлыхъ грудъ, странно огромощеныхъ, камней, нарицаютъ *Саетами*. Когда ловятъ они въ таковыхъ озерахъ рыбу, то должно имъ наблюдать безмолвіе, не водить за собою собакъ, не брать себѣ въ подмогу женъ, и прочее.

Жертвы приносятъ они, по случаю болѣзней, падежа оленей, безплодныхъ женитьбъ и другихъ временныхъ угнѣтеній. *Волшебникъ* долженъ имъ сказывать, къ какому Божеству надобно имъ обратиться, такъ же какую и гдѣ надлежитъ принесть жертву, и проч. На такой конецъ употребляетъ онъ иногда *волшебный* свой *барабанъ*, который есть не иное что, какъ продолговато, круглый съ одной стороны кожею обтянутый, языкъ, около коего бываетъ великое множество веревочекъ и всякихъ мѣлочей. На барабанной кожѣ представлены изображенія небесныхъ свѣтилъ, такъ же звѣрей, птицъ, заручительныхъ знаковъ, и сему подобнаго. Волшебникъ, положа на оную кольцо, и ударя колотушкою, которую составляетъ мохнатый оленій рогъ, можетъ, по мнѣнію Лопарей, узнать по тому изображенію, на коемъ ляжетъ попрыгивающее кольцо, какой давать ему отвѣтъ на всѣ, до прошедшаго и будущаго касающіеся, вопросы. Они призываютъ такъ же барабаномъ своимъ и духовъ; при чемъ тѣло ихъ обмираетъ, а душа переселяется на сборное духовъ мѣсто, и тамъ съ ними переговариваетъ.

Всякъ приноситъ отъ себя единственно жертву. Пріуготовляясь же къ обряду сему, очищается, и привязываетъ крѣпко всѣхъ

собакъ, чтобъ которая ни будь не перебѣжала чрезъ его дорогу, и по томъ, взявъ съ собою кости, или рога требуемаго Богами въ жертву звѣря, пускается въ путь къ святому мѣсту, не говоря о томъ ни кому, а увидѣвъ оное, кидается опрометью на землю, и ползетъ къ своей святынѣ. По томъ возлагаетъ приношенiе свое на жертвенникъ, молится, приложа лице свое къ землѣ, и вставъ, возвращается въ свое жилище. Большая половина жертвъ остается просто на мѣстѣ, а отъ того превеликiе скопляются груды костей и роговъ; но нѣкоторые и зарываютъ оныя, по тому, можетъ быть, что дарятъ подземнымъ Божествамъ. Мяса не приносятъ они ни когда въ жертву, будучи крѣпко увѣрены, что Боги не преминутъ покрыть онымъ кости. Ежели собака прiймется глодать жертвенную кость, то должно оную убить, и вырѣзавъ изъ нее ту же самую кость, которую она изгрызла, положить, въ мѣсто оной, на жертвенное мѣсто. Иногда выпускаютъ они кровь назначенныхъ въ жертву звѣрей въ рѣку, или проливаютъ молоко, либо вино, на землю въ жертву, для умилостивленiя къ себѣ *земныхъ* и *водяныхъ* Боговъ.

Держащiеся таковыхъ мнѣнiй люди, которые при томъ, и по сложенiю своему, пугливы, должны изобиловать *сновидѣнiями*, *страшилищами*, *суевѣрiями* и *сказками*; да у нихъ и подлинно всего того довольно. *Медвѣдя*, на примѣръ, называютъ они не симъ именемъ, но *лоштубнымъ старикомъ*. Они вѣрятъ, что ихъ чародѣи могутъ производить и прерывать вѣтры и дождь, такъ же призывать и прогонять насѣкомыхъ, разговаривать съ духами, и проч. Но при томъ вѣрятъ, что громъ ихъ преслѣдуетъ, и что естьли бы не было грому, то волшебствомъ уничтожилась бы вселенная. Нѣкоторымъ реченiямъ и образованiямъ присвояютъ они особливыя силы, и держатся многихъ, другихъ симъ подобныхъ, нелѣпостей. При всемъ томъ есть и между ними не меньше, можетъ быть, прямыхъ Греческаго и Лютеранскаго исповѣданiя Христiанъ, какъ и въ самыхъ тѣхъ Странахъ, гдѣ всѣ во обще жители исповѣдуютъ Христiанскую вѣру.

Ф и н н ы.

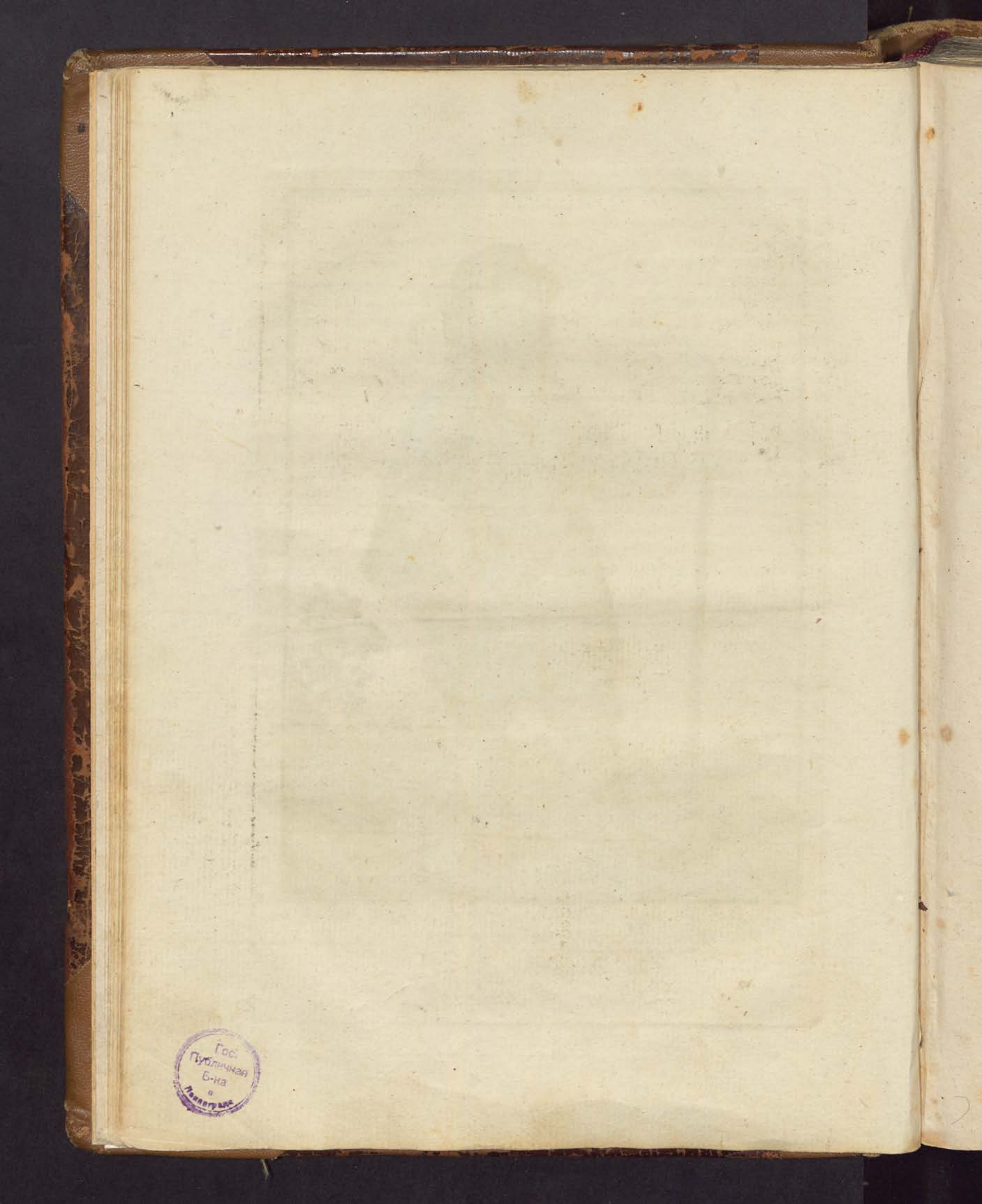
Финны называютъ себя *Самами* и *Суомами*, а землю свою *Суомою, Самою* или *Суоменъ-Сарою*, что значитъ болотистую и озерами изобилующую Страну. Слово же *Финнъ* и *Феннъ*, такъ какъ и названiе ихъ Земли, есть преложенiе Готскаго ихъ наименованiя Соуме. Россiяне называютъ ихъ обыкновенно *Чухонцами*, или *Маймистами*. *Финская Земля* занимаетъ сѣверо восточный Ботническаго и Финскаго залива уголъ между 60 и 65 степенями сѣверной широты, а пространство оныя считается во обще на тридсять тысячь Россiйскихъ верстъ. Финны живутъ въ Выборгскомъ намѣстничествѣ и С. Петербургской губернiи, гдѣ они Ижорцами или Инграми называются, такъ же около Валдая и Бѣжецка, и суть большею частiю Лютеранскаго исповѣданiя. Страна сiя камениста, но высокихъ горъ въ оной мало; лѣсовъ и превеликихъ болотъ, такъ же особенныхъ озеръ съ островами и безъ оныхъ, промежъ которыми есть мѣстами и *плодородная лошва*, великое тамъ множество, да и *минералами* суровая сiя Страна не неизобильна. Большая половина Финской Земли принадлежитъ *Швецiи*, а *Корелiею*, какъ южною частiю оной, владѣетъ *Россiя* съ 1721 года. Въ прочемъ страна сiя по причинѣ вышепомянутыхъ препятствiй населена посредственно.

Финны, отъ предковъ коихъ произошли почти всѣ сѣверные Европейскiе Народы, суть Азiатцы, преселившiеся въ древнiя, неизвѣстностiю покрытыя времена, изъ восточныхъ своихъ Странъ въ занимаемыя ими теперь на западѣ Земли. Они сообразны, по своему произхожденiю, нраву и языку многимъ Европейскимъ и Азiатскимъ Народамъ, какъ то, *Черемисамъ*, *Чувашамъ* и другимъ: но ни съ кѣмъ столько не сходствуютъ, какъ съ *Лопарями и Пермяками*. Кажется, что они отдѣлились отъ *Лопарей* не прежде, какъ въ тринадсятомъ столѣтiи, при разпространенiи Христiанской вѣры и утвержденiи жилищь на одномъ мѣстѣ. Въ Финской Землѣ называются еще и теперь многiя горы, рѣки и озера Лопарьскими именами. Изданное, въ 1335 году, Шведскимъ Королемъ *Смекомъ* учрежденiе можетъ удостовѣрить насъ въ томъ, что Финны промышляли тогда звѣриною и рыбною ловлею да скотоводствомъ, и что они держали у себя оленей, съ коими переселялись съ одного мѣста на другое. Да и изъ повѣствованiй видно,

3.

Чухонской мужикъ.
Ein Finnischer Bauer.
Paisan de Finlande.

что они не въ лучшемъ были тогда состоянїи и около Курскихъ и Ливонскихъ Балтїйскаго моря береговъ. Они имѣли собственныхъ своихъ Владѣльцовъ, но въ началѣ тринадсятаго столѣтїя покорены Шведами.

По наружному виду Финны совершенно сообразны Лопарямъ; но тѣлесными и душевными добрыми качествами далеко отъ нихъ отошли. Росту они обыкновеннаго; жительствуютъ въ городахъ и деревняхъ; говорятъ собственнымъ языкомъ, и пишутъ Готскими буквами; имѣютъ у себя разныя частныя и вышнїя Училища, и нарочито успѣваютъ въ различныхъ Художествахъ и Наукахъ. Исповѣдуя *Лютеранскїй законъ*, употребляютъ и *Христїанское лѣтосчисленїе*. Да и тѣ, кои Россїйской покорены Державѣ, пользуются Шведскими правами и преимуществами: но со времени открытїя Намѣстничествъ больше сообразоваться повелѣно Россїйскимъ законамъ и учрежденїямъ. Они составляютъ одно только чиностоянїе, и Дворянъ у нихъ нѣтъ: однакожъ крестьянинъ уступаетъ мѣщанину и купцу*, а всѣ во обще даютъ преимущество Государевымъ служителямъ, или такъ называемымъ *Чиновнымъ Людямъ*.

Города ихъ подобны Шведскимъ. Жители оныхъ производятъ торги и всякїе мѣщанскїе промыслы; а *сельскїе обыватели* упражняются въ землепашествѣ, звѣриной и рыбной ловлѣ, въ сидѣнїи дегтю, строенїи судовъ, и другихъ, симъ подобныхъ, дѣлахъ. Не только *деревни*, но и самые *дворы* ихъ бываютъ часто въ превеликомъ между собою отдаленїи. Финскїе дворы, по большей части, пространны. Жилье раздѣляется на три избы, изъ коихъ одна называется зимнею, другая лѣтнею, а третья стряпущею. На дворѣ же пристраиваютъ закромы, сѣнныя сушила, конюшни, клевы, овины, кладовыя и бани. Все строенїе свое взводятъ они такъ, какъ въ Россїи и Швецїи, изъ бревенъ. Хозяйство же свое ведутъ, по Шведскому обыкновенїю, да и домашняя у нихъ утварь такая же, какъ и у Шведовъ.

Землепашество наибольше прибыточно въ Корелїи; но во многихъ мѣстахъ, гдѣ земля *олоковата, холодна* и *ключами прорѣзана*, и гдѣ при томъ ранѣе оказываются ночные заморозы, часто бываетъ оное и неудачамъ подвержено. Рожь и овесъ почитаются тамъ надежнѣйшими посѣвами. А какъ и въ самые благополучные для землепашцевъ годы не бываетъ у нихъ никогда излишества въ хлѣбѣ: то, въ случаѣ неурожая, великую претерпѣваютъ они

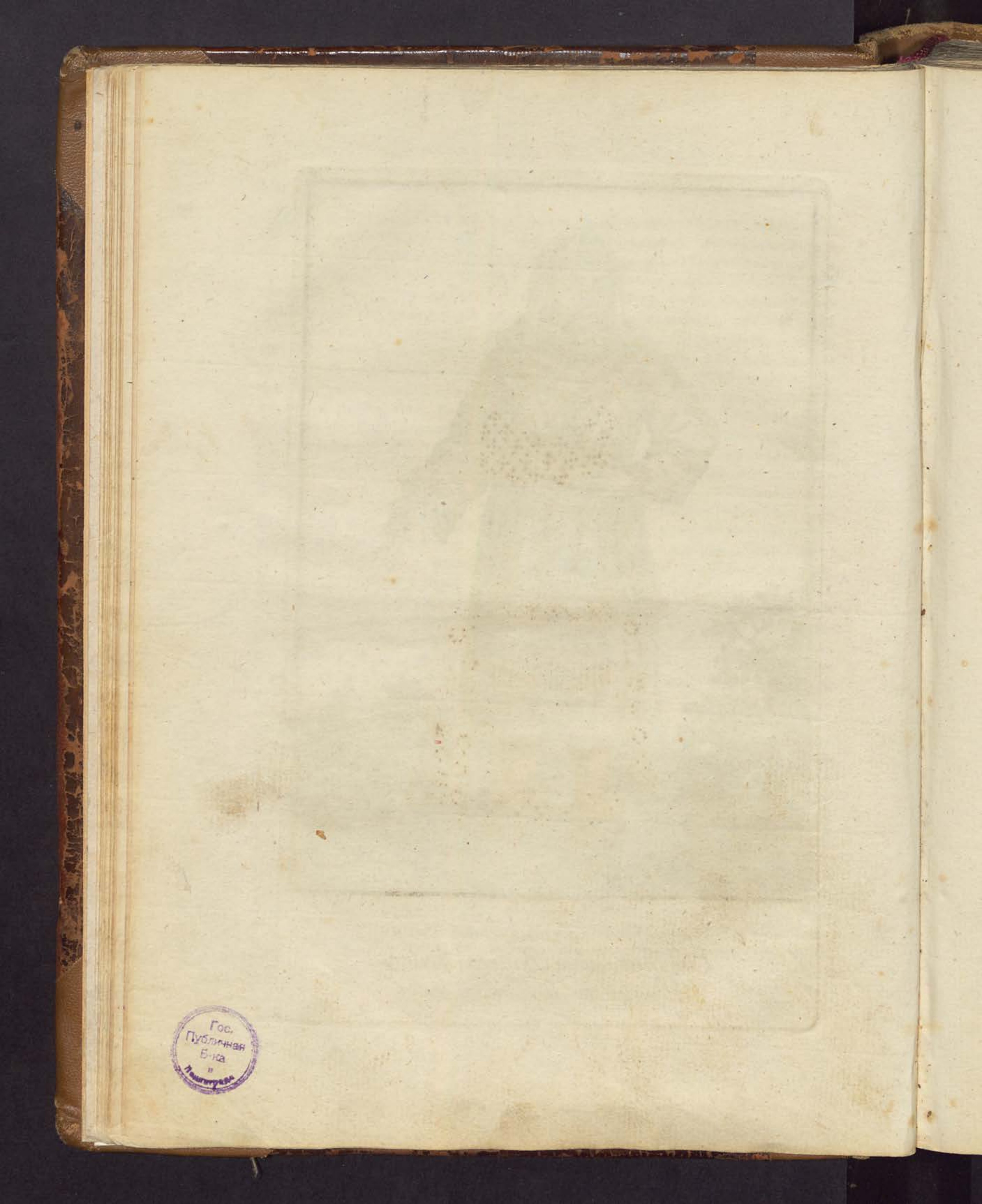
нужду, и предохраняя себя, сколько можно, отъ голоду, мѣшаютъ съ мукою сосновую кору и другія изъ царства растѣній существенности. Сѣверные Финны держатъ еще и теперь *оленей*; а у прочихъ водится обыкновенная дворовая скотина. Всякій скотъ ихъ крѣпокъ, но росту малаго. *Звѣриная* и *рыбная ловля* служитъ многимъ самымъ надежнымъ источникомъ пропитанія. *Деревенскія женщины* трудолюбивы и домовиты. Онѣ валяютъ толстыя сукна, ткутъ холстъ, красятъ, и проч. Ткальный ихъ снарядъ не можетъ безъ главныхъ недостатковъ простѣе быть нынѣшняго; ибо онѣ могутъ и теперь, при самомъ теченіи своей работы, легохонько оный разбирать, и опять становить. *Масло* пріуготовляютъ онѣ не по Россійскому обыкновенію, сирѣчь не перетапливаютъ, но пахтаютъ. Простолюдимы, *добрые ѣдоки*, и по тому ѣдятъ по пяти разъ въ сутки, да и до *хлѣбнаго вина* страстные охотники.

Одѣяніе городскихъ жителей и чиновныхъ Людей ни чѣмъ отъ Шведской городской одежды не отмѣнно. Да и *мужики* такое же точно носятъ платье, какое и Шведскіе крестьяны. Они отращиваютъ бороду, а иногда и бреютъ, оставляя одни только усы. Носятъ широкія штаны, чулки, или обвертываютъ ноги онучами, лапти изъ древесной коры и кожаные башмаки, рубахи, кои прячутъ въ штаны, душегрѣйки и маленькіе охабни, затягиваемые съ перьва пуговицами, а по томъ подпоясываемые ремнемъ. Волосъ они не завязываютъ, а голову прикрываютъ разпущенною и, почти на Голландскую похожею, шляпою, или разнаго вида шапками. Къ поясу привѣшиваютъ всегда большой ножъ, и иногда и ключи и огнивный приборъ. Одѣяніе шьютъ какъ изъ толстаго, собственнаго рукодѣлія, такъ и изъ тонкаго, купленнаго, сукна, да при томъ носятъ лѣтомъ кожаное, или холстинное, а зимою овчинное, или изъ какой ни есть мягкой рухляди сдѣланное.

Деревенскія женщины носятъ рубахи, штаны, чулки и кожаные башмаки, покрывающіе только подошвы, пальцы и запятки; не очень долгій, но широкій сарафанъ, узенькой запонъ, подобную верьхней рубашкѣ тѣлогрѣйку съ широкими рукавами; голову покрываютъ фатою; шею и грудь обвѣшиваютъ, многими корольками и бисеромъ унизанными, нитками, а въ уши продѣваютъ большія серьги. *Охабни и тѣлогрѣйки* шьютъ, на лѣто, изъ крашенины, своего рукодѣлія, и украшаютъ иногда змѣиными головками, или разнестреннымъ шитьемъ; а на зиму изъ толстаго сукна, или выдѣ-

Чухонская крестьянская баба.
Ein Finnisches Bauren=Weib.
Païsanne de Finlande.

Чухонка въ уборномъ платьѣ.
Eine Finnin im Feyertags-Kleide.
Femme finoise dans son habit des fêtes.

ланныхъ овчинъ. *Залоны* ихъ безъ складокъ, но чрезвычайно разпестрены шитьемъ, змѣиными головками, корольками, бахромками и сему подобнымъ. *Поясъ*, который дважды около тѣла обхватываетъ, и на боку прикрѣпляется, составляетъ кожаная или суконная, пальца въ три шириною полоса, коя по концамъ обшивается бахромкою.

Богатыя деревенскія женщины носятъ, *по праздникамъ зимою*, на хорошихъ мѣхахъ шубы; а *лѣтній* ихъ *нарядъ* подобенъ въ прочемъ выше сего описанному, но только пригожѣе, и отдѣлка онаго сопряжена съ затрудненіемъ и искусствомъ. *Праздничные* ихъ *сарафаны* бываютъ шелковые, подолѣе буднишныхъ, съ закраинами, выкладкѣ подобными, другаго какого ни будь цвѣту; вся передняя половина, отъ колѣнъ до подолу, разпестрена узорчатымъ шитьемъ и бисеромъ; узенькій *залонъ* очень пригожо украшенъ поперечнымъ пестрымъ шитьемъ и низаными такимъ же образомъ змѣиными головками, монетами и бисеромъ. *Поясъ* выкладенъ жестянымъ наборомъ, и въ переди закрѣпляется перевязью. На груди красиво такъ же вышито платье, и при томъ выложено змѣиными головками и бисеромъ. *Шея* покрыта великимъ множествомъ пронизокъ. Продѣтыя сквозь *большія серьги* многія, на пядень длиною, ленты висятъ по плечамъ и по широкимъ, не собраннымъ, короткимъ, и цвѣтною шерстью узорчато вышитымъ, *рубашечнымъ рукавамъ*. *Голову* покрываютъ пристегнутою, къ шапочкѣ *фатою*, которая простирается по спинѣ, и пропущена будучи подъ поясъ, достаетъ до самыхъ пятъ; да подъ тою же фатою виситъ еще въ ладонь шириною, корольками и змѣиными головками унизанный и въ низу бахромкою обшитый, *ремень*, коимъ покрываются волосы.

Финны, какъ *древніе Христіане*, по Шведскому церковному чиноположенію, не больше, въ разсужденіи *свадебныхъ* и *похоронныхъ обрядовъ*, отмѣняются, какъ и всѣ особенныя части пространныхъ Областей. *Деревенская* ихъ *невѣста* должна всякому, на свадьбу пришедшему, гостю подарить отъ четырехъ до пяти аршинъ холста, и съ верьхъ того пару чулковъ, за что надѣляютъ ее взаимно деньгами. А какъ употребленный на дары холстъ и проч. не оплачивается, и деньги, за оное собранныя, остаются при невѣстѣ: то выдаваніе дочерей за мужъ бываетъ матерямъ такъ трудно, что *дѣвки* названы по тому въ пословицѣ: *разореніемъ домовъ*.

Многїе изъ нихъ достигаютъ *глубокой старости* : но водяная, цынготная и падучая болѣзнь, а особливо *задумчивость*, нарочито между сельскими жителями свирѣпствуютъ.

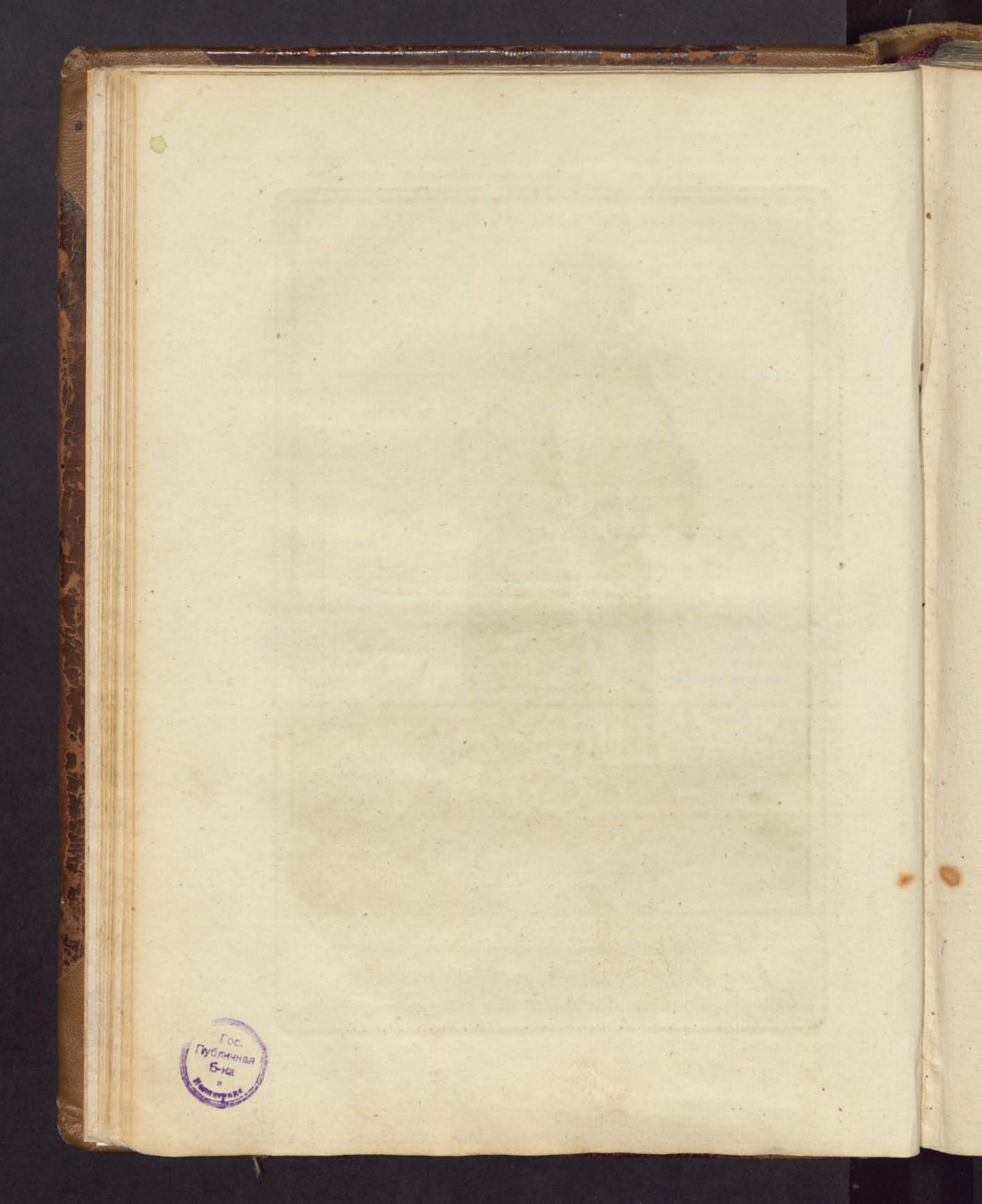
Древнїе Финны были такїе ревностные *Идолопоклонники*, что *обращенїю* ихъ въ половинѣ вторагонадесять вѣка къ Христїанской вѣрѣ, въ царство Шведскаго Короля *Ерика*, а во времена Папы *Александра* и Упсальскихъ Епископовъ *Стефана* и *Гейнриха*, надобно было и свѣтскою споспѣшествовать властїю. Въ половинѣ шестагонадесять вѣка должны они были, послѣдуя Шведамъ, принять *Лютеранскїй* законъ. Чрезъ толь долгое время сдѣлались преданїя о древнемъ ихъ Богословїи весьма недостаточными ; въ разсужденїи же новѣйшихъ временъ сходствуетъ оное въ главныхъ дѣлахъ съ законоученїемъ Лопарей и другихъ, отъ Финновъ происшедшихъ, Народовъ.

Подъ именемъ *Юмара* и *Юмалы* почитали они *общаго Бога*, да и во обще слово, Юмаръ, знаменуетъ Бога. Нѣкоторые изображали его въ видѣ великаго, съ золотымъ ожерельемъ, истукана. *Горе* было, подобное сему, божество, и можетъ быть тотъ же самый *Юмаръ*, подъ другимъ только именемъ. У нихъ было много и низшей степени Боговъ, которымъ они всѣмъ во обще приносили жертвы. Нѣкоторые изъ Идоловъ ихъ стояли въ пещерахъ каменныхъ горъ.—Они вѣровали такъ же въ *дїавола*, и обще съ Лопарями называли его *Перкеломъ* и *Пейкомъ* (адскимъ Богомъ); простой же степени Боговъ нарицали *Маагинами*, сирѣчь не чистыми духами.

А хотя и давно уже *пресѣклось* у нихъ *идолопоклонство*, однакожь сельскїе жители весьма еще *суевѣрны* ; а сїе произходитъ отъ разпространенїя и наслѣдованїя прародительскихъ мнѣнїй и отъ противуборствующаго просвѣщенїю, разсѣянїя жилищъ. Такъ на примѣръ, думаютъ они, что по понедѣльникамъ и по пятницамъ не бываетъ ни въ какихъ дѣлахъ желаемаго успѣха ; что тотъ, кто въ Георгїевъ день заводитъ шумъ, подвергаетъ себя громовымъ ударамъ ; что объ Рождествѣ не должно изъ клѣвовъ выпускать скотины; что въ день Стефана надобно давать лошадямъ пить черезъ сребро; что въ послѣднїй вечеръ сырной недѣли не должно ни огня разводить, ни свѣчь зажигать, и проч. Но ни что столько не обезумливаетъ ихъ, какъ *день всѣхъ Святыхъ*, который, по имени Идола, называютъ они, *Кикри*. Для почитаемыхъ *Католиками Святыхъ*, топятъ на канунѣ сего дня, баню, и снабдѣвъ оную теплою и холодною водою, такъ же вѣниками и прочи-

Чухонка въ уборномъ платьѣ со спины.
Eine Finnin im Feyertags-Kleide rückwärts.
Feme finoise dans son habit des fêtes par derriere.

ми надобностями, ставятъ на столахъ кушанье. Хозяинъ, одѣвшись чистенько, и не покрывая ни чемъ головы, растворяетъ, въ сумерки, ворота своего двора, съ такою вѣжливостїю, какъ будто бы въ домъ принимаетъ гостей; послѣ чего отпираетъ съ не меньшею ласкою баню, и, погодя не много, замыкаетъ. Пропустя нѣсколько времени, отпираетъ для выходу мнимыхъ своихъ Святыхъ банныя двери, и провожаетъ ихъ со двора, держа въ рукѣ стклянницу хлѣбнаго вина. *Коболду* (Раггене) ставятъ въ клѣвахъ, въ сей же самый вечеръ, кушанье. Въ честь Идолу *Кикрѣ*, закалаютъ, въ день всѣхъ Святыхъ, на самой утренней зарѣ, ягненка, котораго очистивъ, и не отрѣзывая ни которой части, варятъ, а по томъ ставятъ на столъ, и ѣдятъ. Праздникъ, называемый ими, *Вуоденъ Аткаясь*, кажется однакожь быть не просто на суевѣрїи основаннымъ. Въ назначенный хозяйскимъ отцомъ и дѣдомъ, или другими какими старѣйшими родственниками, день закалаютъ, варятъ и ѣдятъ овечку, и поелику звѣрямъ не должно отъ пищи сей ни чего удѣлять, то кости и все прочее зарываютъ въ землю. А кто не совершитъ сего дѣла, при которомъ они конечно возсылаютъ къ Идоламъ своимъ и мольбы, тотъ не долженъ ожидать, въ разсужденїи скотоводства своего, ни какого благословенїя.

Всѣ, въ языческомъ суевѣрїи утопающїе, Сѣверные и Сѣверо-восточные Народы почитаютъ *медвѣдей* очень важными звѣрьми, и думаютъ, что души ихъ такъ же, какъ и человѣческїя, безсмертны; а отъ сего и вошли въ употребленїе, при звѣриной ихъ ловлѣ, весьма многїе суевѣрные забобоны. У древнихъ Финновъ были особливыя пѣсни, которыя они пѣли всегда, при убїенїи медвѣдя; а дабы возъимѣли Читатели хотя малое о содержанїи оныхъ понятїе, то присовокупимъ здѣсь, нарочно переведенную съ Финскихъ стиховъ, такого рода пѣсеньку.

Дорогой ты одолѣнный, тяжело раненый, лѣсный звѣрь!
Надѣли хижины наши здоровьемъ и добычею, самому тебѣ милою, во сто кратъ,
И постарайся, когда къ намъ возвратишься, о изправленїи нашихъ нуждъ;
Мнѣ надобно приступить къ Богамъ, низпославшимъ мнѣ въ сей день столь славную корысть.
Когда, по скрытїи за Алтайскїя горы дневнаго свѣтила, возвращусь домой;
То пусть въ хижинѣ моей цѣлыя три ночи процвѣтаетъ радость.
Съ охотою и весельемъ взлѣзать буду въ предь на горы,
Съ радостїю стану домой возвращаться, и злодѣй не посмѣетъ ко мнѣ подойти.
Весело начался сей день, весело и проходитъ.
Безпрерывно стану тебя почитать, и буду отъ тебя ждать добычи,
Чтобъ не позабыть любимой моей медвѣжьей пѣсенки.

Латыши, Есты и Ливонцы.

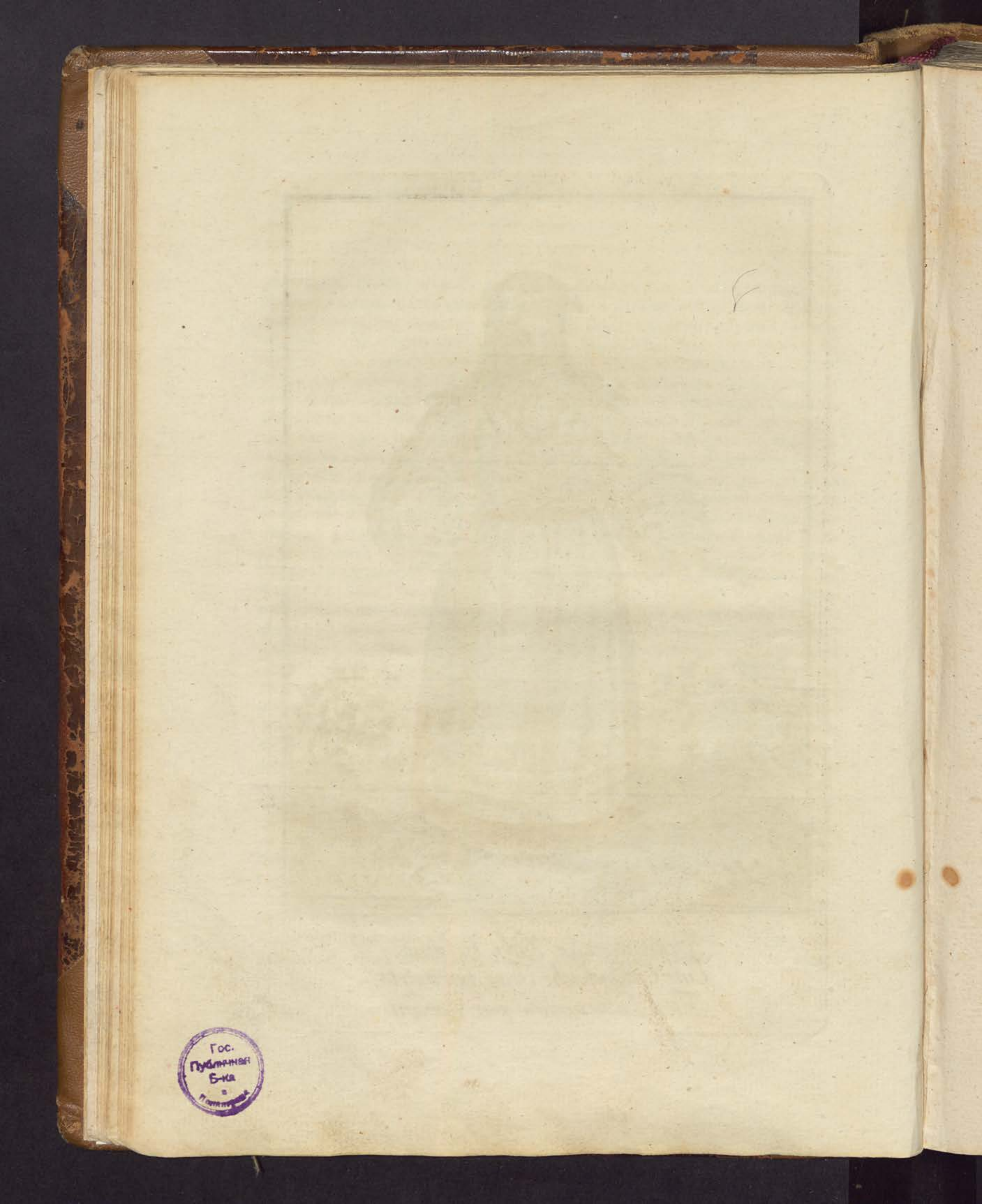
Латыши, Есты, или *Естландцы*, *Ливонцы*, или *Лифландцы*, по Нестору *Ливь*, населяютъ *Ливонскую*, а первые и *Курскую Землю*, или *Курландїю*. *Естская* и *Ливонская* Область заимствуютъ названїе свое отъ обитающихъ въ оныхъ людей. Народы сїи произошли правда отъ одного племени, однако на разныя раздѣлились общества. *Латыши*, кои обще съ *Литвою* и древними *Пруссами* составляютъ одинъ Народъ, суть смѣшанные съ Финнами Славяне. *Общество ихъ возлрїяло начало* свое въ первыхъ годахъ третьягонадесять столѣтїя при устьѣ рѣки *Вислы*, и оттуда далѣе распространилось. *Языкъ* ихъ состоитъ изъ трехъ четвертей Славянскихъ словъ и изъ не большаго Финнскихъ. *Есты* не столько перемѣшались съ другими Народами. *Ливонцы* же такъ, какъ и *Езельскїе жители*, чистое составляютъ Финнское поколѣнье. Сообразно различїю сему, отошли Финнскїя ихъ нарѣчїя одно отъ другаго такъ, что каждое особый составляетъ языкъ. Всѣ сїи три Народа называются еще, безъ дальнаго различїя, и *Полу-Нѣмцами*. Кажется, что *Латыши* заимствуютъ званїе свое отъ слова *Лада* или *Лиде*, то есть, удобрять землю. Они изъ древле упражнялись въ землепашествѣ, и когда отъ рѣки Вислы, въ срединѣ третьягонадесять столѣтїя, перешли въ Ливонскую Землю: то приняли ихъ къ себѣ въ общество Финны, кои тогда обращались больше въ скотоводствѣ, и о малыхъ пахатныхъ земляхъ съ ними не спорили; но на послѣдокъ они чрезъ удобренїе и обработыванїе выжженной земли столько захватили себѣ мѣста, что Финны отъ нихъ отщетились, а тѣ, которые съ ними остались, принялись такъ же за землепашество. И какъ въ то же самое время *Курская* и *Ливонская Земли* завоеваны *Нѣмецкими Рыцарями*: то всѣ они во обще сдѣлались Христїанами и крѣпостными людьми чужестраннаго Дворянства, въ каковомъ состоянїи и теперь находятся.

Латыши нынѣ живутъ въ Лифляндїи, *Эстляндцы* въ Ревельскомъ Намѣстничествѣ, и суть какъ тѣ, такъ и другїе почти всѣ Лютеранскаго исповѣданїя.

Видъ и *ростъ* ихъ не одинаковъ. Въ прочемъ они весьма похожи на Финновъ, и есть между ними великое множество печальнаго и сыраго сложенїя людей. Претерпѣваемое ими отъ Помѣщиковъ угнѣтенїе, такъ же бѣдность, суровое воспитанїе, и все во обще

Эстляндская баба съ лица.
Eine Estländische Frau vorwärts.
Feme Esthonienne par devant.

Гос.
Публичная
Б-ка
в

гражданское ихъ устроенїе, сдѣлало ихъ довольно крѣпкими къ снесенїю суровости воздуха, тягостныхъ работъ, недостатковъ и уничиженїя. Кромѣ жизни и любви, ни къ чему мїрскому они не пристрастны. Они нарочито упрямы, лѣнивы, неопрятны и къ пьянству склонны: но при всемъ томъ имѣютъ остроту разума, и *женскїй* ихъ *полъ*, меньше причастный угнѣтенїю, не дуренъ, и къ суетности склоненъ.

Живутъ они *въ небольшихъ деревняхъ*, на принадлежащихъ Дворянству ихъ земляхъ; *домишки* у нихъ *деревянные*, не велики и грязны. Въ домашнемъ ихъ быту и въ пищѣ видна великая бѣдность. Тѣ, которые не прямо въ господскую опредѣляются работу, получаютъ отъ Помѣщиковъ своихъ, для пропитанїя, пашни, луга и по небольшому числу дворовой скотины. Въ мѣсто податей, изправляютъ они ручную и повозочную, на господскихъ загородныхъ мѣстахъ, работу.—Съ верьхъ сего прядутъ еще женщины на господскїй домъ, и исправляютъ многїя другїя, симъ подобныя, работы. Большая ихъ половина ни о чемъ не заботится, по тому, что Помѣщикъ долженъ содержать ихъ пищею: но есть между ними и такїе, которые, пользуясь милосердїемъ Господъ своихъ, наживаютъ деньги; однакожь они обыкновенно зарываютъ оныя въ землю, и тѣмъ на всегда удаляютъ отъ обращенїя.

Платье носятъ мужчины такое же, какъ и Финнскїе мужики; только большая половина брѣетъ бороду. На прошивъ того *женское одѣянїе* походитъ больше на Славянское, и очень недурное. Они носятъ чулки, башмаки, или шуфли, бѣлыя рубахи, съ широкими, собранными, рукавами, обыкновенныя юпки, долгїе запоны и душегрѣйки, а около шеи обведенъ, и въ доль груди виситъ, сдѣланный изъ корольковъ пронизокъ. Обшивки у рукавовъ бываютъ, шитыя. Душегрѣйки же дѣлаютъ изъ пестреди и изъ, вышитаго узорчато, холста. Около охабней и передниковъ бываютъ, отъ подолу на пядень въ ширину, выкладки изъ инаго чего ни будь и другаго цвѣту; да сверьхъ того украшаютъ онѣ ихъ не рѣдко и нѣсколькими, во кругъ обведенными, полосками. Охабни подтягиваютъ поясомъ. *Бабы* и *дѣвки* разнятся между собою въ разсужденїи одѣянїя, по одному только головному убору. *Бабы* носятъ меленькїя, по головѣ сдѣланныя, пестрыя, золотыми, или серебряными, сѣтками обложенныя, шапочки, стянутыя на зади перевязью, отъ коей виситъ по затылку великое множество разноцвѣтныхъ, на пядень длиною, лентъ и снурковъ. *Дѣвки*, на противъ того, украшаютъ головы свои,

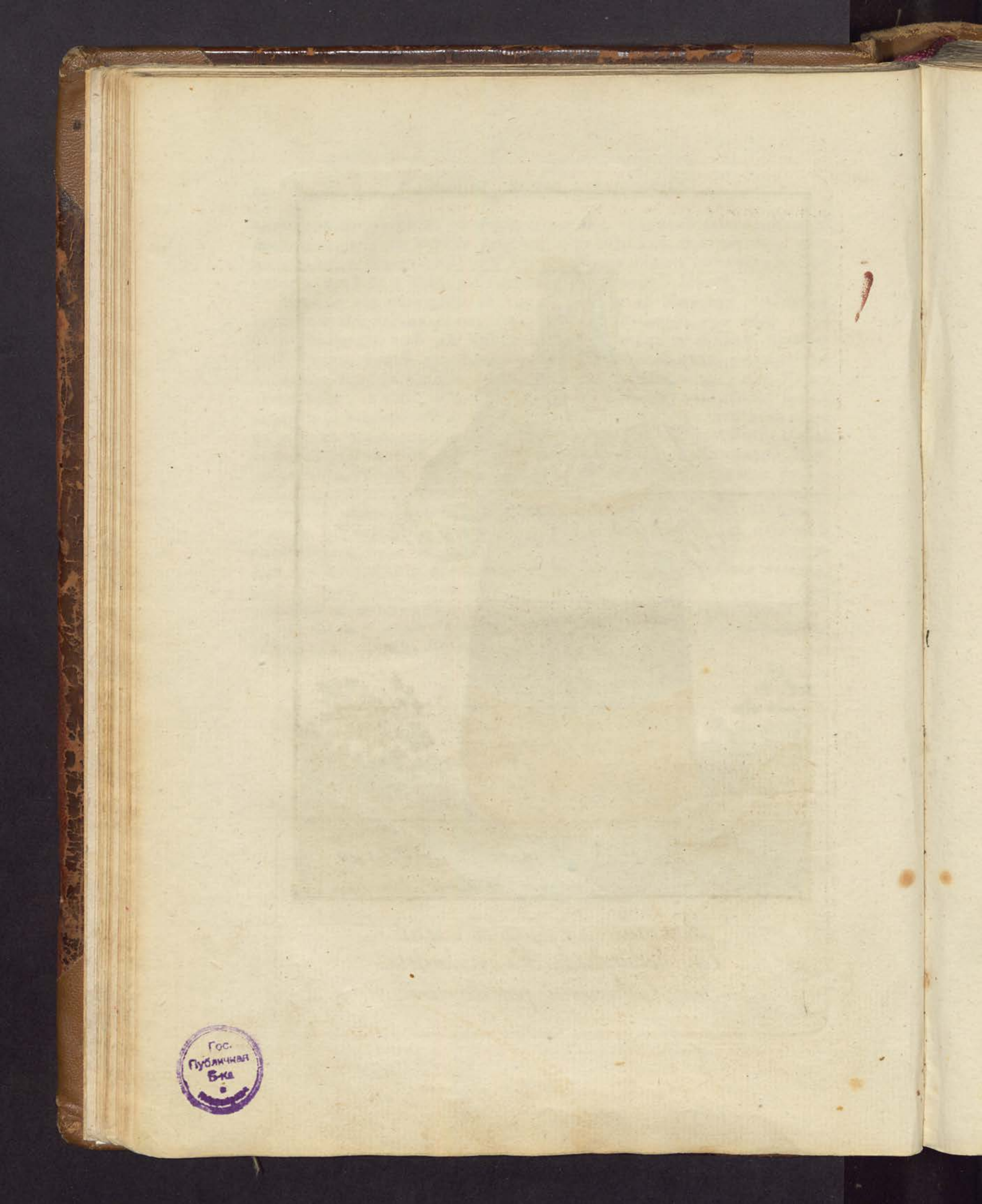
выше лба торчащими, оттопырившимися, галуномъ выложенными, повязками, кои съ переди широки, а на затылкѣ стягиваются разноцвѣтными перевязьми, отъ которыхъ, на пядень длинные, концы висятъ, какъ и у бабъ, по верьхъ разпущенныхъ волосъ.

Народы сїи обращены съ самаго начала *въ Римскую*, а около середины шестагонадесять столѣтїя *въ Лютеранскую вѣру*. Начало обращенїю ихъ къ Христїанскому закону положили Бременскїе Купцы, коимъ послѣдовали, въ благомъ семъ дѣлѣ, употребляя однакожь больше оружїе, нежели увѣщанїя, Меченосцы, или *Кавалеры меча*, а симъ Нѣмецкїе Рыцари. Чрезъ столь долгое время свѣденїе о *языческомъ ихъ Богослуженїи*, кое утверждалось во обще на одномъ только словесномъ преданїи, пришло въ забвенїе. Однакожь, въ разсужденїи того, что они не знаютъ основательно Христїанскаго ученїя, ведется между ними и теперь еще такое *суевѣрїе*, которое подходитъ очень близко къ прежнему ихъ идолопоклонству. Языческая ихъ вѣра совершенно сходствовала съ Финнскою и Лопарьскою. Они такъ же, какъ и сїи Народы, называли высочайшаго Бога, *Юмалою* и *Торомъ*, и присвояли ему собственныя его качества и произходящїя въ свѣтѣ естественныя явленїя, какъ и признавали низшей степени Божковъ. *Бѣса* называли они *Велсомъ* и *Велесомъ*, а нечистыхъ Духовъ, или вѣдьмъ, *Рагганами*. *Крева* былъ у нихъ *Первосвященникъ*, и при томъ верьховный, по свѣтскимъ дѣламъ, Правитель.

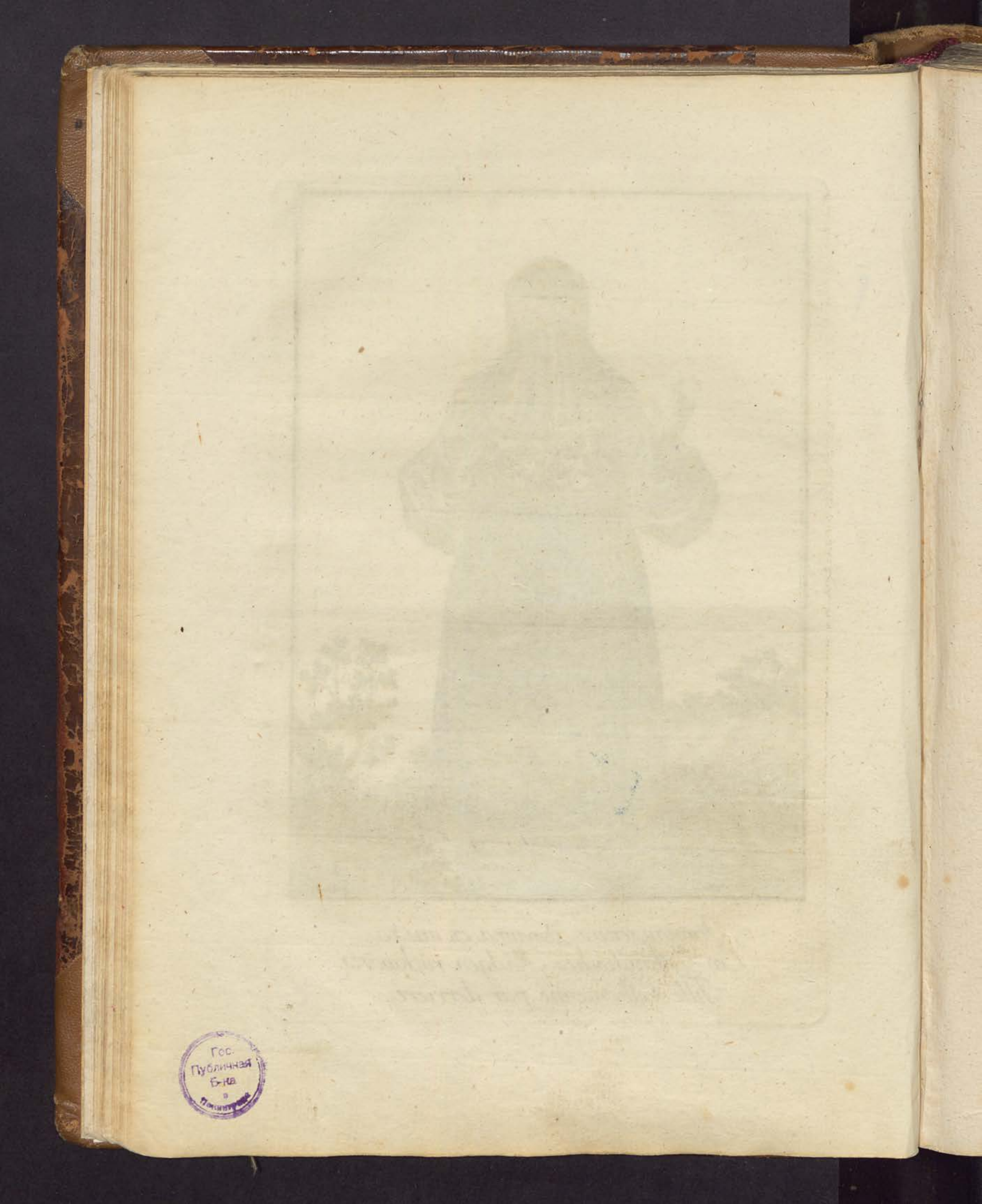

Эстляндская баба съ тыла.
Eine Estländische Frau rückwärts.
Feme Esthonienne par derriere.

Эстландская дѣвушка съ тыла.
Ein Estländisches Mädgen rückwärts.
Fille Esthonienne par derrière.

ИЖЕРЦЫ.

Какъ Россіяны, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, покорили оружію своему *Ингрію*, то въ селахъ и деревняхъ тамошнихъ обиталъ: отъ Финнскаго же племени произшедшій, Народъ, который какъ языкомъ, такъ и нравами отмѣненъ былъ нѣсколько отъ Карельскихъ Финновъ, и по находящейся, въ лѣвой сторонѣ Невы, рѣкѣ *Ижерѣ*, проименованъ *Ижерцами*. Ингрія, какъ самое первое побѣдоноснаго оружія ПЕТРА ВЕЛИКАГО пріобрѣтеніе, сдѣланное въ 1702 году, и трактатомъ, въ Нейштатѣ заключеннымъ въ 1721 году, утвержденное за Россіею, не оставлена при Шведскихъ, въ Кареліи употреблявшихся, правахъ: но съ начала уже, по Россійскимъ законамъ, учреждена и управлялась. Не малое число *Ижерцовъ* раздарено, по земскому обыкновенію, Россійскимъ Господамъ, которые обязались при томъ, не довольно людныя, мѣста заселить порядочно Россійскими переведенцами; послѣ чего и возпослѣдовало, что Россійскія деревни стали строить въ смѣжности съ Финнскими. Земля сія нынѣ заключается въ С. Петербургской Губерніи, во обще почти низкая, пещаная и иловатая, для хлѣбопашества мало удобная, и не могущая продовольствовать хлѣбомъ поселянъ.

Ижерцы такъ, какъ и прочіе Финны, съ давнихъ уже временъ *упражняются въ земледѣлашествѣ*. *Хозяйство* же ихъ не походитъ прямо ни на Руское, ни на Финнское: но хуже того и другаго. Они живутъ *въ деревушкахъ*, въ коихъ дворовъ бываетъ отъ пяти до десяти, и довольствуются не великими и *нечистыми избами*. При томъ какъ въ *домашнемъ* ихъ *скарбѣ*, такъ и во всемъ быту примѣтна великая бѣдность и неопрятность. Хотя *земли за ними* и *много*, однако мало пашутъ, да и скотоводство ихъ не важно. По *безпутству* своему продаютъ они часто какъ оставленныя, для посѣву, сѣмена, такъ и сѣно; а по томъ, расточа скоро вырученныя деньги, претерпѣваютъ нужду, и смотрятъ спокойно на то, какъ скотина ихъ отъ холоду и голоду околѣваетъ. Однакожь есть между ними и такіе, которые, подражая лучшимъ Россійскимъ зажиточнымъ хозяевамъ, не терпятъ ни какого недостатка.

При скудости своей и безпорядочной жизни, они еще и глупы, недовѣрчивы, вороваты, и, по причинѣ склонности своей къ шалостямъ и грабежамъ, опасны. Живущіе по Рижской дорогѣ весьма похожи на Цыганъ. Иногда Удальцы, изъ разныхъ деревень, быва-

ютЪ, по видимому, не за добрыми дѣлами вЪ отлучкѣ. Года за два предЪ симЪ переведена вЪ заточенїе на пустый, вЪ ФинскомЪ заливѣ, островЪ цѣлая деревня, по причинѣ нѣкоторыхЪ, на большой дорогѣ произходившихЪ, неистовствЪ.

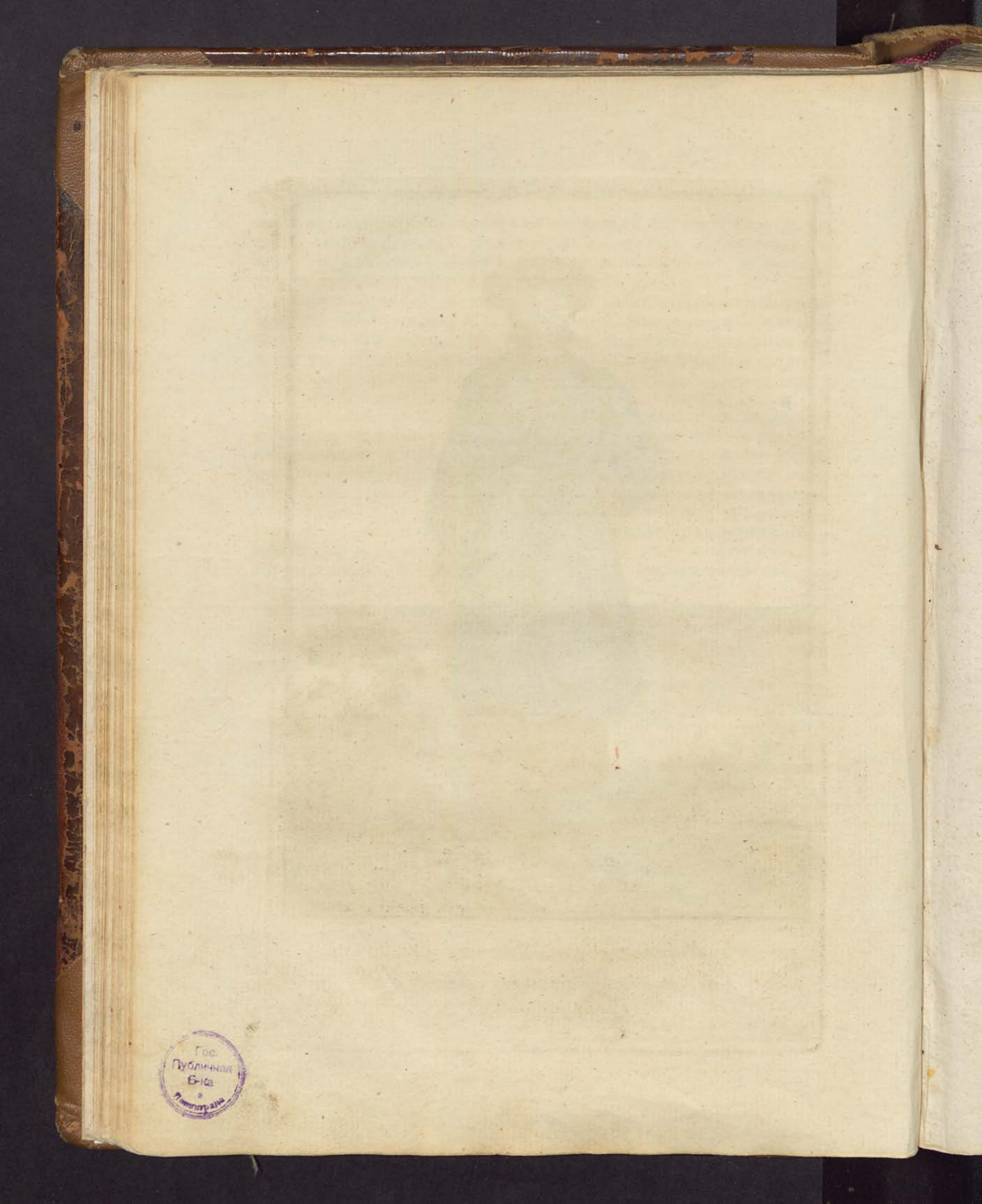
Мужскїй нарядЪ во всемЪ подобенЪ одѣянїю ФинскихЪ мужиковЪ. Но *женская одежда*, вЪ сравненїи сЪ бѣдностїю ихЪ и жестокосердыми мужчинЪ противу сего пола поступками, нарочито еще и суетна. Обувь носятЪ онѣ такую же, какЪ и Финскїя бабы. У рубахЪ ихЪ, которыя достаютЪ за самыя колѣна, а около шеи и рукЪ плотно прихватываютЪ вышитымЪ воротникомЪ и такими же обшивками, станЪ и рукава, какЪ будто облипли около тѣла, и такЪ узорчато вышиты, что на отдѣлку такой рубахи требуется времени не меньше, какЪ недѣли четыре. Узоры богато выкладены бисеромЪ и стекляромЪ. ВЪ мѣсто верьхняго одѣянїя надѣваютЪ онѣ какЪ сЪ праваго, такЪ и сЪ лѣваго боку по гладкому, безЪ всякихЪ складокЪ, изЪ сукна, набойки, или изЪ вышитаго узорчато холста, запону, которые на зади одинЪ за другой заходятЪ, а вЪ переди лежатЪ вЪ рознь; вЪ разсужденїи чего и носятЪ онѣ маленькїе, вЪ сплошь корольками и змѣиными головками покрытые, передники. Многими нитками корольковЪ шея и грудь, какЪ будто, унизаны. КЪ ушамЪ прицепляютЪ великое множество брякушекЪ, а иногда и не большїя, изЪ корольковЪ составленныя, цепочки. *Дѣвки* ни чего на голову не надѣваютЪ, но заплетаютЪ только волосы вЪ нѣсколько косЪ. *Бабы* же носятЪ такЪ, какЪ и Финскїя, аршинЪ вЪ шесть длиною фату, которая по срединѣ пристегивается кЪ шапкѣ, а концы оной висятЪ по спинѣ, и придерживаются поясомЪ такЪ, что на плечахЪ вздуваются. Когда идутЪ онѣ вЪ городЪ, то, по большей части, надѣваютЪ кокошники, и сЪ верьхЪ рубахи кафтанЪ, изЪ толстаго сукна, или балахонЪ, застегиваемый на груди нѣсколькими пуговками.

ВЪ то время, какЪ покорены Ижерцы Россїйскому оружїю, были у нихЪ у всѣхЪ *Лютеранскаго закона Священники*, по тому, что они внѣшно вѣру сїю исповѣдывали: но какЪ они о правотѣ оной не были совершенно удостовѣрены, то вЪ скорѣ обратились многїе кЪ *Грекороссїйской Церькви*, и тѣмЪ великое сдѣлали облегченїе какЪ вЪ самомЪ за ними надзиранїи, такЪ и вЪ прочемЪ попеченїи.

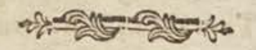
Они чрезвычайно пристрастны кЪ нелѣпымЪ *языческимЪ мнѣнїямЪ*, которыя и сплетаютЪ по тому сЪ обрядами Христїанской вѣры. *Иконы*, почитаемыхЪ Церковїю, *СвятыхЪ*, занимаютЪ у

Ингерская крестьянская баба.
Ein Ingermanlandisches Bauren Weib.
Païsanne d'Ingrie.

нихъ не рѣдко мѣста языческихъ Идоловъ. Они ставятъ ихъ въ священныхъ рощахъ, гдѣ имъ покланяются, и проч. *Кулленныхъ невѣстъ* вѣнчаютъ въ церьквѣ, и, во время поѣзда, поютъ двѣ бабы, у коихъ лица закрыты, безтолковыя пѣсни. По окончанiи свадьбы, поступаютъ они съ своими женами столь же сурово, какъ и язычники; матери принимаютъ за сыновей побои, и такъ далѣе. Когда священникъ *предастъ умершаго погребенiю*, то они, пришедъ ночью на могилу, зарываютъ въ оную пищу, и сiе дѣлаютъ они не разъ, но часто. Могилы ихъ такъ плоски, что собаки легко вырываютъ оттуда положенное съѣстное, а они думаютъ, что мертвецы оное прибрали. Во обще кажется имъ вѣроятно, что люди живутъ на томъ свѣтѣ такъ же, какъ и здѣсь, а гробъ служитъ де имъ только обителью, и для того зарываютъ они деньги свои въ землю, дабы и послѣ смерти оными пользоваться. Они разговариваютъ такъ же съ лежащими въ землѣ мертвыми, и не мало ихъ боятся. Въ доказательство тому служитъ слѣдующее достовѣрное извѣстiе. Нѣкоторые прiятели мои, разумѣвшiе Финнской языкъ, подслушали въ лежащей не подалеку отъ Санктпетербурга Ижерской деревнѣ рѣчи нѣкоторой бабы, вышедшей за другаго мужа, спустя только двѣ недѣли послѣ смерти перваго, и желавшей угомонить и отвратить покойника отъ чинимаго имъ въ избѣ ея безпокойствiя тѣмъ, что пришедъ къ могилѣ покойнаго своего мужа, бросилась на оную, и дѣлая разныя неистовства, произносила съ воплемъ и со слезами слѣдующiя слова: тебя уже въ живыхъ нѣтъ! эй! эй! эй! Вѣдь ты на меня не прогнѣваешься, что вышла я за муженька помоложе тебя! эй, эй, эй, эй! Бѣлокураго твоего сынка я не оставлю безъ призрѣнiя! эй, эй, эй, эй! и такъ далѣе. Въ число языческихъ ихъ *святыхъ мѣстъ* принадлежитъ и находящаяся по Рижской дорогѣ, въ десяти верстахъ отъ *Санктпетербурга*, липа, которой вѣтьви переплелись съ отраслями ближайшихъ деревъ такъ, что природную составляютъ бесѣдку, въ коей и *Петръ Великiй*, ради прiятности, оной не однократно изволилъ имѣть свое пребыванiе. На семъ то мѣстѣ собираются Ижерки на канунѣ Иванова дня, и препровождаютъ съ пѣнiемъ и воплемъ всю ночь, при великомъ огнѣ; а на послѣдокъ сожигаютъ *бѣлаго пѣтуха*, дѣлая при томъ много шалостей.

ЧЕРЕМИСЫ

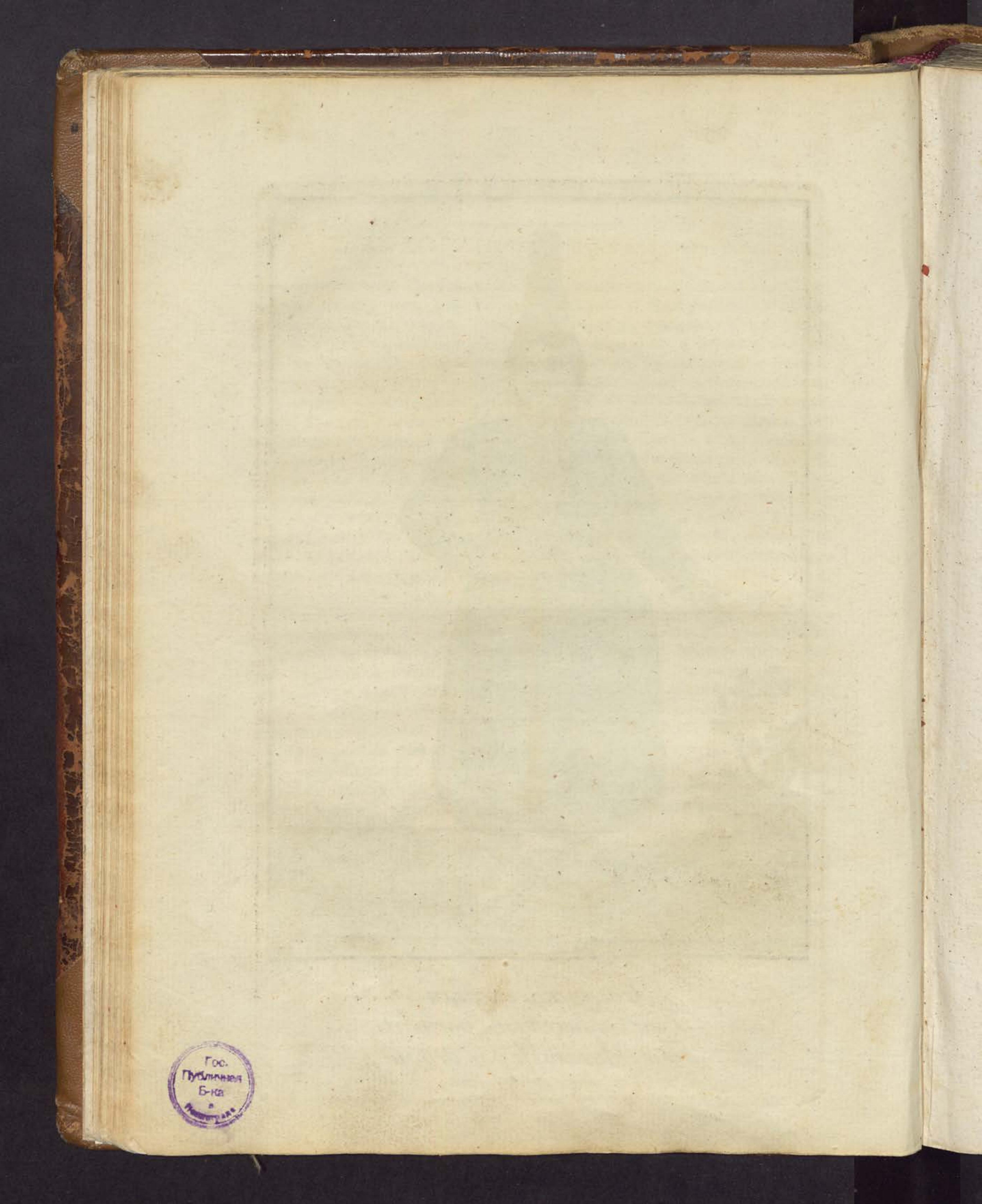
Собственное имя *Черемисъ Мари*, (мужчины), а *Чуваш Курмари* (горные люди). Они *живутъ* въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ, больше на лѣвой, нежели на правой, сторонѣ рѣки *Волги*. Жилища ихъ простираются до самой *Перміи*, и *деревни* лежатъ отъ части особо, а отъ части смѣжно съ Чувашскими и Россійскими. *Породы* они *Финиской*, и говорятъ *своимъ собственнымъ*, съ Финнскимъ нарѣчіемъ сходнымъ, *языкомъ*: но, за неимѣніемъ буквъ, нѣтъ у нихъ ни письменныхъ, ни печатныхъ дѣлъ. Во время господствованія Татаръ были они имъ подвластны, и жили ближе къ югу, между Волгою и Дономъ. Они имѣли собственныхъ *Хановъ*, будучи уже и *подъ Россійскою Державою*: но поколѣніе оныхъ пресѣклось на *Адаѣ*, весьма приверженномъ и покорномъ Россійскому престолу, храбромъ Владѣтелѣ, и теперь нѣтъ у нихъ ни Князей, ни Дворянъ. Они упражнялись тогда въ *скотоводствѣ*, но мало по малу сдѣлались, подражая Россіянамъ, и по причинѣ стѣсненія мѣстъ, *Землепашцами*.

По *виду* и *росту* своему, могутъ они почестьея средними, между Россіянами и Татарами, людьми. Они не имѣютъ проворства и смѣлости первыхъ, да и женщинамъ ихъ не достаетъ пригожства, бодрости и суетности Россіянокъ, хотя и онѣ въ прочемъ не дурны. Въ дѣлахъ своихъ Черемисы не торопливы, но прилежны, и, по примѣру всякихъ непросвѣщенныхъ людей, упрямы и недовѣрчивы. Времени не считаютъ они ни годами, ни мѣсяцами, да и преданій о бывшихъ съ предками ихъ приключеніяхъ не имѣютъ.

Въ городахъ они ни когда не живутъ. *Въ деревняхъ* же ихъ, въ коихъ бываетъ дворовъ до тридсяти, имѣютъ они, подобно Россіянамъ, міромъ выбранныхъ сотниковъ, десятниковъ и старостъ. Каждый *дворъ* состоитъ изъ одной, особо построенной, черной избы, изъ стоящихъ розно хлѣвовъ, и изъ небольшихъ, на не высокихъ столбахъ сгромощенныхъ, кладовыхъ, кои служатъ имъ и лѣтними горницами. Все сіе строеніе выведено четыреугольникомъ, и срублено изъ бревенъ: а промежутки между онымъ ни чемъ не забираются. Черныя избы подняты на сажень выше подполья; лѣсницы у нихъ покрыты, а въ нутри, кромѣ Рускихъ печей, поделаны очаги и широкія Татарскія палати. Двери у сихъ избъ низкія, а окномъ служитъ четыреугольное, дюйма на полтора въ

Черемиска спереди.
Eine Tscheremisin vorwärts.
Feme Tcheremisse par devant.

размѣрѣ, отверзтїе, которое пузыремъ, или тряпицею, въ мѣсто стекла, затягиваютъ. Домашняя у нихъ *рухлядь* такая же, какая бываетъ у Россїйскихъ сельскихъ хозяевъ.

Всѣ *Черемисы производятъ*, по обыкновенїю Россїйскихъ мужиковъ, *землепашество*. Держащїеся языческаго суевѣрїя отнюдь не хотятъ ѣсть свинины, да и изъ крестившихся рѣдко кто разрѣшаетъ совѣсть свою отъ узъ сего предубѣжденїя. Въ зимнее время составляетъ *звѣриная ловля* главное ихъ упражненїе. Они не смѣлы и не хитры, а по тому и не зажиточны. Кто, на примѣръ, имѣетъ лошадей до тридсяти, и столько же рогатаго скота, да съ верьхъ того не много побольше овецъ; тотъ почитается у нихъ не послѣднимъ богачемъ. *Женщины* прядутъ, ткутъ, портничатъ, вышиваютъ холстинное одѣянїе шерстью собственнаго своего крашенья, и проч. Но чистоты въ разсужденїи одежды и пищи не увидишь ни въ которомъ дворѣ. Исповѣдующїе древнюю свою языческую вѣру Черемисы жрутъ лошадей, медвѣдей, всякихъ пернатыхъ, а въ случаѣ нужды и хищныхъ звѣрей: но падальщиною, какая бы она ни была, гнушаются. Какъ въ домашнемъ, такъ и въ лѣсномъ *пчеловодствѣ* весьма они искусны. Производятъ такъ же и *рыбную ловлю* охотно, но къ ремесленнымъ работамъ, къ коимъ Россїйскїе мужики великую имѣютъ склонность, со всѣмъ не пристаютъ. *Подушный окладъ* платятъ они на ряду съ Россїйскими крестьянами; ставятъ рекрутъ и подводы. Въ *Кунгурскомъ уѣздѣ* въ Области Пермской подушной окладъ даютъ нѣкоторыя деревни куницами.

Мужской нарядъ походитъ на одѣянїе Россїйскихъ мужиковъ: но волосы зачесываютъ они назадъ, и кругомъ обрѣзываютъ ихъ коротенько. Воротники, обшивки около рукавовъ и вороты у рубахъ вышиты разноцвѣтною шерстью. Охабни, на кои идетъ толстое, изъ черной овечьей шерсти сдѣланное, сукно, шьются съ широкимъ опрокинутымъ и Аглинскому подобнымъ воротникомъ; на подолѣ оставляются въ низу съ обѣихъ сторонъ прорѣхи. *Бабы* и *дѣвки наряжаются* одинаково, только первыя получше. Они носятъ *штаны*, лапти, и обвертываютъ ноги онучами. Лѣтомъ ходятъ въ однихъ *рубахахъ*, подъ коими носятъ штаны. Рубахи около шеи и рукъ прихватываютъ плотно; а въ прочемъ шьются такъ узко, что около стану, какъ будьто, облипли, и длиною достаютъ за колѣни. Воротникъ, закраины и всѣ швы украшаются очень пестро крашеною шерстью; воротъ застегивается большею

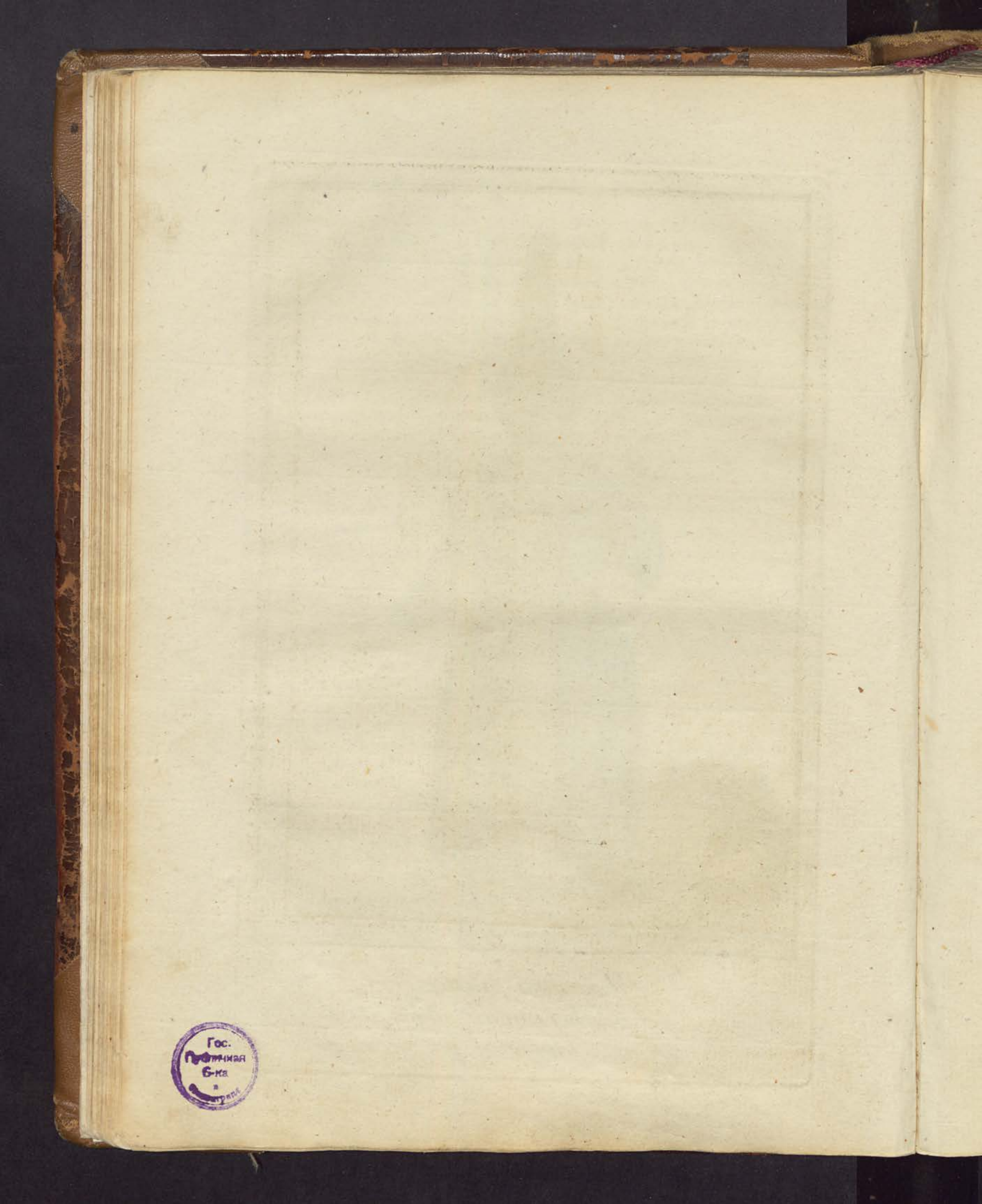
пряжкою; а станъ прижимается къ тѣлу поясомъ. Для *пышности* носятъ они съ верьхъ рубахи, подобное покроемъ халату и изъ всякихъ цвѣтныхъ и отъ части тонкихъ суконъ дѣлаемое, верьхнее одѣянїе, которое по краямъ выкладываютъ иногда ужовыми шкурками. *Высокая, къ верьху уже сведенная, шапка* (Шуркъ) дѣлается изъ бересты, покрывается кожею, или холстомъ, и сплошь унизывается корольками, маленькими серебреными монетами и змѣиными головками (Cyprea Moneta). Такимъ же образомъ покрывается и, висящїй отъ шапки по спинѣ, *ремень*, шириною въ ладонь. Нѣкоторыя носятъ, въ мѣсто высокой шапки, широкїя, монетами и корольками разпещренныя, головныя повязки (Ошпу). Уфимскїя и Вятскїя Черемиски привѣшиваютъ къ поясу, супрошивъ задняго проходу, по цѣлому прибору кисточекъ (Упиненъ), перемѣшанныхъ съ наперстками и всякими гремушками, кои, досязая до самыхъ подколѣнокъ, производятъ на ходу противное слуху бренчанье.

По Россїйскому деревенскому обыкновенїю, *ходятъ бабы родить въ баню*. Первый мужчина, который посѣтитъ роженицу, даетъ имя мальчику, а первая же, къ ней пришедшая, женщина дѣвочкѣ, и сихъ то гостей, въ послѣдующее время, называютъ всегда дѣти *отцами* (Атай) и *матерями* (Абай). *Мужскїя имена* суть слѣдующїя: *Зегнулъ, Кислелатъ, Ербалды, Илменъ*, и проч; а *женскїя: Пиделеть, Астанъ, Насуке*, и проч. Затвердивши такїя имена, часто забываютъ крещеные, а особливо дѣвки, данныя имъ при крещенїи названїя. Мужъ называетъ жену *Ватою*, а когда жена кличетъ мужа, то говоритъ *Мари!* или *Черемисъ!*

Женъ они себѣ *покупаютъ*, а цѣна невѣсты называется у нихъ *Олонъ*. Обыкновенно даютъ за невѣсту отъ 30 до 50, а иногда платятъ такъ же и отъ 80 до 100 рублей. У Язычниковъ и теперь еще *многоженство* въ обыкновенїи. А какъ покорность и работа есть общїй Черемискихъ женъ жребїй, то зажиточные родители часто покупаютъ женъ и шестнадсятилѣтнимъ своимъ сыновьямъ; но дѣвка должна быть не моложе пятнадсяти лѣтъ. Приданое состоитъ въ скотинѣ, и по тому такїе молодцы, когда прїидутъ въ совершенной возрастъ, бываютъ уже нарочито скотомъ заводны. На роднѣ онѣ ни когда не женятся, и двухъ сестръ вдругъ не берутъ: но тѣмъ милѣе имъ, когда послѣ смерти одной могутъ взять за себя и другую. Сватъ, которымъ бываетъ обыкновенно имянный отецъ, дѣлаетъ сговоръ; послѣ чего женихъ и невѣста, увидѣвшись между собою, *мѣняются*

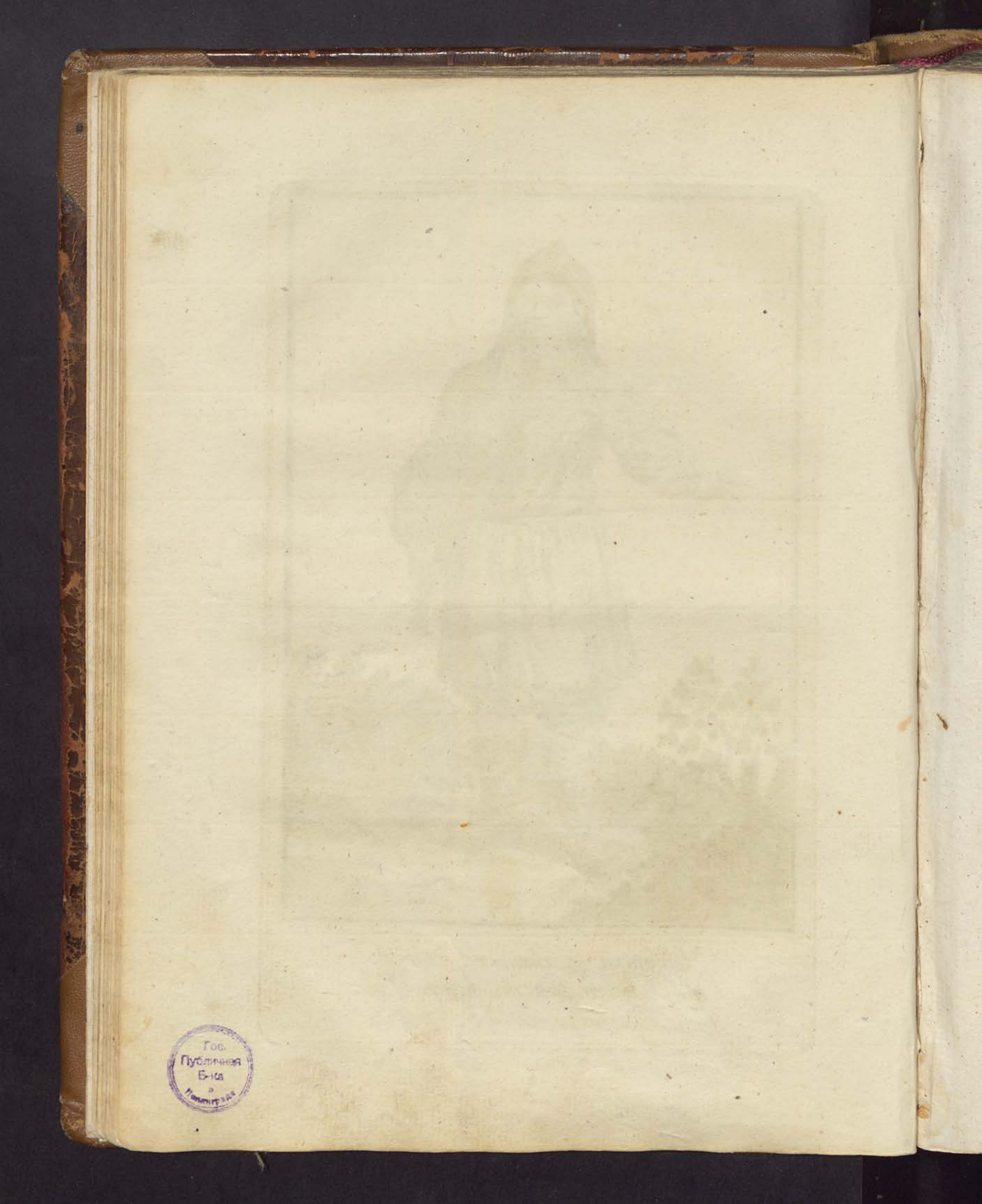

Черемиска сзади.
Eine Tscheremisin rückwärts.
Femme Tcheremisse par derriere.

Чермыска въ лѣтнемъ платьѣ.
Eine Tscheremissin im Somer-Kleide.
Feme Tcheremissiene en habit d'été.

кольцами. Обрядъ сей называется у нихъ *Шергасъ Васталтасъ.*

Въ опредѣленный для *свадьбы день* пріѣзжаетъ женихъ съ друзьями своими къ невѣстѣ, и поелику они берутъ съ собою особливыхъ скомароховъ, то сіе веселье побуждаетъ и постороннихъ деревенскихъ подорожныхъ жителей ѣхать туда же за женихомъ ихъ. Женихъ, уплатя остальныя за невѣсту деньги, раздаетъ дары, пируетъ и веселится, а на другой день увозитъ закрытую невѣсту въ жилище свое, не смотря на все ея сопротивленіе и слезы.

Въ домѣ, гдѣ быть свадебному пиршеству, ставятъ на столъ *домашняго Идола,* передъ которымъ творитъ *Картъ* молитву. По томъ бываетъ обѣдъ, и начинаются веселости, состоящія въ пляскѣ, по гуслямъ, волынкѣ (Шибберъ) и губномъ органѣ (Кобашъ); въ нескладномъ пѣніи пѣсень и сему подобномъ. Между тѣмъ наряжаютъ невѣсту въ другой избѣ въ бабье одѣяніе, сирѣчь, снимаютъ съ нее покрывало, и надѣваютъ ей на голову, въ мѣсто худой, нарядную высокую шапку, или повязку. Женихъ, взявъ ее за руку, отводитъ въ гостепріемный покой, гдѣ она, во время творимой *Юктюлшомъ,* или *Картомъ,* молитвы, стоитъ на колѣняхъ, а по томъ раздаетъ свои дары, и подноситъ всѣмъ гостямъ пиво, или медъ; послѣ чего возвращается въ свою избу. Въ вечеру раздѣвается невѣста сама, однако спать ложится не доброводьно, но принуждаема будучи къ тому посторонними бабами. Уложа молодыхъ, запираютъ подклѣтъ. На другой день, по утру, приходитъ въ оной съ нѣсколькими женщинами, заступившій мѣсто роднаго невѣстина отца, мужчина, держа въ рукѣ добрую плеть, и ежели примѣтитъ, что невѣста въ дѣвствѣ вела себя нецѣломудренно, то погрозясь оною, совершаетъ на другой день свои угрозы. Такимъ же образомъ, пропуская только больше, либо меньше, послѣ стращанія времени, наказываютъ мужья женъ своихъ, когда въ замужствѣ примѣтятъ за ними непостоянство. Другой послѣ свадьбы день препровождаютъ они такъ же въ пированіи. А какъ станутъ на послѣдокъ разходиться гости, то всякъ, выпивъ послѣдній стаканъ, бросаетъ въ оной нѣсколько копѣекъ, молодымъ въ подарокъ. Мало бываетъ и между исповѣдующими уже Христіанскій законъ Черемисами такихъ свадьбъ, до которыхъ бы не происходили сіи языческіе обряды, хотя и за нѣсколько мѣсяцовъ, или лѣтъ. Но бѣдный, странствующій, удалецъ скорѣе совершаетъ свадьбу. Онъ похитивъ милую ему дѣвку, и доведши уже ее до беременности, даетъ тогда отцу такое за дочь награжденіе, ка-

кое самъ вздумаетъ, и такимъ образомъ, безъ всякихъ свадебныхъ околичностей, наживаетъ себѣ жену.

Покойниковъ своихъ кладутъ они во гробъ, въ самомъ лучшемъ одѣянiи. Похороны бываютъ въ тотъ же самый день, въ который кто умеръ; при чемъ какъ мужчины, такъ и женщины провожаютъ. На кладбищѣ роютъ могилы съ запада на востокъ, и головою кладутъ покойниковъ на западъ. Всякому умершему завязываютъ родственники въ поясъ по нѣскольку копѣекъ; да съ верьхъ того надѣляютъ его посудою и другими домашними надобностями, такъ же лапотникомъ, палкою, чтобъ было чемъ оборониться отъ собакъ, и не большимъ *лучкомъ розовыхъ лозъ*, который, по ихъ мнѣнiю, отвращаетъ злыхъ Духовъ; все сiе кладется съ покойникомъ во гробъ. А какъ скоро завалятъ могилу землею, то провожавшiе покойника ставятъ на оной за всякаго, прежде скончавшагося, друга, по свѣчѣ, и часто говорятъ: *живите мирно!* Всякiй провожатый ѣстъ, за горящими на могилѣ свѣчами, блинъ, и откуся три куска отъ онаго, кладетъ на могилу и говоритъ: *ето тебѣ пригодится!* Напослѣдокъ ставятъ на могилѣ шестъ, къ которому привязанная тряпица виситъ, какъ будьто, знамя. По возвращенiи домой, моются, и одѣянiе перемѣняютъ. Что же до покойникова платья касается, то худое бросаютъ, а доброе провѣтриваютъ.

Послѣ всякаго покойника правятъ они *трои поминки* (Шуметъ). Первые бываютъ въ третiй день, по кончинѣ. Прiятели, собравшись, ѣдятъ у могилы его такъ, какъ и на похоронахъ, блины, и откуся три частицы, говорятъ: *ето пусть съѣстъ покойникъ!* Въ седьмый день, послѣ смерти, лакомятся въ томъ домѣ, гдѣ оная случилась, за горящими восковыми свѣчами, блинами же, и посылаютъ такъ же нѣсколько кусковъ на могилу того, по комъ правятъ поминки. Третье сего рода празднество произходитъ въ сороковый день, послѣ смерти. Да съ верьхъ того бываютъ во всякой деревнѣ по одному разу въ годъ, подобныя вышеописаннымъ, общiя поминки.

Они думаютъ такъ, какъ и всѣ почти Язычники, что *состоянiе* человѣческое, *послѣ смерти*, есть, нѣсколько перемѣнившееся, здѣшней жизни продолженiе, и по тому кладутъ покойникамъ своимъ домашнюю утварь, деньги, пищу, и проч.

Оставшiеся, при древнемъ своемъ *идолопоклонствѣ* слѣпо повинуются собственнымъ своимъ Духовнымъ, которыхъ называютъ *Мушанами* и *Машанами*, а Первосвященникъ нарицается у нихъ

Югтишъ, и сїи толкователи сновъ, предсказатели, волшебники и развратители въ великой у нихъ чести. Число такого Духовенства стало уже теперь очень не велико: но въ мѣсто того избираютъ себѣ всякаго мѣста мїряне пожилаго, умнаго и безпорочнаго поведенїя человѣка, котораго, переименовавъ *Картомъ*, даютъ ему и помощника, подъ именемъ *Удше*.

Богъ называется во обще на ихъ языкѣ *Юма* и *Когоюма* (высочайшїй Богъ). А чтобъ присвоить ему, умственно, всякїя благости, то подъ именемъ *Юмонъ Ава* (мать Божковъ) воздаютъ *супругѣ* его первое и самое большое, по Богѣ, почтенїе. Прочїе добраго качества *Божки* суть, по ихъ разсужденїю, дѣти, или родственники оныхъ двухъ первенствующихъ божескихъ лицъ, и между ними-то раздѣлено правленїе мїра и разположенїе судебъ. Нѣкоторыхъ почитаютъ женатыми, а иныхъ холостыми, и называютъ ихъ во обще *Божьею семьею* (Юмонъ Шукча). Что же касается до именъ ихъ Боговъ, и до умоначертанїя о исправляемыхъ ими дѣлахъ: то они въ томъ между собою не согласны, по тому, что одинъ Мушанъ предъявляетъ оныхъ много, а другїе меньше; при томъ же и въ случаѣ изпрошенїя помощи, по однимъ и тѣмъ же самимъ дѣламъ, обращаются къ разнымъ Божкамъ. *Наибольше же прилѣпляются* они къ слѣдующимъ *Богамъ*, а именно: къ *Пурикшѣ* и *Пугуршѣ Юмѣ*, къ *Кудорчѣ Юмѣ*, подъ коимъ разумѣютъ они грозу, къ *Пуембарѣ Юмѣ*, который, по видимому, есть почитаемый Татарами *Пророкъ*, по тому, что сїи называютъ своего прорицателя Мугаммедомъ Пуемберомъ, сирѣчь, пророчествующимъ. — Есть у нихъ не мало и *Богинь*, въ числѣ которыхъ почитаютъ такъ *Кичебу*, мать солнца, *Кабу*, и многихъ другихъ. Грѣшники обращаются къ Богамъ, а грѣшницы къ Богинямъ.

Прародителемъ *Боговъ злыхъ качествъ* почитаютъ *Сатану*, (Шайтанъ), коего не собственнымъ его называютъ именемъ, но словомъ *Јо*. Онъ живетъ, по мнѣнїю ихъ, въ водѣ, и бываетъ, особливо въ самый полдень, лихъ. Лѣшихъ называютъ *Ведашами*, и присвояютъ имъ повелительную надъ лѣсами, звѣрями и птицами власть; при чемъ думаютъ такъ же, что они могутъ звѣриные промыслы дѣлать и удачными и несчастливыми. У нихъ есть и *злыя Богини*, но случается, что подъ однимъ и тѣмъ же самимъ именемъ, причисляются иными къ добрымъ, а другими къ злымъ Божествамъ.

Идолы не въ великомъ у нихъ почтенїи. Но поелику они *громоваго Бога* (Кудорча) наибольше страшатся, и при томъ вѣрятъ,

что плодородїе земли отъ него зависитъ: то многїе ставятъ его въ видѣ одѣтой въ мужское платье куклы, которую кладутъ въ сдѣланной изъ бересты ящикъ, въ избранной изъ жилища своего уголъ, и не воздавая ему въ прочемъ ни какого особливаго почтенїя, кладутъ только ему, черезъ нѣкоторое время, по нѣскольку кусковъ блина. Въ лѣсахъ ихъ видны привѣшенныя къ нѣкоторымъ почтеннымъ деревамъ четыреугольныя въ ширину и въ длину на пядень дощечки, изъ бересты вырѣзанныя, безъ всякаго, въ разсужденїи лицъ, или знаковъ, изображенїя, которыя называются у нихъ *Куда-Вадашъ*. Въ прочемъ иные называютъ ихъ Идолами, а другїе принесенными лѣшимъ жертвами: однако они у всѣхъ въ почтенїи, и какъ будто представляютъ жертвенники Фауновъ.

Службу отправляютъ они *Богамъ* своимъ не въ храмахъ, но *на чистыхъ священныхъ мѣстахъ* (Керемешь), которыя бываютъ или общїя (Кога Керемешь), или частныя, сирѣчь одному семейству особо принадлежащїя (Шке Керемешь). Они имѣютъ положенїе свое въ священныхъ рощахъ, или лѣсахъ; а гдѣ такихъ мѣстъ нѣтъ, тамъ должно завести, по крайней мѣрѣ, одно, либо и нѣсколько, деревъ; при чемъ дубъ всякому другому лѣсу предпочитается. Самое знатное дерево посвящается *Юмѣ*, другое похуже онаго *Юмонъ Авѣ*, а прочїя кое какимъ Божествамъ. *Кереметь* есть, окруженное деревами, или другимъ какимъ заборомъ обнесенное, мѣсто; въ размѣрѣ бываетъ оное отъ десяти до двадцати саженъ, и три имѣетъ входа: одинъ къ западу, для прихода и выхода, другой къ востоку, которымъ вводятъ назначенную въ жертву скотину, а третїй къ югу, для ношенїя воды. Подъ знатнѣйшимъ деревомъ стоитъ, въ мѣсто жертвенника столъ, а не подалеку отъ Кереметя сдѣлана крышка, подъ коею варятъ, принесенную въ жертву, скотину. Женщинамъ строго запрещено подходить близко къ Кереметю, да и мужчины должны заранѣе вымыться и чистенько прїодѣться, и при томъ, когда только можно, не съ пустыми приходить руками. Многїе почитаютъ и самаго Кереметя сильнымъ и благодѣтельствующимъ Божествомъ, и по тому участїе въ приносимыхъ жертвахъ и моленїяхъ. *Пятница* почитается наилучшимъ, для молитвы, днемъ, и при томъ препровождается всегда въ отдыхновенїи отъ трудовъ.

Въ жертву приносятъ лошадей, рогатый скотъ, красную дичь, овецъ, козъ, свиней, гусей, утокъ, пшеничные пироги, пиво, хлѣбное вино и медъ какъ вареный, такъ и сырецъ. Бѣлые звѣри всѣмъ

другимъ предпочитаются; пѣгіе совсѣмъ не годятся, а черные, въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, могутъ быть употребляемы. Въ прочемъ не разбираютъ, какъ они стары, и котораго рода. *Жертвенные напитки* и *пироги* надобно пріуготовлять *дѣвкамъ*. Дома ѣсть остатки жертвъ не запрещено и женщинамъ. Время къ жертвоприношенію опредѣляютъ всегда Духовные, которые, при разныхъ шалостяхъ чрезъ киданіе на столъ бобовъ, размѣриваніе пояса и прочее, вопрошаютъ своихъ Боговъ о различныхъ обстоятельствахъ.

Самый большій праздникъ, касающійся до всего Боговъ семейства, называется у нихъ *Юмонъ Байранъ*. Названіе Байранъ (праздникъ) такъ, какъ и *омываніе тѣла* передъ праздниками, переняли они у Татаръ. Такое празднованіе бываетъ у нихъ, смотря по обстоятельствамъ и достаткамъ покупающихъ жертвенную скотину міранъ, черезъ годъ, черезъ два, черезъ три, а иногда и черезъ четыре года; время же избирается къ тому осеннее. Въ назначенный къ жертвоприношенію день разкладываютъ *Мушаны*, или *Карты*, въ Керемети *семь огней*, которые въ одинъ рядъ простираются отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Возженный на сѣверо-западѣ огонь посвященъ *Юмѣ*, ближайшій къ оному *Юмонъ Авѣ*, и такъ далѣе. При каждомъ огнѣ находится особливый Мушанъ, или Картъ, и Удше, и передъ всякимъ огнемъ разстилаютъ по сукну, на которое ставятъ жертвенные напитки, медъ сырецъ и пирожное. Всякій Удше становится съ жертвенною своею животиною передъ своимъ огнемъ; служащій *Юмѣ* держитъ *жеребца*, а стоящій передъ огнемъ *Юмонъ Авы корову*, прочіе же имѣютъ при себѣ мѣлкой скотъ или птицъ. Міряне стоятъ позади ихъ простоволосы. Жрецъ Юмы, поднявъ къ верьху пирогъ и сосудъ съ напиткомъ, творитъ въ слухъ молитву коротенькую, во время коей предстоящій Народъ часто кладетъ поклоны, и говоритъ: аминь! Послѣ сего молится Жрецъ Юмонъ Авы, а за нимъ слѣдуютъ и всѣ прочіе. По окончаніи мольбы, *обливаетъ* всякій Удше *скотину свою* холодною водою; ежели она вздрогнетъ, то почитается сіе добрымъ знакомъ; а естьли нѣтъ таковой примѣты, то поливаетъ оную еще нѣсколько кратъ, и буде она, послѣ седьмаго поливанья, не вздрогнетъ, то думаютъ, что жертва сія Богамъ не угодна. Въ прочемъ убиваютъ они жертвенную скотину такъ, чтобъ *кровь брызгнула въ огонь*, и потомъ очистя внѣ Кереметя мясо и внутренняя, варятъ подъ крышкою, или наметомъ.

Изъ вареныхъ жертвенныхъ мясъ, приподнявъ Жрецъ на блюдѣ

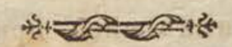

въ верьхъ Божеству своему *сердце, легкое, печенку* и *голову*, молится, а когда возношенїе сїе вездѣ уже кончится, то приносятъ къ жрецу Юмы, который есть Первосвященникъ, всѣ блюда; онъ дѣлитъ все на части, и подаетъ всякому, къ вѣрѣ своей усердствующему, по особливой долѣ, которую тутъ же всякъ и съѣдаетъ съ благоговѣнїемъ. Послѣ сего творитъ опять Жрецъ молитву. Такимъ же порядкомъ раздаетъ онъ пироги по кускамъ, а напитки по мѣрѣ, въ огонь же ни чего не бросаютъ. *Кости* сожигаются; *шкуру* съ жеребца вѣшаютъ у Кереметя на дерево; а прочїя кожи дѣлятъ Жрецы по себѣ. Остатки жертвъ берутъ съ собою домой, и доѣдаютъ ихъ съ своими домочадцами, при безпутныхъ иногда увеселенїяхъ.

Во всякой деревнѣ бываетъ еще одинъ великїй праздникъ, *Анга Соаренъ* называемый. Какъ скоро наступитъ время къ разпахиванїю земли, то деревенскїе жители выходятъ на поле, и всякъ несетъ съ собою, по желанїю своему, что ни есть изъ пищи и питья въ жертву. *Карты*, при твореніи молитвы и вышеписанномъ поклоненіи мїрянъ, приносятъ Богамъ нѣсколько изъ крестьянскихъ даровъ въ жертву; послѣ чего ѣдятъ обще остатки съ сугубою радостїю, по тему, что жены и дѣти ихъ прїемлютъ такъ же въ пированіи семъ участїе. На послѣдокъ взоравъ всякъ на пашнѣ своей по небольшой полосѣ, возвращается въ деревню.

У всякаго хозяина бываетъ свой *жатвенный праздникъ* (Утхинде Байранъ). Послѣ омовенїя ставитъ онъ всякаго рода снятый въ томъ году съ полей хлѣбъ, съ небольшимъ количествомъ солоду, напитковъ и изпеченныхъ, изъ самой свѣжей муки, пироговъ, на блюдцахъ въ избѣ своей на столъ. По томъ выноситъ онъ одну чарку вина за другою на дворъ, держитъ жертву противъ солнца, и съ покорностїю *благодаритъ Богамъ* за ихъ благословенїе; послѣ чего угощаетъ своихъ прїятелей.

Крещеные Черемисы, число которыхъ въ одной Казанской губернїи, съ 1723 по 1774 годъ, умножилось до 6580 мужескихъ и 5951 женскихъ душъ, а по сей 1795 годъ можно положить не ошибочно въ трое, содержатъ оные праздники, по большей части, тайно, а иногда берутъ и въ самомъ торжествѣ Язычниковъ столько участїя, сколько, укрываясь въ томъ отъ Духовенства, и избѣгая ихъ изтязанїя, принимать могутъ.

ЧУВАШИ.

Чуваши, которые какъ сами, такъ и отъ *Россiянъ* симъ единственно именемъ, отъ *Мордвы* же *Видками*, а отъ *Черемисъ Куркъ Марами* (горными людьми) называются, живутъ по обѣимъ сторонамъ *Волги*, въ Нижегородской и Казанской Губернiяхъ и Оренбургской Области. Они и теперь еще составляютъ *многолюдный Народъ*, который больше, нежели съ 20000 душъ платитъ подать. Всѣ почти съ 1723 года крещены въ Грекороссiйскую вѣру, которую, можно сказать, *внѣшно* исповѣдуютъ.

Говорятъ они собственнымъ, отъ Финнскаго *произшедшимъ*, *языкомъ*: но не знаютъ ни грамати, ни буквъ. Они вели *кочевую жизнь*, и пребывали въ Идолопоклонствѣ: но теперь возлюбили всѣ землепашество и постоянное на одномъ мѣстѣ жительство. Однако *живутъ* не въ городахъ, но въ деревушкахъ, которыя, ежели только можно, заводятъ въ лѣсахъ, и хотя они очень много языкъ свой смѣшали съ Татарскимъ, однакожь, при всемъ томъ, прародительское нарѣчiе, такъ же одѣянiе, нравы, обычаи и суевѣрiя удержали.

Зима да лѣто составляютъ ихъ *годъ*, начинающiйся съ нашимъ Ноябремъ мѣсяцомъ. Годовъ они, по порядку, не числятъ, а *мѣсяцы* (Ойхъ) считаютъ. Чукъ Ойхъ, жертвенный мѣсяцъ, есть нашъ Ноябрь, и проч. *Недѣля начинается* у нихъ *съ пятницы* (Ама), которая есть при томъ и день ихъ отдыхновенiя; а *середу* называютъ *кровавымъ днемъ* (Iонконъ).

Они весьма походятъ на Черемисовъ, *по тѣлесному виду*, по нравственнымъ качествамъ, по расположенiю *деревень*, *по сельскимъ распорядкамъ*, *по состоянiю жилищъ*, *по употребляемой ими*, въ домашнемъ своемъ быту, *утвари*, *по расположенiю хозяйства* и *жизни*, *по пищѣ*, *имѣнiю* и *податямъ*, такъ же по мужескимъ и женскимъ *упражненiямъ*. Лицемъ они, по большей части, блѣдны, не поворотливѣе и разумомъ еще тупѣе Черемисъ, да и около себя они не опрятнѣе, и въ избиранiи пищи и прiуготовленiи не рачительнѣе Черемисъ. Пребывающiе въ языческомъ суевѣрiи Чуваши гнушаются свининою, и сiе переняли они отъ Татаръ: напротивъ того хищныхъ звѣрей, а въ случаѣ недостатка и падальщину, ѣдятъ безъ разбору. *Бѣшеную рыбицу* (*), которой Россiяне не

(*) Clupea Alosa. L.

ѣдятъ, покупаютъ Чуваши, называя оную *Темиръ лолою*, сирѣчь, желѣзною рыбою, очень дешево, и употребляютъ въ пищу свѣжую, въ водѣ сваря, или провяливъ.

Къ *звѣриной ловлѣ* крайне они пристрастны, и употребляютъ теперь больше винтовки, нежели лукъ и стрѣлы.

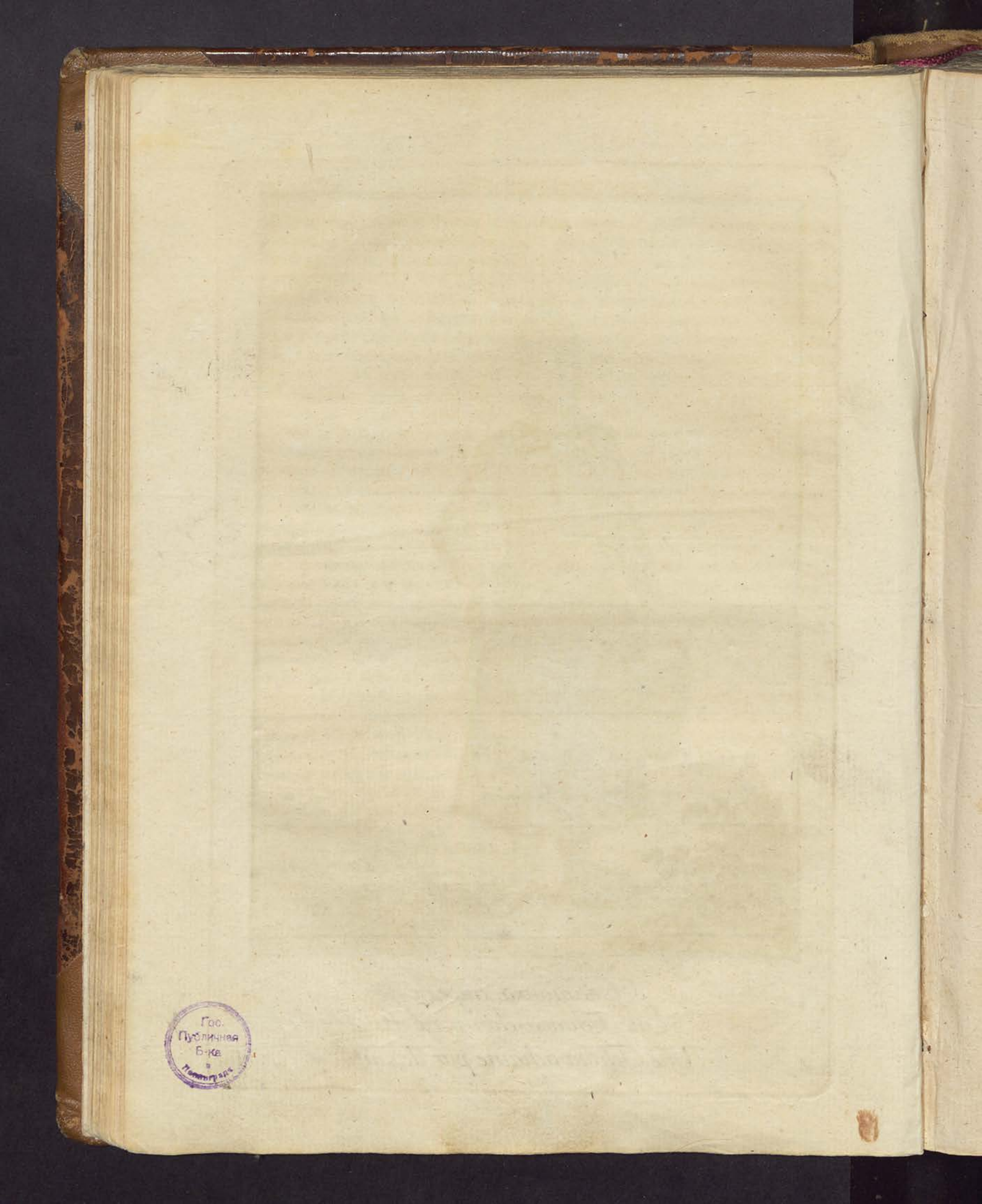
Мужчины, по запущенію волосъ и бороды, такъ же по вышитымъ рубахамъ, уподобляются Черемисамъ; прочее же ихъ одѣяніе, какъ то портки, обувь, чулки, онучи, охабни, шляпы и шапки, дѣлаютъ ихъ на Рускихъ мужиковъ похожими. У верьхняго ихъ одѣянія нѣтъ такихъ широкихъ воротниковъ, какія носятъ Черемисы.

Бабы и *дѣвки* разнятся между собою, въ разсужденіи одѣянія, по тому единственно, что дѣвки носятъ платье похуже. *Нижнее одѣяніе* и *рубахи* во всемъ подобны Черемисскимъ. Верьхняя рубаха есть обыкновенное и общее лѣтнее одѣяніе. *Поясъ*, отъ котораго пускаютъ на обоихъ бокахъ по одной, бахромкою обшитой, лопасти, *саррою*, называемой, прижимаетъ оную къ тѣлу. Зимою надѣваютъ на рубахи такимъ же почти образомъ сдѣланныя шубы, или суконные разныхъ цвѣтовъ охабни. *Женская шапка* (Хушпу) вся покрыта корольками и мѣлкими, на подобіе чешуи разположенными, серебряными монетами. Точно такъ украшена и верьхняя половина, проведеннаго подъ поясъ, долгаго *хвоста* (Ама). Подъ шапкою носятъ онѣ бѣлую, вышитую, и по краямъ корольками унизанную, фату, которую невѣсты, какъ бы *покрываломъ* (Сурсанъ), лице свое занавѣшиваютъ; у бабъ же висятъ просто оба конца на груди, и бываютъ, но рѣдко, прикрашены кисточками и бахромками. Волосы заплетаютъ онѣ въ двѣ косы, и прячутъ подъ рубаху. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ носятъ бабы, въ мѣсто шапокъ, подобные Черемисскимъ, мѣлкими монетами, корольками и фарфоровыми раковинками осыпаныя, головныя только повязки, отъ которыхъ не большій хвостъ такъ, какъ и отъ шапки, виситъ по спинѣ; въ награжденіе же длины онаго, проведенъ съ зади отъ пояса въ низъ и другій, подобный оному, хвостъ. Еще перевѣшиваютъ они иногда черезъ лѣвое плечо, подобный жалованной лентѣ, ремень, который бываетъ шириною въ ладонь, и весь покрытъ корольками, змѣиными головками и поддѣланными червонцами.

Когда обѣдаютъ, или ужинаютъ, то сидятъ за столомъ. Прежде, нежели пріимутся ѣсть, говорятъ въ мѣсто молитвы: *Боже! даждь намъ хлѣбъ!* а наѣвшись, приговариваютъ: *Господи! не отри-*

Чувашанка спереди.
Eine Tschuwaschin vorwarts.
Une Tchouvachaine par devant.

ки меня! Гостей своихъ потчуютъ они ложками, и кормятъ ихъ, какъ будьто, на убой. Въ мѣсто кроватей, служатъ имъ такъ, какъ и Татарамъ, широкія полати, на которыхъ, не очень скудные, *спятъ* на перинахъ.

Когда *родитъ* чья ни будь жена, то пріятели и подруги приходятъ къ ней на посѣщеніе, пьютъ пиво, даютъ новорожденному младенцу имя, и дарятъ его, кидая въ стаканъ по нѣскольку копѣекъ. Пиршество сіе называется у нихъ *положеніемъ младенца въ колыбель* (Піачиръ Хивасъ).

Ежели кто вздумаетъ *жениться*, то сватъ торгуетъ дѣвку очень крѣпко. Обыкновенная *невѣстамъ цѣна* простирается отъ двадсяти до пятидесяти рублей: но иные за пять и за десять рублей получаютъ такъ же себѣ женъ. На противъ того богатые даютъ за невѣсту и до осьмидесяти рублей. Невѣстино приданое, состоящее въ дворовомъ скотѣ, домашней утвари и одѣяніи, бываетъ почти равное, платимымъ женихомъ за нее, деньгамъ. Торгъ о невѣстѣ называется у нихъ сватовствомъ (Хота).

По заключеніи онаго, бываетъ особый *съ дарами поѣздъ*. Женихъ пріѣзжаетъ съ родителями своими къ невѣстѣ, платитъ за нее договорныя деньги, даритъ новыхъ родственниковъ рубахами, платками, или холстомъ. Невѣстинъ отецъ, для сугубаго въ женитьбѣ счастія, *приноситъ въ жертву пшеничный хлѣбъ* и не большое количество *меду* сырцу. Онъ держитъ даръ свой противъ солнца, и творитъ молитву; послѣ чего ѣдятъ, пьютъ, веселятся, и на послѣдокъ опредѣляютъ, когда быть свадьбѣ.

Во время *свадьбы* сидитъ невѣста, занавѣся лице, за отгородкою; на послѣдокъ, вышедъ оттуда, ходитъ прискорбно въ гостепріемной избѣ кругомъ, а дѣвки носятъ передъ нею пиво, медъ сырецъ и хлѣбъ. Какъ обойдетъ она въ третій разъ избу, то женихъ срываетъ съ нее покрывало, цѣлуетъ ее, и *мѣняется* съ нею *перстнями*. Съ сей поры называется она обрученною дѣвкою, и разноситъ гостямъ хлѣбъ, медъ сырецъ и пиво, а на послѣдокъ уходитъ опять за отгородку, гдѣ бабы, въ мѣсто худой дѣвичей шапки, надѣваютъ на нее *бабью*, побогатѣе убранную (Хушпу).

Когда станутъ молодыхъ раздѣвать, то невѣста должна скинуть съ жениха сапоги. На другой день по утру произходитъ о дѣвичьей непорочности слѣдствіе. Ежели окажется, что она, до замужства, жила не цѣломудренно: то невѣстинъ прислужникъ подаетъ Старѣйшинѣ съ пивомъ такой стаканъ, у коего на днѣ про-

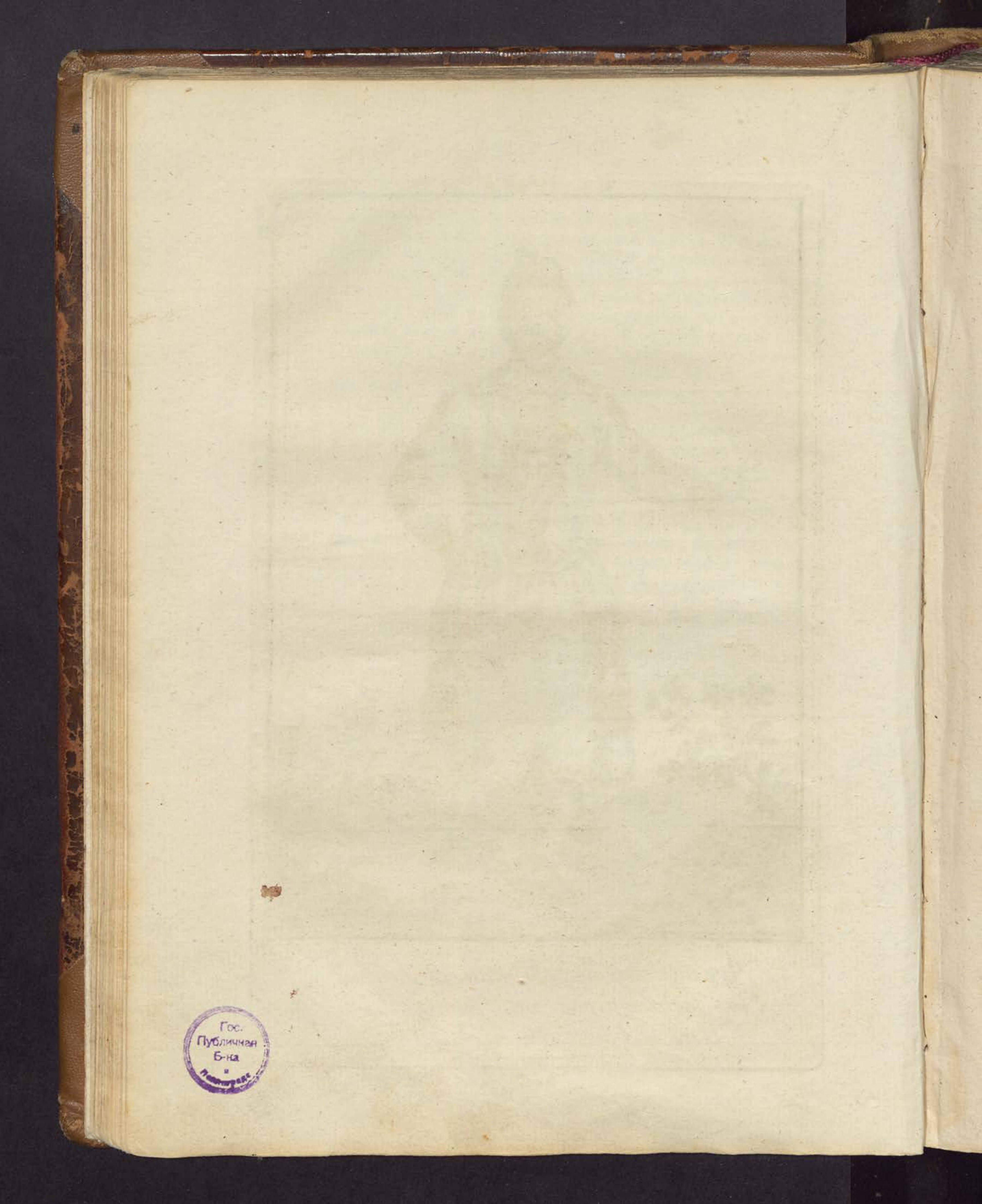
буравлена дырочка, которую зажавъ пальцомъ, удерживаетъ пиво. Но какъ скоро Старѣйшина возьметъ стаканъ въ свои руки, то начинаетъ напитокъ бѣжать изъ дырочки. Гости поднимаютъ превеликой смѣхъ, и приводятъ тѣмъ невѣсту въ стыдъ; другихъ не бываетъ ни какихъ слѣдствій. На другой день принимаетъ молодая гостей уже такъ, какъ хозяйка; въ разсужденіи чего и веселья бываетъ больше, нежели въ первый день. Пляшутъ же они по гуслямъ, по волынкѣ и по губному органу. Крещеные вѣнчаются въ церьквѣ, спустя иногда и долгое время послѣ оныхъ обрядовъ. Свадьбу играютъ больше у жениховыхъ родителей, и оная походитъ нѣсколько на общественную пирушку, по тому, что всякій гость несетъ что ни будь съ собою. Въ прочемъ ставятъ еще на столъ и блюдо съ хлѣбомъ, въ который воткнута стрѣла. Тутъ, кто изволитъ изъ гостей, кладетъ молодымъ на раззаводъ нѣсколько копѣекъ.

Мужъ имѣетъ во всемъ полную власть, а жена должна повиноваться ему, безъ всякаго прекословія; въ разсужденіи чего и не бываетъ почти ни какихъ въ семействѣ ссоръ. Но ежели мужъ чрезвычайно женою своею не доволенъ, то *разрываетъ ея локрывало* (Сурбакъ), и тѣмъ *уничтожается* на вѣкъ супружескій между ними *союзъ*. Такимъ же образомъ разводятся съ женами своими и всѣ, языческаго суевѣрія держащіеся, Черемисы, Мордва, Вотяки и Вогуличи: однакожь таковые случаи бываютъ рѣдко.

Умершихъ своихъ погребаютъ они, по Черемисскому обыкновенію, и надѣляютъ ихъ такъ же, какъ и они. На могилу кладутъ, по зазженіи восковыхъ свѣчекъ, блинъ и кусокъ вареной курицы; при чемъ говорятъ: *ето тебѣ пригодится!* Остатки же прибираютъ провожатые, и думаютъ, что обще съ мертвецомъ ѣли. На послѣдокъ бросаютъ худое умершаго одѣяніе на могилу, моются и подвеселяютъ себя пирушкою въ той избѣ, изъ которой вынесли покойника. Въ третій и въ седьмый день *правятъ поминки*, подобныя первымъ Черемискимъ; въ Октябрѣ же закалаетъ всякъ, у могилы своихъ родственниковъ, овцу, корову, бычка, а иногда и и лошадь, и сваря тамъ же, ѣдятъ такъ, что не великіе бываютъ остатки, кои кладутъ на могилу, и ставятъ при томъ не большую мѣру пива. Въ четвертокъ, на страстной недѣлѣ, выноситъ всякій хазяинъ, для каждаго изъ роду своего покойника, на дворъ по не большому количеству пищи, и про всякаго ставитъ восковую свѣчу. Собаки, въ мѣсто умершихъ, питаются симъ приноше-

Чувашанка въ лѣтнѣмъ платье.
Eine Tschuwaschin im Sommer Kleide.
Une Tchouvache en habit d'été.

Гос.
Публичная
Б-ка
в

нїемЪ. ВЪ прочемЪ и тѣ, кои уже крестились, думаютЪ, что, безЪ сего обряда, не могутЪ умершїе ихЪ родственники лежать вЪ гробахЪ своихЪ спокойно.

Языческая вѣра ЧувашЪ сходствуетЪ, вЪ главныхЪ мнѣнїяхЪ и обрядахЪ, сЪ Черемисскою. *Жрецы* ихЪ, принося жертвы одну послѣ другой, молятся, колдуютЪ, предсказываютЪ, и называются *Юмами* и *Еммами*. Гдѣ ихЪ нѣтЪ, тамЪ вступаетЪ вЪ должность ихЪ, подЪ именемЪ *ЧукЪ Тоата*, разумный старикЪ. *Кереметы* ихЪ подобны во всемЪ ЧеремисскимЪ, а называются еще и *Ирсанами*.

Общаго Бога называютЪ они *ТоромЪ*, а супругу его, *ТорЪ Амишею* (матерью БожковЪ). Между *добрыми Божками*, кои считаются дѣтьми, или роднею Тора, кажется *Кереметь* главнѣйшимЪ, по тому, что молебныя и жертвенныя мѣста ему посвящены, да и самыя жертвы ему же тамЪ приносятся. Кромѣ онаго почитаютЪ еще *Пулихса*, *Хирлсира*, *Пихамбара*, *Кабу* и другихЪ, ЧувашскимЪ подобныхЪ, БожковЪ. Низшей степени БожковЪ называютЪ во обще *Ирисинами*. Они кажутся быть Ангелами, или обоготворенными людьми. ВЪ числѣ *БоговЪ злаго качества* почитаютЪ они такЪ же *Сатану* (Шайтана) первенствующимЪ, и опредѣляютЪ жилище ему вЪ водѣ. *Обитами* называютЪ они, изкушающихЪ родЪ человѣческїй, лѣсныхЪ БожковЪ. ВЪ прочемЪ просятЪ они вЪ молитвахЪ своихЪ Тора, чтобЪ благоволилЪ укротить Сатану.

НастоящихЪ *ИдоловЪ* у нихЪ *нѣтЪ*, однакожь *ЕрихЪ*, или *ИрихЪ*, ихЪ на то походитЪ нѣсколько, и подобенЪ Вотякскому *Мудору*. *ЕрихЪ* составляетЪ не большая связка *серебаринныхЪ лозЪ*, кои, нарѣзавЪ осенью, ставятЪ вЪ уголЪ избы своей, и почитаютЪ оныя столь священными, или опасными, что ни кто и приступиться кЪ онымЪ не смѣетЪ. Они возобновляютЪ своего Ериха всякую осень, а стараго пущаютЪ вЪ плавь по рѣкѣ.

НѣкоторЫе воображаютЪ себѣ *состоянїе* человѣческое *послѣ смерти* двоякимЪ, а именно: *честные люди* преселяются де вЪ *Страну изобилїя* (Чемгерда), вЪ коей обрящутЪ своихЪ родственниковЪ, такЪ же скотЪ и имѣнїе свое, вЪ гораздо лучшемЪ состоянїи противЪ того, вЪ какомЪ они ихЪ, на семЪ свѣтѣ, оставили; *злые же* будутЪ странствовать вЪ холодныхЪ и безплодныхЪ степяхЪ, какЪ кости безЪ тѣла.

Кереметные, или общїе, такЪ, какЪ и *семейственные* ихЪ *праздники*, сходны сЪ Черемисскими не только, вЪ разсужденїи обря-

довъ, но и въ самихъ названіяхъ; ибо такія же бываютъ у нихъ при томъ жертвоприношенія, распоряженія и обряды; а разность заключается въ томъ только, что Чуваши отъ всѣхъ *жертвъ* бросаютъ нѣсколько и *въ огонь*.

Праздникъ *Имекъ Байранъ* бываетъ у нихъ весною, и они молятся въ сей день о изобиліи земномъ въ наступающее лѣто. *Уйгукъ* есть благодарственная въ Кереметѣ, за собранные съ полей плоды, приносимая жертва; при чемъ мѣлкихъ только животныхъ закалаютъ. *Кереметь Тасадосъ*, или праздникъ очищенія Керемети, бываетъ весною, когда начинаютъ пахать поля; а обряды совершаются въ Кереметѣ съ жертвоприношеніемъ *передъ семью огнями*. Они приносятъ въ жертву пироги и молоко, льютъ нѣсколько на огонь, убираютъ прочее сами, и обращаютъ моленіе свое наипаче къ *Керемети Отцу* (Кереметь Ашъ), *Матери* (Кереметь Амша) и *Сыну* (Кереметь Ивли). Когда вздумаютъ принесть *Пихамбару* большую животину въ жертву, по причинѣ болѣзни, или для счастія въ скотѣ, и проч. то избираютъ къ тому Кереметь. Пернатыхъ же и малую животину жертвуетъ всякъ дома. *Жертвоприношеніе отъ новаго хлѣба* (Сыне шире чукъ тонсъ) есть тотъ самый праздникъ, который у Черемисъ *Уткинде байранъ* называется. *Мункунъ* (великій день) есть среда на страстной недѣлѣ. Въ сей день приноситъ всякій хозяинъ у себя въ домѣ жертву, состоящую въ птицахъ и пирогахъ; при чемъ одинъ другаго посѣщаетъ, и проч. Во обще ввели они такъ, какъ Черемисы, Мордва, Вотяки и нѣкоторые другіе Народы, очень много Христіанскихъ, а еще больше Мугаммеданскихъ праздниковъ въ число своихъ, какъ на примѣръ, выше помянутый великій день, поминаніе въ четвертокъ на страстной недѣлѣ, омываніе тѣла и расположеніе молитвъ, да и самое слово, *байранъ* (праздникъ) Татарское.

Молитвы ихъ бываютъ всегда одинакія, а разность заключается только въ обстоятельствахъ, да въ лицахъ мнимыхъ ихъ Боговъ, къ которымъ они возсылаются. Полная Чувашская молитва гласитъ въ переводѣ такъ: *Боже!* (Торе, или иное какое Божество) *помилуй насъ! Боже! не оставь меня! Надѣли меня множествомъ сыновей и дочерей! Боже! одари меня многими горами хлѣба, и наполни мои житницы и кладовыя! Боже! низпошли мнѣ хлѣбъ, медъ, питье, съѣстное, здоровье, покой! Боже! наполни дворъ мой лошадьми, рогатымъ скотомъ, овцами, козами! Боже! благослови жилище мое, чтобъ могъ я странствующихъ принимать, по-*

коить, питать и грѣть. Боже! благослови Обладательницу Земли! (Всемилостивѣйшую Государыню). При всякомъ отрывѣ молитвы говорятъ міряне: *аминь!*

При обращеніи ихъ, въ 1723 году, къ Христіанскому закону, нарочито они упрямились; а въ нынѣшнее время, въ которое безъ собственнаго удостовѣренія ни кого къ принятію православной вѣры не принуждаютъ, и не отвлекаетъ ихъ никто отъ суевѣрія, да они и сами, въ разсужденіи тихомирнаго поведенія, прилежанія, вѣрности и преданности своимъ Начальникамъ, крестившимся ни мало не уступаютъ.

Въ междоусобныхъ дѣлахъ *не употребляетъ Народъ сей* ни какихъ *клятвъ,* но единственно держатся *своего слова.* Но когда по какимъ ни будь ссорамъ, или другимъ причинамъ, надобно имъ предъ судьями присягать: то кладутъ имъ въ ротъ по немногу соли и хлѣба, при чемъ они говорятъ: *чтобъ мнѣ етого у себя не видать, ежели я лгу, или въ словѣ своемъ не устою.* Рекрутамъ же даютъ хлѣбъ черезъ сложенные крестообразно тесаки, и сіе служитъ для сего Народа, въ мѣсто обыкновенной въ Россіи, для прочихъ Христіанскаго исповѣданія Народовъ, присяги.

МОРДВА.

Народъ сей *живетъ* по близости рѣки *Оки* и *Волги* въ Нижегородской Губерніи и частію въ Оренбургской Области. Долго былъ онъ у Татаръ въ подданствѣ, однако имѣлъ собственныхъ *Хановъ*. До разпространенія Татарскаго владычества были жилища его повыше теперешнихъ, на Волгѣ же, около *Ярославля*, *Костромы* и *Галича*. А хотя Народъ сей и не столь многолюденъ, какъ Черемисы и Чуваши, однако нарочито еще знатенъ, и безпрерывно отъ одной переписи до другой умножается, соотвѣтственно природнымъ Россійскимъ сельскимъ жителямъ.

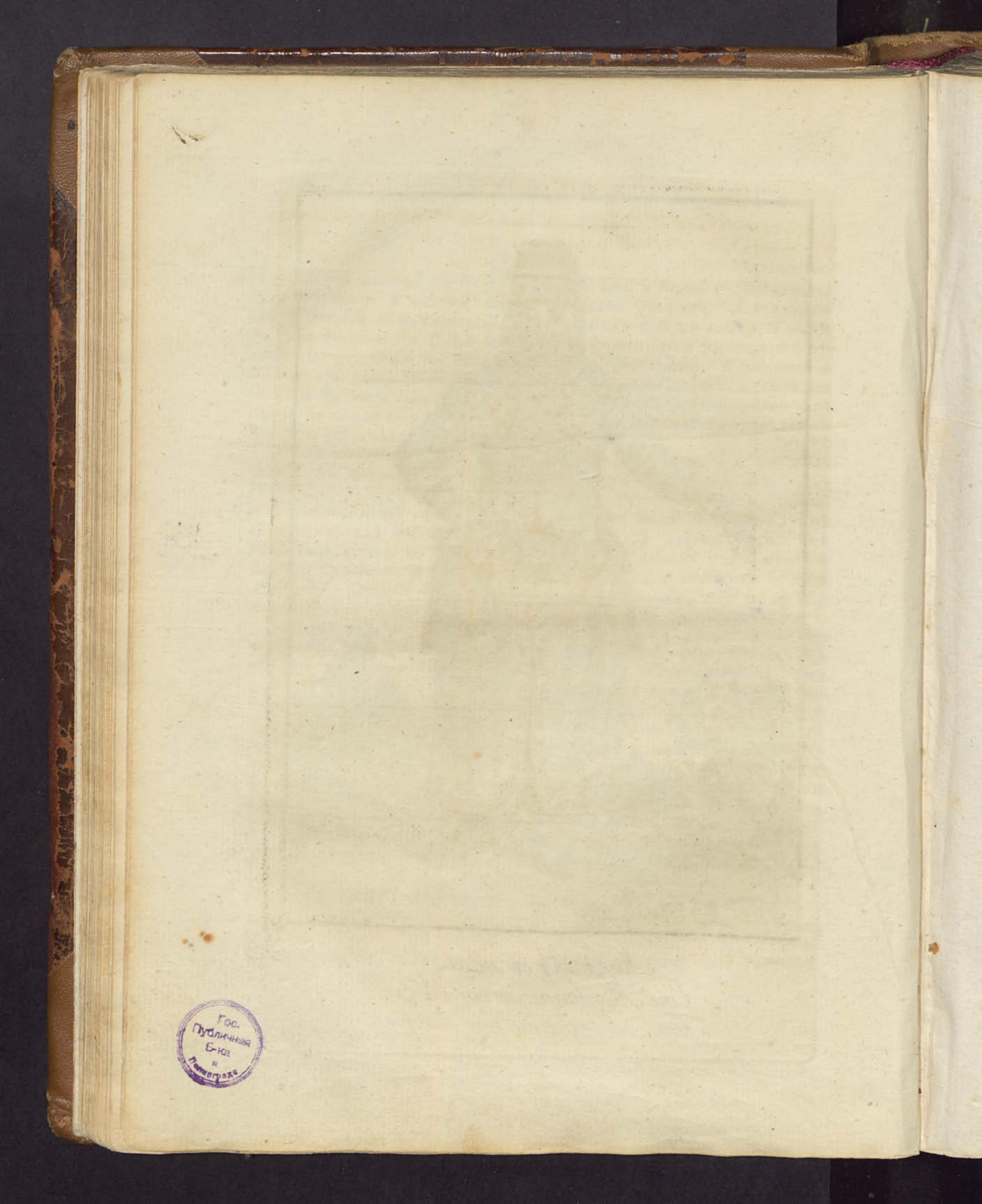
Оный *раздѣляется на два главныя колѣна*, а именно: на *Мокшанъ*, кои живутъ на Мокшѣ, сообщающей струи свои Окѣ выше всѣхъ другихъ рѣкъ, и на *Ерзянъ*, обитающихъ на Волгѣ. *Каратаи* составляютъ еще и третіе, но такое малое поколѣніе, что въ нѣсколькихъ только Казанскихъ деревняхъ заключается. Они называются сами по поколѣніямъ своимъ *Мокшами* и *Мокшанами*, такъ же *Ерзячами* и *Ерзядами*; Россіяне же нарицаютъ ихъ во обще *Мордвою*, которое наименованіе и между самими ими не не употребительно. Дворянскія ихъ семьи давно уже перевелись.

Языкъ ихъ, который такъ, какъ и сами они, заимствуетъ начало свое отъ Финновъ, весьма съ Татарскимъ перемѣшанъ. Ерзянское и Мокшанское нарѣчія такъ между собою разнятся, что походятъ на два особливые языка. А хотя каждое колѣно и теперь еще употребляетъ свой языкъ, но они, по близкому сообщенію, или по взаимному смѣшенію, свободно одни другихъ разумѣютъ. До разпространенія между ними Христіанской вѣры почиталось у нихъ преступленіемъ понимать жену изъ другаго колѣна: но нынѣ живутъ они уже больше въ смѣшеніи. Однакожъ всякій родъ держится своихъ старинныхъ обычаевъ, въ разсужденіи одѣянія и нѣкоторыхъ поведеній.

Мордовцы, по тѣлесному разположенію и по всему виду, больше походятъ на *Россіянъ*, нежели на Черемисъ и Чувашъ, да и въ самомъ домашнемъ своемъ быту сообразуются наипаче Россійскимъ сельскимъ жителямъ. Волосы у нихъ, по большей части, русые и прямые, бороды жидкія, лица сухощавыя, а женщины ихъ рѣдко бываютъ красивы. Въ прочемъ они честны, прилежны, дружелюбны, но не проворны; послѣдуютъ не менѣе перенятому отъ Россіянъ,

Мордовка съ лица.
Eine Morduanerin vorwärts.
Feme Morduane par devant.

сколько и заимствованному ими отъ Татаръ, въ разныхъ дѣлахъ и обычаяхъ, но не въ опрятности и отвращенiи отъ свинины, которую, держащiеся языческой своей вѣры, Мордовцы, коихъ однакожъ теперь въ остаткѣ очень мало, ѣдятъ безъ всякаго зазрѣнiя, а на противъ того, оставшiеся въ языческомъ суевѣрiи, Чуваши и другiе Народы почитаютъ оную поганою пищею.

Съ того времени, какъ стали они Россiйской Державѣ подвластны, упражняются всѣ *во землепашествѣ*: но живутъ не въ городахъ, а въ деревушкахъ, подобныхъ Черемисскимъ и Чувашскимъ, и весьма охотно строятъ жилища свои въ лѣсахъ. Дворы, землепашество, небольшее скотоводство, домашняя рухлядь, пища и все во обще расположенiе ихъ хозяйства ни мало отъ Черемисскаго и Чувашскаго не разнится. По большей части бываютъ и у нихъ дворовъ такiе же, какъ и у тѣхъ, огородцы, въ коихъ садятъ про себя обыкновенную поваренную зелень. Но къ *звѣриному промыслу* не столько они прилѣпляются, какъ помянутые Народы. Мордовки упражняются равномѣрно въ такихъ же дѣлахъ, какъ Черемисскiя и Чувашскiя женщины, и при томъ подобны имъ въ прилежанiи и искусствѣ. Народъ сей несетъ равную съ сосѣдями своими гражданскую тягость, да и въ самомъ поведенiи имъ сообразенъ. Мокшаны живутъ въ привольныхъ къ *лѣсному пчеловодству* мѣстахъ; есть такъ же между ними дѣйствительно и такiе пчеляки, кои имѣютъ у себя по сту и по двѣсти ульевъ.

Мордовское *мужское одѣянiе* во всемъ, кромѣ рубашекъ, украшенныхъ шитьемъ около воротника и ворота, походитъ на Русской мужичiй нарядъ. *Женская* же *одежда*, въ обоихъ поколѣньяхъ, нѣсколько отмѣнита. Дѣвки ходятъ и у нихъ не такъ нарядно, какъ бабы; а въ прочемъ различаются отъ сихъ однимъ только головнымъ уборомъ. Они носятъ коротткiя портки (Пойкъ), а на ноги столько навертываютъ онучь, что походятъ на колоды. Обувь ихъ составляютъ востроносые лапти (Каръ); рубахи носятъ, подобныя Чувашскимъ и Черемисскимъ; узоры вышиваютъ на оныхъ такiе же, и подпоясываютъ оныя, не забирая въ портки. Отъ пояса виситъ на зади не большiй, красиво вышитый, и при томъ бахромкою и кисточками разпещренный, коротенькiй запонъ, который и не излишенъ, по тому, что рубахи ихъ, какъ будьто облипли около тѣла. Когда Мордовка явится въ самомъ лучшемъ нарядѣ, то около пояса висятъ кругомъ, прикрѣпленныя къ вышитой широкой перевязи бахромки и кисточки. Шею и плечи покрываетъ, решетча-

то сдѣланный изъ корольковъ и поддѣланныхъ червонцовъ, пронизокъ, который, какъ будьто косынка, намётывается на грудь. На всѣхъ пальцахъ носятъ онѣ перстни и кольца, а къ большимъ сергамъ привѣшиваютъ маленькїя, изъ корольковъ сдѣланныя, пронизки. На руки надѣваютъ, у самыхъ кистей, по два и по три обода. Волосы заплетаютъ въ нѣсколько малыхъ косъ, кои прячутъ пожилые люди подъ сшитую по головѣ шапочку, а молодые подъ высокую, набитую, крѣпкую, вышитую и какъ корольками, такъ и фарфоровыми раковинками разпещренную, шапку, у которой придѣланъ на затылкѣ хвостъ, шириною въ ладонь, а длиною съ лишкомъ на пядень, и украшенъ корольками и унизанными нитками. *Дѣвки* заплетаютъ волосы въ нѣсколько косъ, и дабы сдѣлать оные долгими и крѣпкими, то кладутъ въ добавку черную овечью шерсть.

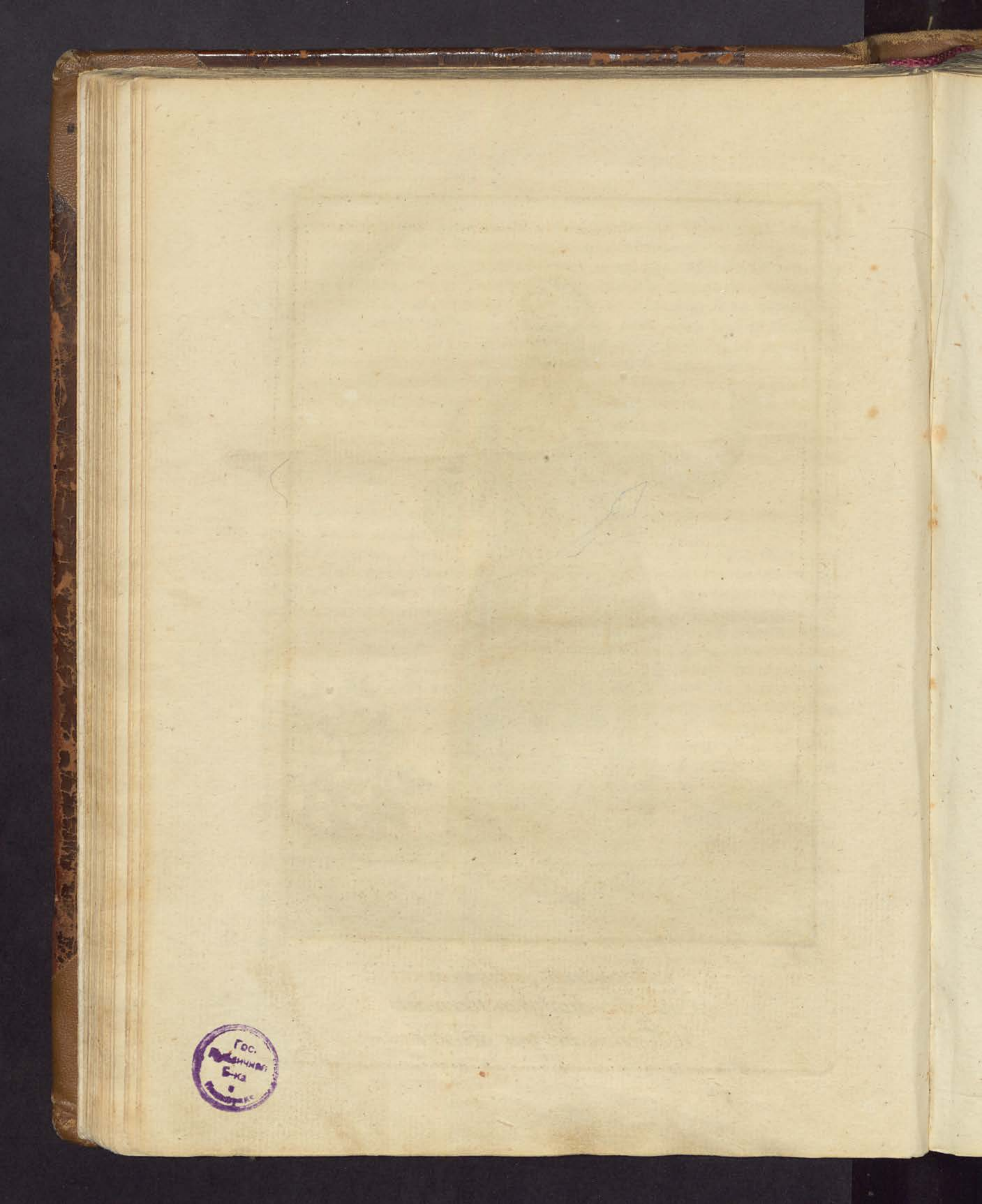
Мокшанки разнятся отъ Ерзянокъ слѣдующимъ только нарядомъ. *Бабьи шапки* дѣлаются у нихъ не столь высокїя и вышиваются просто. Многїя носятъ на головѣ и однѣ только вышитыя фаты. Отъ шапки висятъ по груди, выкладенные серебряными копѣйками, *ремешки*. Отъ составленнаго же *изъ корольковъ пронизка* простирается до самаго пояса, покрытый въ сплошь корольками и брякушками, *щитъ*; а отъ пояса виситъ въ переди долгїй, либо короткїй, вышитый, и какъ корольками, такъ и змѣиными головками усыпанный запонъ. Въ мѣсто Ерзянскаго задняго запона, носятъ Мокшанки не мало, рядомъ висящихъ, кисточекъ, кои достаютъ до самыхъ подколѣнокъ. Кромѣ серегъ болтается около ушей много маленькихъ, *изъ лебяжьяго пуху* сдѣланныхъ *кисточекъ*. Волосы покрываютъ такъ же, прикрѣпленнымъ къ шапкѣ и до самыхъ пятъ достающимъ, ремнемъ; пожилыя же бабы и дѣвки, въ мѣсто шапокъ, носятъ на головѣ въ завязку платки, а волосы разтрепанные, или заплетенные, висятъ просто по спинѣ.

Беременныя женщины ходятъ *родить* въ баню, гдѣ посѣщаютъ ихъ гости, и даютъ младенцамъ имена. Обряды бываютъ у нихъ при семъ случаѣ такїе же, какъ и у Черемиссъ. *Мужескаго полу имена* суть слѣдующїя: *Грена*, *Казай*, *Беткубъ*, *Сидасъ*, и проч. а *женскаго*: *Лолай*, *Ракса*, *Шиндц*, *Алмзурь* и прочїя.

Дѣвокъ они *высватываютъ*, и рядятся такъ же, какъ и Чере-

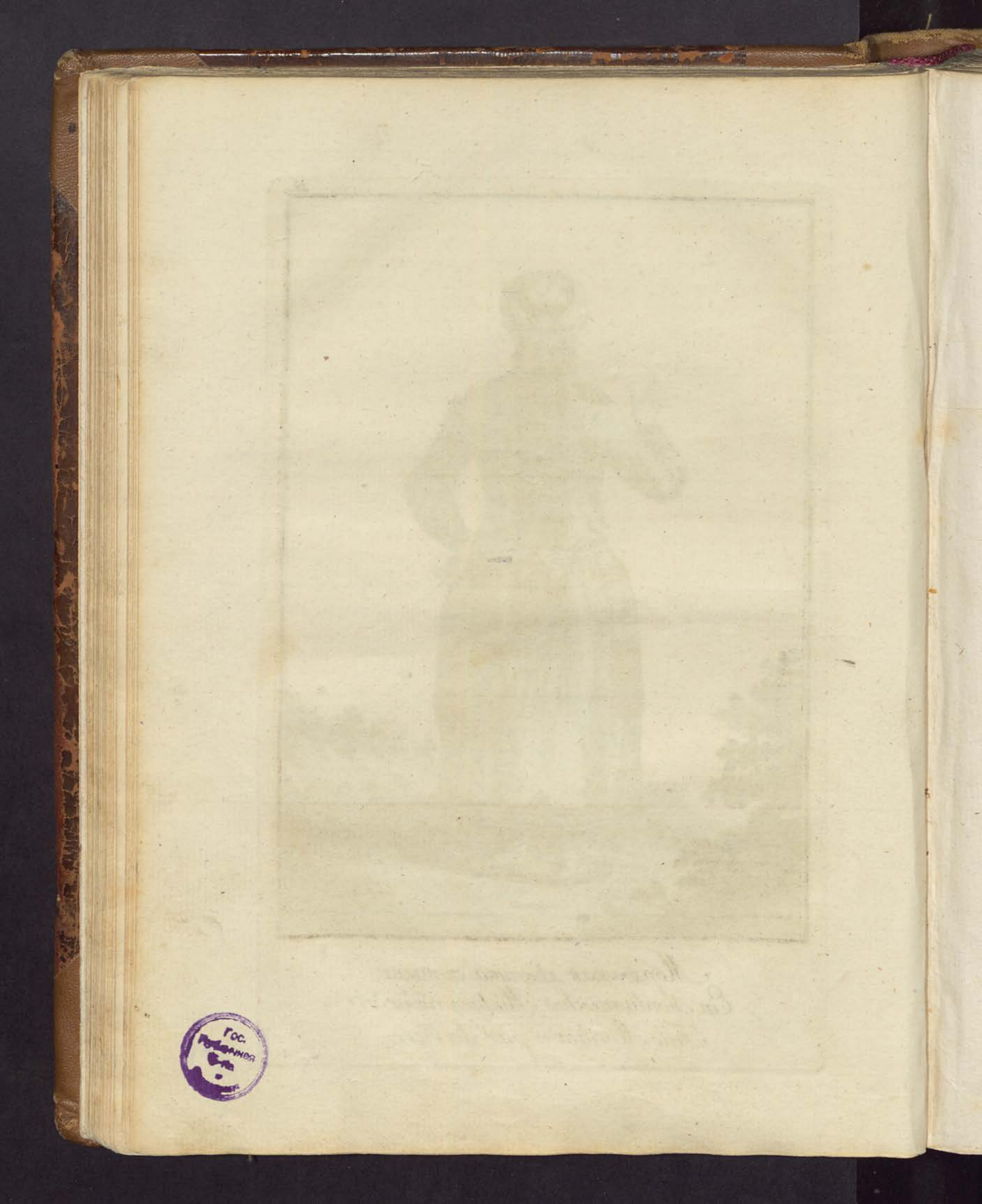

Мордовка со спиною.
Eine Morduanerin rückwärts.
Mordouane par derrière.

Гос.
Б-ка
в

Мордовская дѣвушка съ тыла.
Ein Morduanisches Mådgen rückwårts.
Fille Morduane par derrière.

миссы. *Цѣна невѣсты* (Калымъ) простирается обыкновенно отъ осьми до десяти рублей; изъ чего и видно, что Народъ сей не богатъ. Жениховъ отецъ ѣздитъ самъ, передъ свадьбою, за невѣстою, которую отецъ, взявъ за руку, ему препоручаетъ, а мать даетъ при томъ свекру дочери своей не много соли и хлѣба. Послѣ сего прощается невѣста, плачучи, и пускается, закрывъ лице, въ путь. Какъ приѣдетъ она къ жениху въ домъ, то садится онъ подлѣ ее, за столъ, и крѣпко при томъ нахлупчитъ на глаза шапку. На столѣ стоитъ, длиною фута въ три, пирогъ, который жениховъ отецъ, пододвинувъ однимъ концемъ невѣстѣ подъ покрывало, говоритъ: *взгляни на свѣтъ! будь счастлива къ наживу хлѣба и дѣтей.* Тутъ-то, въ первые, видитъ женихъ въ лице свою невѣсту, которую, безъ вѣдома его, высваталъ за него отецъ. Послѣ сего пируютъ они съ пріятелями своими, и веселятся пляскою, пѣснями, игрою, а больше всего подпиваньемъ. Въ прежнія времена были у нихъ и собственныя пляски, но теперь послѣдуютъ въ томъ Россіянамъ, и соображаются игрѣ на гусляхъ, волынкѣ и губномъ органѣ. Какъ пріидетъ пора *укладывать молодыхъ спать*, то невѣста такъ упрямится, что, посадя ее насильно на рогожу, относятъ къ жениху въ подклѣтъ, и говорятъ: *вотъ тебѣ волкъ овечка!* Случается, что родители и малолѣтныхъ еще дѣтей своихъ помолвливаютъ; при чемъ взаимно размѣниваютъ табашные роги. Дѣвку помолвленіе сіе не обязываетъ, но молодецъ долженъ, буде вздумаетъ на другой жениться, заплатить за обходъ нѣсколько рублей. Хотя въ прочемъ многоженство Языческимъ ихъ закономъ и не запрещается, однако они вольностію сею столь же рѣдко, какъ и Черемиссы, пользуются. Когда умретъ жена, то охотно женятся на свояченицахъ. Естьли же получитъ кто въ томъ отказъ, то кладетъ тихонько на столъ маленькій хлѣбецъ, и говоритъ: *промыели мнѣ своячениц!* Послѣ сего обращается онъ въ бѣгъ, и ежели его настигнутъ, то бьютъ не милосердно; естьли же уйдетъ, то выдаютъ безпрекословно за него помянутую своячиницу. Когда крещеные ѣдутъ къ вѣнцу, то лице у невѣсты бываетъ закрыто же, и при томъ всячески стараются, чтобъ, когда ѣдетъ невѣста въ церьковь, не попался ей кто ни будь на встрѣчу, по тому, что почитаютъ сіе предзнаменованіемъ несчастія.

Покойниковъ хоронятъ въ самомъ лучшемъ платьѣ. У могилы ѣдятъ пироги, и распиваютъ пиво; при чемъ какъ того, такъ и другаго по не многу оставляютъ на мѣстѣ.

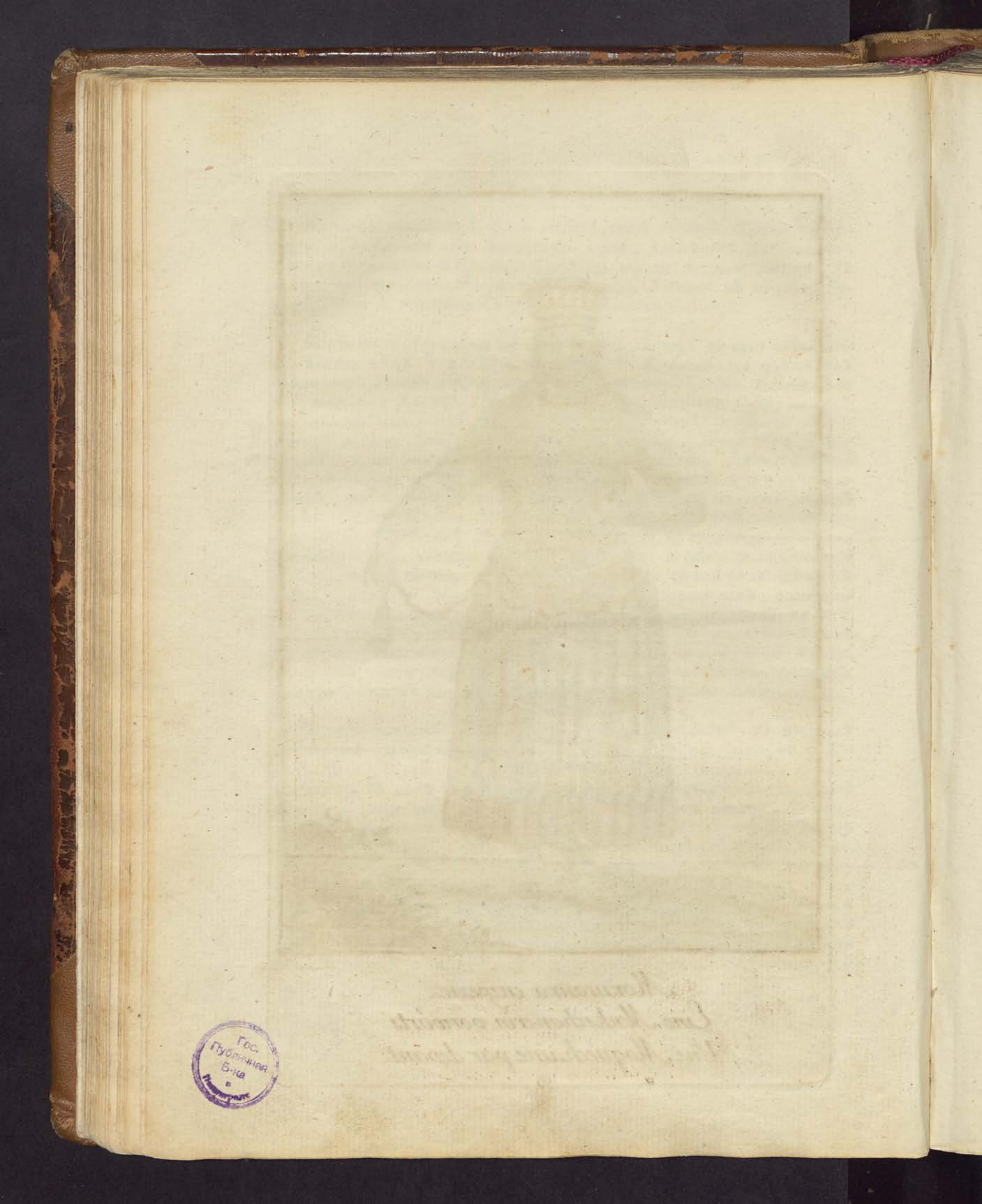
Большая половина Мордвы исповѣдуетъ теперь *Христїанскую вѣру*, и хотя они отъ Языческаго закона удалились уже больше, нежели Черемиссы и Чуваши: однакожь все еще великое имѣютъ къ оному пристрастїе. *Идолопоклонство* ихъ Язычниковъ подобно Черемисскому и нѣкоторыхъ другихъ Народовъ.

Мордовскїе *Кереметы* не заключаютъ въ себѣ ни чего отмѣннаго. Теперь нѣтъ у нихъ и настоящихъ *Жрецовъ*: но мѣста ихъ занимаютъ всякїе добрые люди, кои называются *Ате*. *Общїй Богъ* называется у Ерсянъ *Паасъ* и *Пасъ*, а у Мошканъ *Скей*; да симъ же словомъ называютъ они и небо. Они исповѣдуютъ еще *Матъ Боговъ* и *сына Божїя* (Иничи Пасъ). *Мастеръ Пасъ* есть подземельное и не очень благотворительное *Божество*. *Николай Пасъ* есть, почитаемый Россїянами, *Святитель Николай*, коему приписываютъ они благосостоянїе Россїйскаго Народа, ставятъ передъ икону его, въ Россїйскихъ церквахъ свѣчи, и воздаютъ изображенїю его, въ домахъ своихъ, почтенїе. Въ прочемъ не представляютъ они Боговъ ни подъ какими видами. Богомолїя, жертвы и приношенїя ихъ, да и всѣ во обще праздники, совокупно съ возбуждающими къ тому причинами, подобны Черемисскимъ и Чувашскимъ; разнятся же отъ послѣднихъ тѣмъ только, что огню не предаютъ ни чего, а въ мѣсто того *землѣ нѣсколько удѣляютъ*. *Кровь*, приносимыхъ въ жертву, животныхъ спускаютъ въ ямочку, и зарываютъ землею, да и отъ самой жертвы кладутъ туда же нѣсколько частицъ. Кости бросаютъ въ рѣки, а шкуры берутъ за себя Аты.

Весною бываетъ у нихъ *Кереметный праздникъ*, въ который приносятъ звѣрей въ жертву. *Полевый праздникъ*, который у Ерзянъ *Валмъ Оксъ*, а у Мокшанъ *Велъ Оксъ* называется, препровождаютъ въ полѣ оба пола въ мѣстѣ. *Пасъ Агускаю* приносятъ они въ жертву рыжую, а *Мастеръ Пасу* черную корову. *Солнцу*, которое они называютъ *Чи Пасомъ*, приноситъ въ жертву всякїй хозяинъ у себя на дому, съ Чувашскими обрядами, птицъ, пирожное и хмельные напитки. Увидя въ первый разъ *новый мѣсяцъ*, кланяются и просятъ его, чтобъ низпослалъ имъ, во время своего правительства, счастїе. Осенью приносятъ *Юргашу Пасу* домашнюю жертву, и просятъ его о благополучной зимѣ. Въ первый день какъ свѣтлаго Воскресенїя, такъ и Рождества Христова, жертвуютъ они не извѣстнымъ и самимъ имъ Россїйскимъ Святостямъ птицъ, пи-

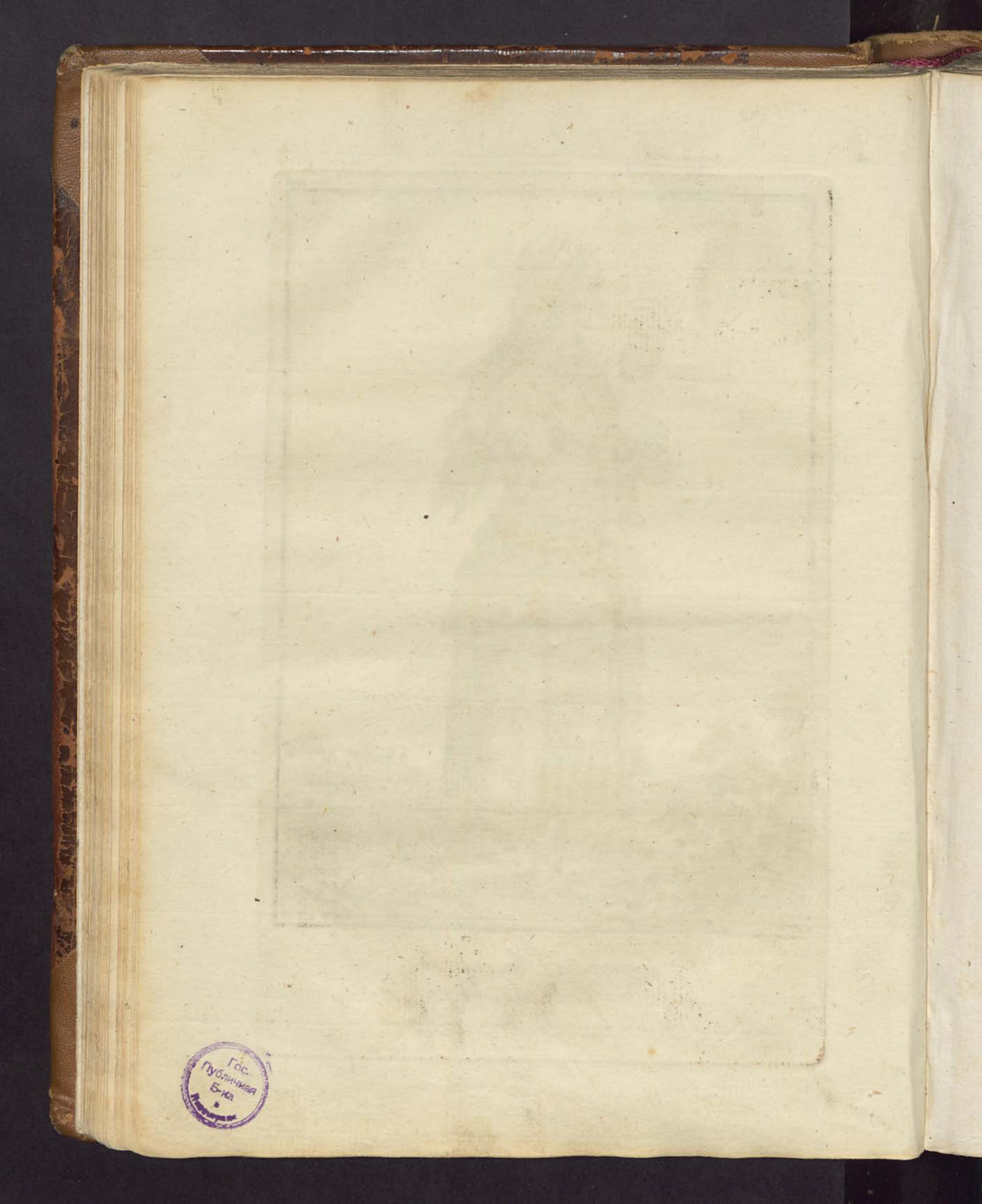

Мокшанка спереди.
Eine Mockschanerin vorwärts
Une Moquechaine par devant.

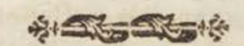

Старуха Мокшанская.
Ein altes Weib aus Mockschan.
Vieille feme de Moquechaine.

Гос.
Публичная
Б-ка
в

рожное и напишки, дабы только имѣть себѣ заступниками и Россійскихъ Святыхъ. Во время грозы говорятъ: *умилосрдись Боже Пургини!* но жертвъ ни какихъ не приносятъ. *Молитвы* ихъ такія же, какъ и выше описанныхъ Народовъ. Притворный, во время молитвы, видъ, приклоненіе лица къ землѣ и другое, сему подобное, переняли они отъ Татаръ.

ВОТЯКИ.

Вотяки, коихъ Славяне называли *Вотами*, проименованы отъ Татаръ *Арами*, сирѣчь, Украинцами; отъ чего нѣкоторые производятъ и произхожденіе, обитающаго и теперь еще около рѣки Енисея, Народа, *Аринцами* именуемаго, который однакожь, въ древнія времена, имѣлъ жилища свои около Уральскихъ горъ, но передъ побѣгомъ своимъ въ нутрь Сибири нарочито изтребленъ, какъ о томъ объявляютъ нѣкоторые Писатели. Собственное же Вотяковъназваніе есть, *Уды* и *Удмурты*, или *Морты*: но Мортъ значитъ во обще, на языкѣ ихъ, человѣка. Они *живутъ* въ Казанской и Вятской, Губерніяхъ, и называютъ сію, занимаемую ими Страну, *Камъ Козинъ*, сирѣчь промежь рѣками лежащею землею, а именно между Камою, которая, на ихъ языкѣ, нарицается, *Будгинъ Камъ*, и *Вяткою*, коя у нихъ называется *Вятка Кама*.

Вотскій Народъ и нынѣ еще многочисленъ. Со включеніемъ, живущихъ въ Оренбургской Области, Вотяковъ, считается въ ономъ до 40000 и болѣе мужчинъ. Вотяки и теперь наблюдаютъ старинное свое раздѣленіе на *поколѣнія*, или семьи, и даютъ по тому деревнямъ своимъ названія, какъ на примѣръ: *Сулоннеинъ Балги*, т. е. Сулонны отъ Балгскаго поколѣнія; *Куракъ Самесъ*, Куракская деревня отъ колѣна Самесъ, и такъ далѣе. Но Ханскія и прочія ихъ Дворянскія семьи отъ части перевелись, а отъ части вышли изъ чести. Они были такъ же подъ Татарскимъ покровительствомъ. А какъ Россійской покорились державѣ, то брося кочеванье, принялись за спокойнѣйшую и безопаснѣйшую сельскую жизнь, при чемъ и постоянныя жилища предпочли полевымъ ставкамъ.

Росту, большая часть, средняго, худощавы, волосы у нихъ бываютъ всякіе, но у многихъ рыжіе. Съ *виду* походятъ на Финновъ больше, нежели всѣ прочіе единоплеменные имъ народы. Въ прочемъ честны, миролюбивы, гостепріимчивы, трезвы, но и суевѣрны, къ любви не страстны и простосердечны. У *женщинъ* ихъ такіе чрезвычайно малые мигучіе глаза, что гадко на нихъ и взглянуть; росту они малаго, робки, стыдливы, а по тому и цѣломудренны, при томъ же рачительны и ласковы.

Они говорятъ собственнымъ, отъ Финскаго произходящимъ, *языкомъ*: но нѣтъ у нихъ теперь ни писанія ни буквъ. *Счеты* ведутъ они на замѣткахъ (Песъ), а въ мѣсто подписи употребля-

ютЪ заручительные знаки. *Годовъ* не считаютЪ, *мѣсяцамъ* же даютЪ названія отЪ естественныхЪ приключеній, такЪ на примѣрЪ: МартЪ называется у нихЪ *Силлронъ Галисъ*, льдоломный мѣсяцЪ, Іюнь, *Вушанъ Сира Галисъ*, солнцестоятельный мѣсяцЪ, и такЪ далѣе. ИзЪ недѣльныхЪ дней *пятница* (арніа нумалЪ) есть день ихЪ отдыхновенія. Среду нарицаютЪ и они *кровавымъ днемъ* (вирЪ нумалЪ), и ни чего вЪ оной важнаго не предпринимаютЪ.

Они такЪ же, какЪ и Черемиссы, живутЪ не вЪ городахЪ, но вЪ *деревняхъ*, которыя, естьли другія какія мѣста покажутся имЪ привольнѣйшими, и переносятЪ. ВЪ прочемЪ всѣ сельскіе ихЪ распорядки, жилища, домостроительство, утварь домашняя, пища, питье, подати и все во обще ихЪ устроеніе такое точно, какЪ и у вышеописанныхЪ НародовЪ. Сотники ихЪ называются, *Еллирами*, а старосты, *Картликами*. Они больше всѣхЪ НародовЪ убѣгаютЪ обращенія сЪ Иноплеменниками, и по тому не любятЪ, чтобЪ вЪ смежности сЪ деревнями ихЪ были и чужія; не даютЪ такЪ же пришельцамЪ вЪ посадахЪ своихЪ строить дворовЪ, да и при празднествахЪ своихЪ не терпятЪ ИнородцовЪ. Очень рѣдко случается, чтобЪ вступило вЪ земской судЪ какое ни есть Вотское, по прошенію, дѣло.

Сельское домостроительство производятЪ они весьма рачительно, и при томЪ упражняются какЪ вЪ *звѣриной ловлѣ*, на которой лукомЪ и огнестрѣльными оружіями равно пользуются, такЪ и вЪ *пчеловодствѣ*. ОтЪ скуки, сидятЪ такЪ же нѣкоторые и за *токарнымъ дѣломъ*; издѣлья же ихЪ составляютЪ: чашки, ложки, веретена и другія, симЪ подобныя, надобности, да они и лоскЪ на сосуды наводятЪ. *Женщины* прядутЪ, ткутЪ холстЪ, дѣлаютЪ толстыя сукна, валяютЪ войлоки, вышиваютЪ узоры и поршничатЪ. БогатыхЪ между ними мало, но на противЪ того и во все нѣтЪ чрезвычайно бѣдныхЪ. У кого есть отЪ пятнадсяти до двадсяти пяти десятинЪ земли, да сЪ верхЪ того лошадей отЪ двадсяти до тридсяти и другаго скота соразмѣрное количество: тотЪ занимаетЪ между богачами ихЪ первое мѣсто.

Одѣяніе мужчинъ походитЪ на нарядЪ РускихЪ мужиковЪ, но по большей части дѣлается изЪ бѣлаго толстаго сукна. Зимнія ихЪ шапки шьются изЪ сукна, да и околышь бываетЪ по большей части изЪ сукна же, только изЪ другаго цвѣта. КЪ поясу привѣшиваютЪ ножь да влагалище для топора.

Женьщины носятъ короткія рубашки, вышитыя душегрѣйки и

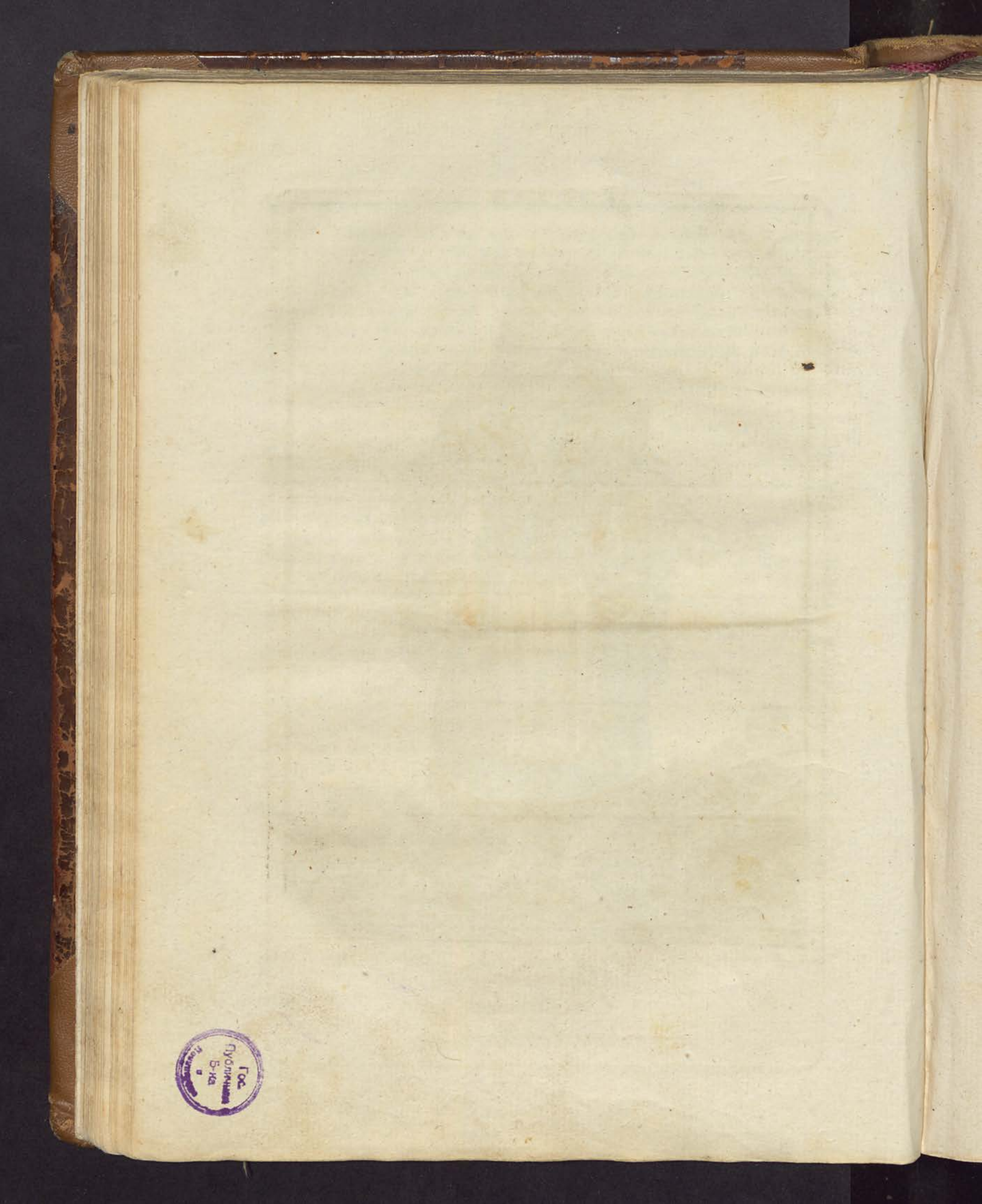
хапши. *Лѣтнее* ихъ *одѣянїе* составляетъ просторная и полная верьхняя рубаха, у которой рукава дѣлаются узковато, а обшивки украшаются узорчатымъ шитьемъ. Они подпоясываются по сей рубахѣ такъ, что какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ боку виситъ долгїй отъ пояса конецъ. У пояса мотается не большїй, со швейными припасами, мѣшокъ (Янтзикъ). Голову покрываютъ вышитою, и бахромкою обложенною фатою, которая перетянута надъ головою черезъ высокой обручь, и опущена на спину. У самыхъ ушей оставляютъ они по клочку волосъ, который обыкновенно узломъ затягиваютъ. *Зимнее* же ихъ *одѣянїе* составляютъ долгое и полное, въ переди не большїй воротъ имѣющее, платье (Тамашадерамъ), у коего рукава узкїе, а воротника со всѣмъ нѣтъ. Оное шьется обыкновенно изъ сукна какого ни есть свѣтлаго цвѣта. Голову покрываютъ онѣ зимою платкомъ, который завязываютъ подъ подбородкомъ, а на оный надѣваютъ шапку съ берестовымъ столбомъ, чѣмъ ни есть покрытымъ, и накидываютъ на него помянутую фату, висящую по спинѣ, и служащую такъ же покрываломъ. Онѣ носятъ такъ же серьги, перстни, кольца, и при томъ какъ мѣдные такъ и желѣзные ручные ободы. Дѣвки носятъ у нихъ такъ, какъ и у Татарокъ, крѣпко на головѣ сидящїя шапки, а въ прочемъ одѣваются по хуже бабъ.

Привѣтствуются они между собою чрезъ подаванїе рукъ, и говорятъ при томъ: *дисъ бань!* (здравствуй!). Женьщины, въ мѣсто цѣлованїя треплютъ себя обѣими руками по плечамъ. *Бранныя* ихъ *слова* суть слѣдующїя: скитающееся стерво (шной удманъ), безтолковый бѣсъ (вистанъ Шайтанъ), и сїе проклятїе: чортъ тебя возьми! (Шайтанъ медъ бастосъ). По *рожденїи* младенца, которое такъ же, какъ у Мордвы и у нѣкоторыхъ другихъ Народовъ, бываетъ въ банѣ, которую и не одну во всякой ихъ деревнѣ найти можно, приноситъ отецъ *Ангелу хранителю* сего *младенца* въ жертву бѣлаго овна. Жертву сїю называютъ они *Килдиссинъ* (Ангельская жертва), и ѣдятъ оную съ удовольствїемъ. Собственныя Вотяковъ *мужескїя имена* суть: *Ишмакъ*, *Данабай*, *Камай*, *Елтемиръ* и прочїя, а *женскїя*: *Далишь*, *Баделетъ*, *Беке*, *Танга*, *Акстонь* и другїя.

Женъ они себѣ *покупаютъ*, и хотя оставшимся при языческомъ суевѣрїи не возбранно содержать оныхъ столько, сколько прокормить могутъ: однако рѣдко кто имѣетъ двухъ или больше. Договорная за невѣсту цѣна, которая у нихъ называется *Ердунъ*,

Вотячка.
Eine Wotiakin.
Feme Votiakiene.

Гос.
Публичная
Б-ка
в

а ряда о томъ, *Ерашу*, простирается обыкновенно отъ пяти до пятнадсяти рублей, чему соразмѣрно бываетъ и невѣстино приданое. Они разбираютъ, при женитьбахъ своихъ, одно только имѣнiе: однакожь мальчиковъ ни когда до десяти лѣтъ не женятъ, да и дѣвушекъ до пятнадсяти лѣтъ за мужъ не выдаютъ.

Женихъ, заплатя чисто договорныя деньги, беретъ тотъ часъ съ собою невѣсту, у коей лице бываетъ закрыто. Между тѣмъ собираются въ домъ родителей его гости, къ которымъ невѣста, нарядившись въ особой избѣ въ бабье одѣянiе, выходитъ. У самыхъ гостепрiемнаго покоя дверей останавливается она на разкинутомъ суккнѣ, и ждетъ пока Духовный человѣкъ (Торъ Картъ) принесетъ въ жертву стаканъ пива, и сотворитъ къ Богамъ молитву о низпосланiи молодымъ счастiя въ наживѣ хлѣба, дѣтей и богатства. Освященное оное пиво даетъ пить молодымъ, и сiе служитъ, какъ будьто, *брачнымъ таинствомъ*. Послѣ сего разноситъ дѣвка съ невѣстиной стороны медъ, или пиво, а сама невѣста, прося каждаго гостя выкушать подносимое, становится при томъ на колѣни, и до тѣхъ поръ не встаетъ, пока гость не опорожнитъ сосуда. Между тѣмъ, не укладывая еще молодыхъ спать, ѣдятъ, изрядно попиваютъ, пляшутъ и такъ далѣе.

Въ скорѣ послѣ свадьбы прiѣзжаетъ къ молодому тесть, привозитъ съ собою еще что ни будь въ добавку къ приданому, свидѣтельствуетъ новое хозяйство, и беретъ къ себѣ дочь, на нѣсколько мѣсяцовъ, а иногда и на годъ. Молодая носитъ во все сiе время дѣвичiй нарядъ, и работаетъ отъ части про себя, а отъ части для своихъ родителей. А когда мужъ станетъ брать ее къ себѣ, то она, при укладыванiи спать и на прощанiи, сопротивляется такъ же, какъ и въ день свадьбы: однакожь скорѣе покоряется, и по елику знакомые, при таковомъ молодой возвращенiи, опять угощаются, то веселья бываетъ при томъ еще больше, нежели на свадьбѣ. Естьли же вдова выходитъ за мужь, то меньше употребляется обрядовъ.

У Черемиссъ, да и во обще у всѣхъ Народовъ, которые женъ покупаютъ, а наибольше у Вотяковъ, случается, что бѣдные, или отказъ получившiе, женихи, милыхъ имъ *дѣвокъ лохищаютъ*. Подговоря цѣлую артель удальцовъ, прiѣзжаетъ онъ съ ними не чаянно ночью, подхватываетъ дѣвку съ постели, и посадя ее на лошадь, поскорѣе убирается. Но часто бываетъ такимъ удальцамъ отъ преждевременнаго шуму и помѣха въ ихъ предпрiятiи, а ино-

гда настигаютъ ихъ и на пути; при чемъ не только лишаются они добычи, но и великіе принимаютъ побои. Бываетъ и то, что молодцы увозятъ съ полей, со всѣмъ незнакомыхъ имъ, дѣвокъ. Когда Вотской Богатырь не видитъ уже себѣ великой опасности, то понимаетъ, при свидѣтеляхъ, свою невѣсту, дабы безопаснѣе ею владѣть, и заплатить, по крайней мѣрѣ, не много за нее денегъ; ибо съ пустыми руками онъ ни когда не отлѣзетъ. Родители же, провѣдавъ у кого ихъ дочь, принуждены бываютъ мириться съ наглымъ зятемъ; послѣ чего произходитъ свадебное пиршество столь же весело, какъ и у прочихъ. Они пляшутъ по волынкѣ, по балалайкѣ, по гуслямъ, и по губному органу.

Покойниковъ они моютъ и, какъ надобно, одѣваютъ; при чемъ у привѣшеннаго къ поясу ножа отламливаютъ кончикъ. До самаго выносу покойника, горитъ передъ нимъ восковая свѣча, а на грудь кладутъ ему пирогъ. По опущеніи въ могилу, кидаютъ туда по нѣскольку копѣекъ, и говорятъ: *поступись земля мѣстомъ!* Мертвое тѣло кладутъ промежь досокъ, и надѣляютъ оное котломъ, топоромъ, лапотникомъ, лаптями и, симъ подобными, вещами. Какъ скоро засыплютъ могилу землею, то зажигаютъ на оной нѣсколько восковыхъ свѣчекъ, и присыпаютъ оную крохами трехъ, круто свареныхъ, яицъ, при чемъ говорятъ: *ето тебѣ пригодится!* Возвращаясь отъ могилы, шагаютъ провожавшіе черезъ разкладенный у того двора, изъ коего вынесли покойника, огонь, перетираютъ руки золою, моются и перемѣняютъ платье; послѣ чего угощаются. Обстоятельства сіи бываютъ, при всякихъ похоронахъ, одинакія.

Въ третій, послѣ чьей либо кончины, день, правятъ первыя *поминки*. Въ томъ домѣ, изъ коего вынесенъ покойникъ, ѣдятъ пріятели пироги и пьютъ пиво, и какъ отъ того, такъ и отъ другаго выносятъ по нѣскольку, для покойника, на дворъ, говоря при томъ помянутыя слова: *ето тебѣ пригодится!* Но собаки, а не усопшіе, пользуются всегда сею частію. Въ седьмый день закалаютъ овцу, а въ сороковый убиваютъ рогатую скотину, или лошадь, и, поминая покойника, не только сами ѣдятъ оную, но и ему удѣляютъ. Въ четвертокъ, на страстной недѣлѣ, произходятъ общія поминки: всякъ, затепля, на гробахъ свойственниковъ своихъ, свѣчи, ѣстъ у оныхъ мясо, или пирогъ, да и покойникамъ, по небольшой долѣ, оставляютъ на могилахъ.

Къ суемыслію Вотскому принадлежитъ слѣдующее. Середа и пятница несчастливые для дѣлъ дни. Ежели черный дятелъ пе-

релетитЪ черезЪ дорогу, либо воронЪ, или кокушка сядетЪ на кровлю, такЪ же, естьли увидитЪ кто, что ежЪ бѣгаетЪ: то все сїе предзнаменуетЪ смерть, или тяжкую болѣзнь. Кто убьетЪ ласточку, пиголицу, голубя, или синичку: тому во вѣкЪ не будетЪ вЪ скотѣ счастїя. ЛасточкамЪ дѣлаютЪ они гнезда. Подстрѣленный медвѣдь всегда узнаетЪ своего непрїятеля, и старается ему отомстить. Его надобно не прямымЪ звать нарицанїемЪ, но старичкомЪ (Мома). Ежели поразитЪ громЪ какое ни есть дерево, то говорятЪ, что онЪ убилЪ жившаго вЪ немЪ дїавола. ОтЪ самаго распущенїя розЪ до послѣдняго числа Августа, опасна обѣденная пора. Воску изЪ дому своего отнюдь не выносятЪ, по тому, что пчеловодство становится отЪ того неприбыльно. Ежели примѣтятЪ солнечное, или лунное затмѣнїе, то говорятЪ, что *оборотенъ* (УбирЪ) прикоснулся кЪ солнцу, или кЪ лунѣ. НедородЪ бываетЪ отЪ крещеныхЪ ВотяковЪ, кои БогамЪ не приносятЪ никакихЪ жертвЪ; ибо приношенїя надежнѣе всякихЪ молитвЪ. Кто переходитЪ или переѣзжаетЪ черезЪ какую ни есть воду, тотЪ кидаетЪ вЪ нее горсть травы, и говоритЪ: *не держи меня!* Да у нихЪ такихЪ пустошей и много.

ВЪ *Языческой* своей *вѣрѣ* уподобляются они ЧеремиссамЪ, ЧувашамЪ и Мордвѣ: но они всѣхЪ ихЪ кЪ идолослуженїю ревностнѣе. *Кереметь* свои называютЪ они и *Лудами*. Всякой *Кереметь*, которой должно быть не отмѣнно вЪ бѣломЪ бору, на возвышенномЪ мѣстѣ, посвящаютЪ они *Салтану Дису* (благотворительному Салтану), какЪ хранителю Духу. Жрецы ихЪ называются *Тунами* и *Тонами*. Они вопрошаютЪ БоговЪ, а *Луду Тїесы* и Кереметные Жрецы дѣйствительно приносятЪ жертвы. *Ведины* и *Ведуны* суть ихЪ волшебники, перевѣдывающїеся сЪ злыми Духами, и могущїе притомЪ людей и звѣрей *оборачиватъ*. Такого, безпрерывно скитающагося, *оборотня* называютЪ они *Убиромъ*.

Высочайшаго Бога нарицаютЪ они *Инмаромъ*, *Инмою* и *Илмаромъ*, а обитель опредѣляютЪ ему вЪ солнцѣ.

Мукалцину и *Муцїенъ Калцину*, или *Муму Калцину*, почитаютЪ они Инмаровою матерью, которая будьто разполагаетЪ плодородїемЪ земли, людей и звѣрей. *Шунду Мумы* считается у нихЪ матерью солнца и другихЪ БожковЪ, и такЪ далѣе.

ВЪ числѣ *злыхъ Божковъ* занимаетЪ, и по ихЪ разсужденїю, *Сатана* (ШайтанЪ) первое мѣсто. ЖиветЪ онЪ вЪ водѣ, и по тому называютЪ его такЪ же *водянымъ человѣкомъ* (Ву МуртЪ). *Палась*

Мyртъ (получеловѣкъ), и *Алида* (лѣшій), живутъ въ лѣсахъ. У него одна только, да и та на изворотъ, нога; одинъ большій глазъ, и превеликая шишька, которую втискиваетъ онъ людямъ въ ротъ, и тѣмъ ихъ задушаетъ. *Албастъ* есть то же, что и Коболтъ; живетъ онъ въ пустыхъ домахъ, деревняхъ, и не только тамъ, но и въ баняхъ шалитъ; въ разсужденіи чего и сожигаютъ они ветхія свои избы и другія строенія.

Состояніе человѣческое, послѣ смерти, воображаютъ они себѣ такъ же двоякимъ, *Дуня Юггитъ* (блаженная жизнь), коею будутъ кроткіе и богобоязливые наслаждаться, заключаетъ въ себѣ всѣ выгоды Вотскаго, на семъ свѣтѣ, благополучія; а *Куратсинъ Инти* (горькое мѣсто) изобилуетъ наполненными кипящею смолою котлами, въ коихъ будутъ кипѣть неправедные люди.

Въ жертву приносятъ они лошадей, рогатую скотину, овецъ, козъ, гусей, утокъ, дятловъ, медъ сырецъ и вареный, пиво и разные пироги, отъ части въ Кереметѣ, или Лунѣ, а частію дома.

Кереметъ Нуналь (Кереметный праздникъ) бываетъ у нихъ, по окончаніи жатвы, въ Кереметѣ; въ сей день приносятъ они въ жертву, кромѣ разныхъ другихъ животныхъ, и *лошадь*, а избираютъ охотнѣе такую, которая *шерстью походитъ* на лисицу, да съ верьхъ сего приносятъ въ жертву медъ, пиво и пироги. *Жрецъ* (Тона), или, выбранный на его мѣсто, человѣкъ, *Утиссомо* называемый, ставитъ въ Кереметѣ рядомъ передъ огнемъ, къ югу, звѣрей и другія жертвы, а по томъ говоритъ: *Инмаръ! Самлакъ! Дисъ!* (или другое какое Божество) *мы приносимъ тебѣ въ жертву рыжаго жеребца, бѣлаго овна*, и такъ далѣе, *за дарованную тобою намъ жатву; избавь насъ отъ болѣзней! пошли намъ богатство! благослови нашу Обладательницу, надѣли здоровьемъ*, и проч. По окончаніи молитвы закалаютъ скотъ, и варятъ жертвенное мясо, котораго часть ставятъ на жертвенный столъ, выпущенную же въ желудокъ кровь сожигаютъ. Возложенное на столъ, называется *высокою жертвою*, которую Тона возноситъ къ солнцу, творитъ ту же молитву, и на послѣдокъ раздѣляетъ. Кости разставливаютъ около Керемета, шкуры беретъ про себя Тона, а остальныя мяса ѣдятъ въ деревнѣ съ женами и дѣтьми. Послѣ мяснаго, приносятъ такъ же въ жертву медъ сырецъ, пирожное и напитки. Отъ всего кидаетъ Тона по нѣскольку въ огонь, говоря при томъ: *огонь! вознеси сіе къ Инмару, Мукалцину!* и проч. При семъ случаѣ приноситъ всякъ и *обѣтныя*, отъ себя собственно, *жертвы*. Изготовив-

шись къ обратному пути, кланяются низко Керемету, и говорятъ: *счастливо тебѣ оставаться, да не покидай и насъ!* Такимъ образомъ и всѣ Кереметные препровождаются праздники.

Праздникъ Акечка бываетъ у нихъ *въ Будшинъ Коалѣ*, или лѣтней, одинакой, и для богомолья единственно опредѣленной, избѣ, въ коей нѣтъ ни печи, ни лавокъ, и оная, какъ будьто, сельскую представляетъ храмину богослуженія; находятся же такія избы иногда и въ деревняхъ, а больше въ лежащихъ не подалеку лѣсахъ. Празднество сіе произходитъ на страстной недѣлѣ, и оба пола пріемлютъ въономъ участіе, пріуготовляясь же къ тому, моются и очищаются. Всякъ приноситъ Тонѣ, или Утиссу, нѣчто къ жертвоприношенію годное. Двери у такихъ богомольныхъ избъ дѣлаются съ южной стороны. Какъ уварятся мяса, то жрецъ отъ всѣхъ съѣстныхъ и питейныхъ жертвъ ставитъ по нѣскольку на столъ, поставленный супротивъ дверей, то есть, у сѣверной стѣны, къ которой надъ самимъ столомъ прикрѣплена *дощечка*, усыпанная *трухою отъ сосенъ*, какъ посвященныхъ Богамъ деревъ, а иногда и травою. На оную дощечку ставитъ жрецъ, какъ будьто на жертвенникъ, складенные на одно блюдо части жертвъ, кои и называются уже тогда *высокимъ приношеніемъ* (Виламъ Мичамъ). Самую же дощечку, или жертвенникъ, зовутъ они *Мудоромъ* и *Модоромъ*, и почитаютъ оную столь свято, что ни кто не дерзаетъ къ оной и приближиться; такое же говѣйное имѣютъ къ оной почтеніе и во всякое другое время, когда и жертвы не приносятся. Тона, или Утиссъ, взявъ на послѣдокъ высокое приношеніе и напитокъ, обращается къ дверямъ и богомольнымъ мірянамъ съ сею жертвою, и говоритъ: *тебѣ Богъ Вошудъ!* (Божеству сему прилична сія жертва) *приносимъ въ праздникъ Акечка высокую жертву! Надѣли насъ здоровьемъ, дѣтками, скотомъ, счастіемъ, медомъ, хлѣбомъ* и проч. *Прогони отъ насъ, Вошудъ! хищныхъ звѣрей!* При такой молитвѣ говорятъ часто Міряне: *Аминь!* Естьли же, *по обѣту*, приносится *жертва*, то говоритъ Тона: *Вошудъ! я обѣщалъ тебѣ, на примѣръ, овна, а ты мнѣ пособилъ; теперь приношу я тебѣ онаго въ жертву; не лишай меня и въ предь твоей помощи!* По окончаніи обрядовъ, принимаются всѣ съ почтеніемъ ѣсть въ той же избѣ высокую жертву; а остатки съ весельемъ доѣдаютъ дома. Таковымъ порядкомъ произходятъ всѣ ихъ *домашнія*, или *Мудоровыя празднества*, которыхъ во обще не мало. Въ первый, на примѣръ, святой недѣли день возобновляетъ всякій хо-

зяинъ помянутое жертвоприношенїе въ лѣтней своей избѣ, и заступаетъ самъ мѣсто Жреца.

Лѣтнїй Мудоровый праздникъ достопамятенъ, по приносимымъ въ сей день, жертвамъ, въ число которыхъ включается по нѣскольку и *пестрыхъ дятловъ* Всякая деревня, особливо въ сѣнокосное время, торжествуетъ оный, при Тонѣ, или Утиссѣ, въ лѣтней богомолья своего храминѣ. Все происходитъ вышеописаннымъ порядкомъ; разность же состоитъ въ томъ только, что нарочно ловятъ силками для сего дня *пестрыхъ дятловъ*, коихъ ставятъ на Мудоръ, какъ *высокую жертву*, и, поелику сами оныхъ не ѣдятъ, то кидаютъ цѣлкомъ въ огонь. Творимая, при семъ жертвоприношенїи, молитва гласитъ такъ: *Вышнїй Боже!* (Инмаръ) *мы приносимъ тебѣ жертву одну овечку, дятловъ* (трехъ или четырехъ), *утокъ, медъ, пироги* и проч. *Благослови насъ, пошли намъ теплый дожжикъ, урожай хлѣба, медъ, скотъ, дѣтей, счастїе въ звѣриномъ промыслѣ, добрыхъ людей, кротость! благослови насъ!* Мїряне говорятъ: *Аминь!* Сїе торжество отправляютъ больше для сугубой въ пчеловодствѣ прибыли.

Есть у нихъ еще и *полевые праздники*, какъ то: *жатвенный* и *посѣвный*, а можетъ быть и другїе, которые они, по примѣру Чувашъ, препровождаютъ на чистомъ полѣ съ жертвоприношенїями, молитвами и веселостями, въ чемъ и домашние ихъ прїемлютъ участїе.

Когда окажутся между ними *прилипчивыя болѣзни*, то, у какой ни будь рѣки, *приносятъ въ жертву Инмару черную овцу*, въ такомъ намѣренїи, чтобъ онъ заказалъ Дїаволу причинять имъ зло. Обряды бываютъ при томъ, подобные прежнимъ, но между тѣмъ, какъ варятъ жертвенныя мяса, похаживаетъ всякїй хозяинъ въ жильѣ своемъ съ палочкою, и помахивая оною около себя, говоритъ: *убирайся изъ моего жилья!* По томъ, застрѣля въ деревнѣ собаку, или кошку, тащатъ оную мимо жертвеннаго мѣста въ низъ по теченїю рѣки, и на послѣдокъ съ веревкою и дубинами бросаютъ; послѣ чего совершается жертвоприношенїе, *Орвасъ* называемое.

Больнымъ приказываетъ Тона *приносить* иногда и *водѣ жертву;* по тому, что Дьяволъ производитъ болѣзни отъ раздраженной воды. Въ прочемъ кажется, что приношенїе сїе опредѣляется Сатанѣ, или водяному Мужику (Ву Мортъ); а состоитъ оное въ козѣ, или пѣтухѣ. Обряды бываютъ при томъ, сообразные прежнимъ.

Отъ жертвы кидаютъ по нѣскольку кусковъ въ рѣку и въ огонь, говоря: *тебѣ, прогнѣванной водѣ, жертвую! лѣтуха,* и проч. *возврати мнѣ здоровье!* передъ огнемъ же произносятъ слѣдующія слова: *огонь! доставь сіе приношеніе Баху!* естьли же всѣ жертвоприношенія не пособятъ, то покидаютъ дворъ, и перебираются въ другій.

На новосельѣ приноситъ хозяинъ *Инмару въ жертву черного овна,* или, когда не достаточенъ, *крутую кашу.* Всѣ во обще Вотяки крайне усердно о благоволеніи къ нимъ Божковъ пекутся, и притомъ, естьли можно такъ сказать, благоговѣйные Идолопоклоники. Да и тѣмъ, которые крестились, можно свободно держаться прародительскаго своего суевѣрія, по тому, что живутъ они отъ другихъ Народовъ со всѣмъ особливо. Все, что въ Христіанской вѣрѣ имъ нравится, переносятъ и мѣшаютъ въ свое Идолослуженіе. Въ одной Казанской Губерніи считалось, въ 1774 году, 27,228 мужчинъ, да 27,160 женщинъ, Вотскаго Народа, обратившагося въ Христіанскую вѣру.

ТЕПТЕРИ.

Тептерь, слово Татарское, и значитъ такого человѣка, который не въ состояніи платить подушныхъ денегъ. Оное пригодилось для основателей сей сволочи, которая въ половинѣ шестагонадесять столѣтія, по случаю причиненнаго Царемъ *Іоанномъ Васильевичемъ* Казанскому Царству разрушенія, собралась изъ *Черемиссъ*, *Чувашъ*, *Вотяковъ* и *Татаръ*, въ Уралѣ, а особливо въ составляющей Башкирію и къ Уфимской Губерніи принадлежащей, части, и весьма скоро стала многолюдна. Сіи люди, употребляя разные, по не одинакой своей природѣ, языки, и при томъ, будучи между собою различны во нравахъ, а отъ части и въ вѣрѣ, перемѣшались, изключая Татаръ, такъ, что иногда и нарочито трудно дознаться, отъ какого происходятъ они племени. Они служатъ доказательствомъ въ новѣйшія времена тому, что при Государственныхъ смятеніяхъ могутъ новые Народы и новыя поселенія получить свое бытіе.

Правда, что побѣгомъ своимъ въ горы и прилѣпленіемъ къ Башкирскому Народу, освободилась сволочь сія отъ платежа податей: однако обстоятельство сіе служило ей побочною только выгодою. Самая же важность состояла въ томъ, что боялась она, дабы Россіяны совокупно со властію своею, не разпространили и Христіанской вѣры; а по тому, хотя она и тогда уже была въ заблужденіи, однако, не взирая на все Россійскаго Духовенства усердное стараніе о обращеніи ихъ къ православной вѣрѣ, больше оказала упрямства, нежели и тѣ Народы, которые отвлекались отъ прародительскаго суевѣрія.

Тептери живутъ въ построенныхъ, по обыкновенію тѣхъ Народовъ, изъ коихъ Общество ихъ состоялось, деревняхъ и дворахъ; порядокъ ведутъ въ оныхъ Россійскій и Татарскій; а живутъ, либо раздѣлясь по кореннымъ своимъ поколѣніямъ, либо безъ разбору. Всякое колѣно говоритъ собственнымъ, однако весьма перемѣшаннымъ съ нарѣчіями сосѣдственныхъ поколѣній, языкомъ. То же самое надобно разумѣть о вѣрахъ ихъ и праздникахъ; здѣшніе, на примѣръ, Черемиссы держатъ, по примѣру Вотяковъ, въ лѣтнихъ своихъ избахъ, *Мудора*, коего называютъ, *Кудовашемъ*, присыпаютъ его такъ же сосновою трухою, и столь же свято почитаютъ, хотя въ прочемъ, живущіе въ своемъ собственномъ мѣстѣ, Черемиссы

шого и не дѣлаюшЪ. Одѣянiе же ихЪ еще больше смѣшано, по шому, чшо они ошЪ часши берушЪ за себя женЪ и изЪ другихЪ поколѣнiй. Деревенскiе ихЪ разпорядки подобны РоссiйскимЪ.

Люди сiи пользуюшся почши всѣми сельской жизни выгодами, и кошорые изЪ нихЪ не лѣнивы, не развращенны, или не подвержены какой ни есть бѣдѣ, шѣ еще и зажишочны. Сшрана ихЪ весьма плодородна. Уральскiе лѣса и горы привольны *кЪ звѣриному промыслу, кЪ содержанiю пчелЪ,* и *кЪ скошоводсшву.* ВЪ *землепашесшвѣ* посшупаюшЪ, по Россiйскому, а вЪ *содержанiи пчелЪ* и вЪ *скошоводсшвѣ* по Башкирскому обыкновенiю; слѣдовашельно какЪ вЪ одномЪ, шакЪ и вЪ другомЪ, дѣлѣ преизрядно успѣваюшЪ. СЪ перьва принуждены они были плашишь БашкирцамЪ поземельныя деньги, но, послѣ бывшаго между ними, вЪ началѣ нынѣшняго сшолѣшiя, мяшежа, они ошЪ шого уволены, и владѣюшЪ шеперь помѣсшьями своими шакЪ, какЪ собсшвенно имЪ принадлежащею землю. ВЪ казну беруш сЪ нихЪ гораздо меньше подушныхЪ денегЪ, нежели сЪ природныхЪ РусскихЪ мужиковЪ, шо есшь, по 80 копѣекЪ шолько сЪ души, и хошя они должны сЪ верьхЪ шого перевозишь ежегодно ошЪ *Илека,* чшо при Оренбургѣ, до грузовыхЪ присшаней рѣки *Бѣлой,* по 800,000 пудЪ соли, счишая на человѣка по 43 пуда: однакожЪ они получаюшЪ за шо шакую плашу, кошорую бы и всякiй досужiй кресшьянинЪ взяшь не ошрекся. Да и самые лопашники, кошорыхЪ должны они по 400 человѣкЪ посылашь ежегодно кЪ Оренбургской линiи, получаюшЪ, указную, за рабошу, поденную плашу. Кромѣ всего выше сказаннаго, освобождены они и ошЪ рекрушскихЪ наборовЪ. Сшоль знашныя, и вЪ сравненiи сЪ сосшоянiемЪ другихЪ подданныхЪ, почши и не справедливыя, бѣглыхЪ сихЪ людей преимущесшва просширающся совокупно и на Башкирскiй, крайне не любящiй новыхЪ порядковЪ, НародЪ. Размноженiе ихЪ, вЪ сравненiи сЪ жишейскими выгодами, какими они пользующся, посредсшвенное. При всякой переписи видно числу ихЪ приращенiе, и при бывшей вЪ 1762 году, показано плашящихЪ подушный окладЪ вЪ Уфимской Губернiи и вЪ ТобольскомЪ Намѣсшничесшвѣ, равно какЪ и вЪ БугульминскомЪ округѣ, вЪ УфимскомЪ Намѣсшничесшвѣ 33,656 человѣкЪ.

ВОГУЛИЧИ.

Вогуличи, коихъ собственное имя есть, *Мансы*, произошли отъ Финнскаго племени, и хотя языкъ ихъ заимствуетъ начало свое отъ Финнскаго, однако, кромѣ весьма разнообразныхъ нарѣчїй, заключаетъ въ себѣ столь много собственнаго, что, по справедливости, особливымъ почитается языкомъ. Они обитаютъ въ западной, а больше еще въ восточной, лѣсами изобильной, части сѣверныхъ Уральскихъ горъ, около рѣкъ, Камы и Иртыша, да выше Соли-Камской и Верхотурья, по близости рѣкъ, *Колвы*, *Вишуры* и *Тавды*. Въ сихъ мѣстахъ, по собственнымъ ихъ преданїямъ, живутъ они изъ древле, какъ то и Повѣствованїями подтверждается. Не можно ли ихъ, какъ по сему обстоятельству, такъ и по преимущественному сходству языка, почитать собратїями *древнихъ Угровъ*, а теперишнихъ *Венгерцовъ*, по желанїю нѣкоторыхъ Писателей? О томъ надобно еще подумать. Въ прочемъ извѣстно, что въ мѣстѣ съ Сибирью покорены и они Россїйской Державѣ.

Росту они *средняго*, волосы у нихъ, по большей части, черные, а бороды у всѣхъ жидкїя. Лицемъ они много походятъ на Калмыковъ. Въ поступкахъ своихъ бодры, послушны, честны, рачительны, не глупы, но легкомысленны, къ безпорядкамъ склонны, въ гнѣвѣ не укротимы и не опрятны.

Грамати такъ же, какъ и прочїе единоплеменницы ихъ не знаютъ, *лѣтъ* не считаютъ, а *мѣсяцы* называютъ, по произходящимъ въ лѣсахъ естественнымъ приключенїямъ. Они различаются между собою, по *поколѣнїямъ*, и всякая деревня состоитъ, по большей части, изъ одной только семьи, въ которой Старостою бываетъ тотъ, кто всѣхъ превозходитъ лѣтами.

Житье ихъ, между кочевымъ и одномѣстнымъ, среднее. Тѣ, кои обитаютъ ближе къ югу, живутъ въ *не подвижныхъ зимнихъ Деревняхъ*, расположенныхъ и выстроенныхъ по Чувашскому обычаю, и при томъ обыкновенно при рѣкахъ находящихся. Около Верхотурья и Соли-Камской дѣлаютъ они *зимнїе* свои *шалаши* четыреугольно съ очагами и полатьми, а на плоской крышкѣ, или потолокѣ оныхъ, прорубаютъ, для свѣту, отверстїе. Двери же приноравливаютъ, по большей части, съ восточной, или съ сѣверной, стороны, а передъ ними громостятъ, для

домашнихъ поклажь чуланы. Отдалившїеся больше къ сѣверу, и живущїе около Вишуры, Колвы и другихъ рѣкъ, препровождаютъ и зиму въ столбчатыхъ, дерномъ, или корою, покрытыхъ, шалашахъ. По наступленїи лѣта, выбираются они изъ сихъ шалашей, и живутъ въ другихъ, кои, то въ томъ, то въ иномъ мѣстѣ, дѣлаютъ въ лѣсахъ изъ столбиковъ же, и сведя къ верьху востро, покрываютъ берестою. Переселяются они рѣдко, а въ иное лѣто и съ мѣста не трогаются. *Пожитковъ* у нихъ еще меньше, нежели у Чувашъ. Колыбелью служитъ, сдѣланный изъ бересты, ящикъ, въ который, положа дитя, перетягиваютъ съ верьху, веревочками, и, либо съ собою носятъ, либо на что ни будь вѣшаютъ. *Лыжи* свои, кои бываютъ длиною и по 5 футовъ, оклеиваютъ, содранною съ лосиныхъ ногъ, кожею, употребляя къ тому составленный изъ лосиннаго рогу и крови клей. *Рыбачьи лодки* дѣлаютъ иные изъ бересты, которую сшиваютъ лосинными жилами, а составы замазываютъ смолою.

Нѣтъ у нихъ ни *пашенъ*, ни огородовъ, а упражняются не много *въ скотоводствѣ*, и содержатъ по нѣскольку коровъ, овецъ и свиней; лошади же у нихъ рѣдки. Ближайшїе къ сѣверу, сирѣчь, около вышней Вишуры и Колвы живущїе, содержатъ, по примѣру Семоядовъ, однихъ только оленей. Землепашество было бы конечно въ холодныхъ ихъ лѣсахъ и не прибыточно. *Главный* ихъ *промыселъ* составляетъ звѣриная ловля, которую производятъ они рачительно и искусно, и при томъ употребляютъ огнестрѣльное оружїе, лукъ, стрѣлы и рогатины; ставятъ такъ же на звѣрей ловушки, силки, кладутъ прикормъ и проч. Многїя Вогульскїя деревни, или семьи, огораживаютъ, для себя единственно, кольями звѣроловную околицу верстъ на 10, на 12 и больше. Въ оградѣ сей есть великое множество пролазинъ, передъ которыми придѣланы ловушки, самострѣлы и другїя звѣроловныя хитрости. *Жены* же ихъ должны производить дома всякую работу: но они ни въ сыромятномъ, ни въ красильномъ, ниже въ портномъ дѣлѣ отнюдь не могутъ похвалиться такимъ искусствомъ, какимъ славятся прочїя ихъ единоплеменницы.

Содержащїе *языческїй законъ, Вогуличи, ѣдятъ* все то, чѣмъ счастїе въ звѣриномъ промыслѣ ихъ надѣляетъ, а наибольше красную дичь: однако и хищными звѣрьми не гнушаются, да съ верьхъ того употребляютъ въ пищу всякихъ птицъ и всякую, нарочно ими ловимую, рыбу, такъ какъ и дикїе плоды. Въ случаѣ нужды ва-

рятъ они себѣ похлебки изъ толченыхъ костей. Когда есть достатокъ, то ѣдятъ такъ же хлѣбъ, кашу, или другое что, сдѣланное изъ муки, которую вымѣниваютъ на мягкую рухлядь у Россіянъ. Крещеные наблюдаютъ, въ разсужденіи пищи, разность, однако не великую. Соль рѣдко кто употребляетъ.

Живутъ они, для вящшей въ звѣриномъ промыслѣ способности, пространно, и какъ они во обще не многолюдны, то звѣроловные ихъ края, или мѣста, о коихъ между собою не спорятъ, въ хорошемъ находятся состояніи. Но не порядочное хозяйство, частые праздники и пристрастіе къ пьянству, подвергаютъ ихъ такой бѣдности, что многіе, съ трудомъ, платятъ и весьма малый подушный окладъ, въ зачетъ котораго дозволено имъ, съ верьхъ того, вносить въ казну лосинныя кожи и другую мягкую рухлядь.

Мужчины носятъ, когда порядочно наряжятся, такое *одѣяніе*, какъ и Россійскіе мужики; за просто же ходятъ въ разной, какъ шубной, такъ и другой, ветошѣ. *Женщины* носятъ, по примѣру Чувашенокъ, лапти, штаны, и подпоясываемыя пестрыя рубахи. *Дѣвки* заплетаютъ волосы въ нѣсколько косъ, и головы ни чемъ не покрываютъ. *Бабы* носятъ головныя повязки, унизанныя копѣйками, а покрываютъ голову висящимъ, по Татарскому обыкновенію, черезъ плечи, и, волосы закрывающимъ, вышитымъ платомъ. Зимою ходятъ онѣ въ мужскихъ шубахъ. Наилучшее ихъ платье не красивѣе вышито, и при томъ не тонѣе и не чище буднишняго одѣянія Чувашъ. Какъ бабы, такъ и дѣвки, носятъ серьги, перстни и кольцы.

Женъ покупаютъ не только Языческаго, но и Христіанскаго закона Вогуличи, а при томъ первые иногда и по двѣ вдругъ. *Цѣна* (Калымъ) дѣвки простирается у бѣднаго сего Народа обыкновенно отъ 10 до 20, а рѣдко до 25 рублей. Иному и за 5 рублей безпорочная достается жена. Прочіе же пособляютъ недостаткамъ своимъ удальствомъ. Приданаго они ни когда за дѣвками не даютъ, да и всѣ почти *свадьбы* совершаются безъ пышныхъ обрядовъ. Женихъ, заплатя, договорныя за невѣсту, деньги, беретъ ее съ собою, ложится съ нею въ шалатѣ своемъ спать, и называетъ ее на другой день женою. А когда при таковыхъ случаяхъ пріятелей своихъ угощаютъ, то пляшутъ по шестиструнной балалайкѣ (Шонгуртъ). Разпѣвы ихъ просты, складны и на Татарскій вкусъ. Да и пляска ихъ очень не дурна. Мужчина да женщина, выступая не широкими, и игранію соотвѣтствующими, шагами,

ходятъ кружками, и дѣлаютъ взаимно, держа въ рукѣ по платку, страстныя движенія. *Послѣ родовъ*, очищается женщина шесть недѣль, и, въ продолженіе сего времени, должна она какъ ѣсть, такъ и пить одна. Младенцу, безъ дальнихъ околичностей, даетъ имя кто ни будь изъ чужихъ людей.

Хотя они живутъ въ лѣсахъ и на болотахъ, однако цынготной и другимъ *болѣзнямъ* рѣдко бываютъ подвержены, а по тому и домашнихъ лекарствъ ни какихъ не знаютъ. При всемъ томъ не многіе нарочитой достигаютъ старости.

Кладбища ихъ находятся въ лѣсахъ. Покойниковъ кладутъ въ платьѣ, промежь досокъ, въ *могилу*, головою къ сѣверу, и снабдя ихъ лукомъ, стрѣлами и нѣкоторыми въ домашнемъ быту употребляемыми вещьми, зарываютъ, и послѣ того не правятъ ни какихъ ни пировъ, ни поминокъ.

Не малое число Вогуличь приняло уже *Христіанскую вѣру*, но многіе, а особливо всѣ, живущіе около вышней Вишуры и Колвы (которыхъ Россіяны и *Мансами* называютъ), держатся еще *Языческаго суевѣрія*. Въ прочемъ они, какъ по тому, что живутъ въ разсѣяніи, такъ и для того, что мало у нихъ *Жрецовъ*, меньше усердствуютъ Языческой вѣрѣ: но въ понятіяхъ своихъ объ оной еще больше заблуждаются, нежели другіе Язычники. Всякой деревни Старѣйшина, за неимѣніемъ Жреца, вступаетъ въ его должность, и приноситъ жертву отъ своей деревни, или семьи. Въ прежнія времена посвящены были Идоламъ и служенію ихъ нѣкоторыя въ рѣчныхъ берегахъ *пещеры*, а въ лѣсахъ *холмы*. Мѣста сіи, кои можно признавать, по находящимся возлѣ оныхъ кучамъ костей, и теперь они не только знаютъ, но и почитаютъ. Россіяны называютъ такія мѣста бѣсовскимъ именемъ, на Вогульскомъ языкѣ (*Шайтанъ*); и по тому, какъ при Чусовой, такъ и при другихъ Уральскихъ рѣкахъ, многія рѣчки и набережныя мѣста называютъ либо *Шайтаномъ*, либо *Шайтанкою*. Пермскіе Вогуличи приносятъ теперь жертвы свои не въ священныхъ пещерахъ, но въ *Кереметяхъ*, кои называются у нихъ *Торъ Заткадузъ*, и находятся въ лѣсахъ. Они совершенно подобны Черемисскимъ и другихъ Народовъ Кереметямъ, но иногда не бываетъ въ оныхъ деревъ. Въ Кереметѣ воздвигаютъ они, подлѣ жертвеннаго стола, болвана, или ставятъ столбъ.

Есть у нихъ *Идолы*, коимъ они и теперь покланяются: но живущіе между Россіянами, крещеные, и Языческій законъ содер-

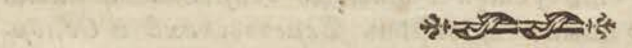
жащіе, Вогуличи отъ оныхъ отрицаются. Идоловъ ихъ составляютъ странно образованные камни и рѣзныя, или, изъ крушцовъ вылитыя, человѣческія подобія и Истуканы. При *Лосвѣ*, *Тавдѣ* и *Иртышѣ* покланяются они, подобной оленю видомъ, скалѣ. Въ тѣхъ же мѣстахъ найденъ еще въ лѣсу крушцовой съ рогатиною Истуканъ. Во время обыкновенныхъ Кереметныхъ жертвоприношеній, ставятъ они, по увѣренію тѣхъ, кои сами видали, на жертвенный столъ, одѣтаго въ платье Истукана, коего они скрытно держатъ въ лѣсу, и проч.

Они вѣруютъ въ *Торома, общаго Бога* и милостиваго Обладателя Вселенной. Ему подчиняютъ они *низшей статьи Божковъ*, коихъ различно себѣ воображаютъ и называютъ. *Солнце* почитаютъ обителію *Торома*, но при томъ думаютъ, что такъ же, какъ *луна, облака* и главнѣйшія естественныя приключенія, суть не зависящее Божество. О *Діяволѣ* презрительно разсуждаютъ, и мало его боятся.

Главный ихъ *праздникъ* называется, *Елбола*, съ котораго начинается и новый ихъ годъ. Празднуютъ же оный въ первый день святыя Пасхи, и нарицаютъ его *праздникомъ сошествія Божія*, чрезъ что разумѣютъ наступающую весну. Сей день преимущественно посвященъ у нихъ *Торому* (Богу) и *солнцу*. Другій, общій свой Кереметный праздникъ, называютъ они *Анкобомъ*, и торжествуютъ оный, въ другое, послѣ перваго, новомѣсячіе: но жертвъ приносятъ, при семъ случаѣ, гораздо меньше. Въ прочемъ употребляются *въ жертву* лошади, рогатый скотъ, красная дичь, овцы, козы; а изъ птицъ: лебеди, гуси, утки, глухари, тетеры и рябчики, да съ верьхъ того: пироги, медъ сырецъ, пиво, медъ и хлѣбное вино. Обряды, какъ во время обоихъ сихъ Праздниковъ, такъ, въ случаѣ приносимыхъ *за недужныхъ* и *по обѣщанію*, жертвъ, бываютъ одинакіе. *По обѣщанію*, жертвуютъ они обыкновенно въ праздники, за больныхъ же приносятся жертвы у всякаго, на дому.

По собраніи мірянъ къ Кереметю, такъ же, по закланіи скота и по увареніи мясъ, ставитъ Жрецъ, или заступившій его мѣсто, *голову, сердце, легкое* и *печенку*, положа въ сосудъ, такъ же, пирожное и напитки на жертвенный столъ; *мозгъ* же, возложа на особую на столбѣ въ Кереметѣ дощечку, зажигаютъ, и дабы лучше горѣлъ, прикладываютъ и сало. Между тѣмъ, какъ горитъ мозгъ,

молится Жрецъ коротко и усердно, при чемъ Міряне кланяются часто въ землю, и говорятъ: *аминъ!* По томъ раздѣляетъ онъ жертву, которую и ѣдятъ всѣ съ надлежащимъ благоговѣніемъ. Шкуру съ лошади такъ, какъ и черепъ, вѣшаютъ на находящемся, по близости Кереметя, деревѣ; прочія же шкуры употребляются въ дѣло, а кости, отъ принесенныхъ въ жертву звѣрей и птицъ, зарываютъ въ землю. По елику хозяева приносятъ по ряду жертвы, то долго обряды сіи продолжаются. По окончаніи же всего, возвращаются они съ остатками жертвенныхъ мясъ и напитковъ въ свои деревни, гдѣ съ домочадцами своими, при всякомъ весельи, доѣдаютъ оныя и допиваютъ.

ОТЯКИ.

Татары, покоря Сибирь подъ иго свое, до утвержденія еще въ оной Россійскаго владычества, называли природныхъ тамошнихъ жителей, ругательнымъ словомъ, *Уштяки,* сирѣчь, необходительные, дикіе Люди. Названіе сіе превратили Россіяны въ слово, *Отякъ,* и разумѣютъ теперь подъ онымъ трехъ, какъ по произхожденію, такъ и по языку, разныхъ Народовъ. *Енисейскіе Отяки,* по многимъ обстоятельствамъ, кажутся быть единоплеменны не большимъ Красноярскимъ Народамъ, какъ то: *Аринцамъ*, *Котвамъ* и другимъ; а какъ они на Самоядскія походятъ колѣна, то думать надобно, что и тѣ единоплеменцы же Самоядамъ. Изъ *Обскихъ* разнятся верьхніе, т. е. отъ устья *Томы* до *Нарыма* и около рѣки *Кетта* живущіе, отъ нижнихъ, сирѣчь *Березовскихъ* и *Обдорскихъ,* только въ одномъ нарѣчіи; а въ прочемъ великое между ними сходство. Около Сургута причисляются многія Самоядскія колѣна къ Отякамъ, и какъ просто на рѣчахъ, такъ и въ приказныхъ дѣлахъ, не справедливо называются Отяками. За неимѣніемъ надежныхъ и достаточныхъ о Енисейскихъ Отякахъ извѣстій, намѣрены мы обратить здѣсь описаніе наше больше на всѣхъ, во обще, *Обскихъ Отяковъ.*

Во обще называютъ *Отяковъ Тунгусы Остякетами*, *Самояды Тогами* (мужчинами), а *Вогуличи Мансами.* (Сіе послѣднее наименованіе есть и самихъ Вогуличь названіе.) Южные Обскіе Отяки называются сами *Асъяхами,* по рѣкѣ Обѣ, которая, на ихъ языкѣ, нарицается *Яхъ.* Сургутскихъ же и сѣверныхъ Отяковъ собственное имя есть *Конди-Шуи*, т. е. Кондскіе Люди, и кажется, что они такъ называются, по тому, что въ древнія времена перешли они какъ съ Конды, такъ и съ верьхней Томы рѣки жить на сѣверъ; а сіе преселеніе предпріято ими, можетъ быть, для того, чтобъ не быть подверженнымъ произходившимъ, въ 1372 году, стараніямъ Епископа Стефана о обращеніи Язычниковъ въ Христіанскую вѣру. Та же самая опасность побудила около сего времени и большую половину *Пермяковъ* и *Зырянъ*, въ великой Перміи жившихъ, покинуть привольныя свои, на западной сторонѣ Уральскихъ горъ, мѣста, и перейти въ суровыя сѣверныя, около рѣки Оби, Страны, гдѣ они теперь отъ Кондырей не отличаются, но въ мѣстѣ съ оными называются *Отяками.*

Древнїе *Пермяки* и *Зиряне*, во всемъ, сообразны Финнамъ; языкъ ихъ и все Идолослуженїе, малымъ чѣмъ отмѣнны отъ Финскаго. Въ самыя древнїя времена славны они были, по *торговлѣ*, которую производили они съ Персїянами и подвластными Великому Моголу Народами. Сїи Иностранцы привозили товары свои въ верьхъ по *Волгѣ* и *Камѣ* въ *Чердинъ*, старинный, при Колвѣ находящїйся, торговый городъ. Пермяки же развозили какъ сїи, такъ и собственные товары по *Печорѣ* и до самаго Ледовитаго моря, и вымѣнивали у тамошнихъ Народовъ, какъ для Восточныхъ, такъ и для другихъ обывателей, разную мягкую рухлядь. Остатки древнихъ сѣверной сей Страны городовъ свидѣтельствуютъ и теперь о благополучномъ старинныхъ жителей состоянїи. Въ Вятской Провинцїи есть и нынѣ еще нѣсколько населенныхъ, оставшимися на старомъ своемъ мѣстѣ, Пермяками деревень, изъ которыхъ, по 1774 годъ, крестилось 561 мужескаго, да 362 женскаго пола душъ. *Зирянскїя* же деревни попадаются между верьхнею Камою и Сухоною, около Устюга и другихъ мѣстъ. Они такъ сообразны сельскимъ Россїйскимъ обывателямъ, въ разсужденїи жилищъ, одѣянїя и хозяйства, что кромѣ Финскаго языка, малымъ чѣмъ разнятся. Языкомъ симъ говорятъ они между собою, и въ нѣкоторыхъ деревняхъ женщины со всѣмъ, по Руски, не знаютъ.

Отяковъ можно назвать *наимногочисленнѣйшимъ Сибирскимъ Народомъ*, и хотя они, по причинѣ суроваго воздуха, такъ же недостаточнаго и звѣрообразнаго житїя, не могутъ нарочито размножиться, однакожь число ихъ и не уменьшается.

Рѣдко кто бываетъ изъ нихъ выше *средняго росту*. Лице у нихъ нарочито плоское и желтоватое, волосы русые и прямые, бороды жидкїя, души тупыя и унылыя; а по тому они боязливы, суевѣрны, лѣнивы, неопрятны, но послушны и добросердечны. Съ лица они не дурны, а молодыя женщины отъ части и пригожи: но съ самыхъ уже первыхъ родовъ становятся онѣ, по Стеллерову объявленїю, морщиноваты и безобразны.

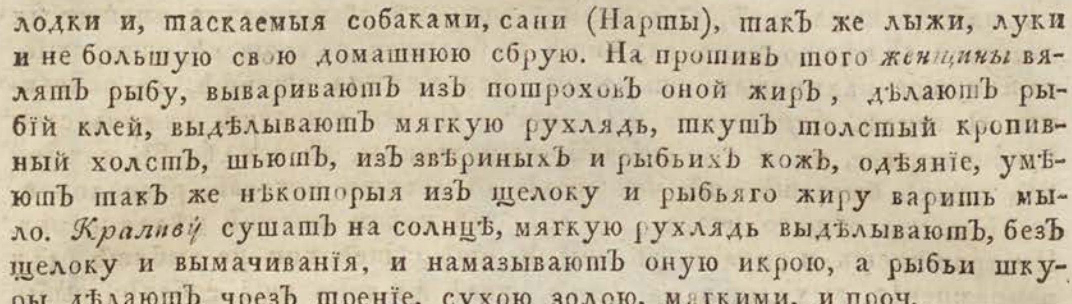
Языкъ ихъ ни къ которому Финскому нарѣчїю столь близко не подходитъ, какъ къ Вогульскому: но весьма много и съ Самоядскимъ языкомъ смѣшанъ. Грамоты они не знаютъ, да и ни чему не учатся. Они такъ же, какъ и всѣ Финскїе Народы, *считаютъ* только до десяти лѣтъ. *Лѣтъ* они не числятъ, но всякїй годъ раздѣляютъ на тринадсять *мѣсяцовъ*, и начинаютъ новый свой годъ съ новой луны, между 14 и 21 числомъ, Октября. Лун-

ныя теченія называютъ они, по происходящимъ въ рыбной ловлѣ и перелетѣ птицъ, перемѣнамъ.

До покоренія ихъ Россійской державѣ, были у нихъ собственные *Владѣльцы*, коихъ Потомки и теперь еще почитаются Благородными, и избираются въ Начальники поколѣній, на которыя Народъ сей раздѣляется. Старшины сіи наблюдаютъ между собою добрый порядокъ, и собираютъ подушныя деньги (Ясакъ). Ежели, по переносу спорныхъ ихъ дѣлъ въ земское Правительство, заставляютъ ихъ *присягать:* то ставятъ ихъ на медвѣжьей кожѣ, на которую кладется и топоръ. По томъ подаютъ имъ кусокъ хлѣба, который взявъ, говорятъ они: *ежели я не право присягаю, то пусть разтерзаетъ меня медвѣдь, топоръ убьетъ, а хлѣбъ задушитъ.* Они клянутся иногда и Идолами, и клятвы ихъ никогда не бываютъ ложны.

Обьскіе Отяки всѣ *рыболовы*, и нарочито въ промыслѣ семъ искусны. Они умѣютъ извлекать себѣ пользу изъ всѣхъ, надъ водами и рыбами случающихся, перемѣнъ. Почти всѣ они держатъ у себя по нѣскольку *оленей*, да есть между ними и такіе, у которыхъ наберется скота сего до двухъ сотъ. Они пользуются ими какъ въ хозяйствѣ, такъ и въ поѣздкахъ. Зимою всѣ они упражняются, но, по большей части, не очень счастливо, въ *звѣриномъ промыслѣ;* лѣность и недовольное въ хитростяхъ искусство препятствуютъ имъ съ лучшимъ производить дѣло сіе успѣхомъ. На звѣриный промыселъ ходятъ они артѣлью, въ которой бываетъ человѣкъ по шести и больше, и бродя по лѣсамъ, отъ четырехъ до шести недѣль, таскаютъ за собою въ саняхъ для пропитанія мерзлую рыбу и проч. Лукъ и стрѣлы больше у нихъ въ употребленіи, нежели огнестрѣльное оружіе. Ежели сыщутъ гдѣ лѣтомъ молоденькихъ лисицъ, то берутъ оныхъ съ собою, кормятъ въ хижинахъ своихъ рыбьими потрохами, и на послѣдокъ сдираютъ съ оныхъ за кормъ шубы. Они столько о звѣряхъ сихъ стараются, что бабы молоденькихъ лисичекъ вскармливаютъ своею грудью. А какъ ость на худощавыхъ лисицахъ бываетъ лучше, нежели на тучныхъ: то за живо еще переламливаютъ у бѣдныхъ сихъ звѣрей по ногѣ, дабы они отъ боли мало ѣли. Для звѣринаго промыслу и тасканія саней, держатъ они много дюжинъ *собакъ.* Въ *земледѣлашествѣ* ни кто не упражняется, и нѣтъ ни у кого изъ нихъ ни лошадей, ни рогатаго скота, ни овецъ.

Мужчины сами вяжутъ про себя бродники и неводы, дѣлаютъ

лодки и, таскаемыя собаками, сани (Нарты), такъ же лыжи, луки и не большую свою домашнюю сбрую. На противъ того *женщины* вялятъ рыбу, вывариваютъ изъ потроховъ оной жиръ, дѣлаютъ рыбій клей, выдѣлываютъ мягкую рухлядь, ткутъ толстый крапивный холстъ, шьютъ, изъ звѣриныхъ и рыбьихъ кожъ, одѣяніе, умѣютъ такъ же нѣкоторыя изъ щелоку и рыбьяго жиру варить мыло. *Краливу* сушатъ на солнцѣ, мягкую рухлядь выдѣлываютъ, безъ щелоку и вымачиванія, и намазываютъ оную икрою, а рыбьи шкуры дѣлаютъ чрезъ треніе, сухою золою, мягкими, и проч.

Они возятъ въ города, на продажу, вяленую рыбу, рыбій клей и жиръ, и мягкую рухлядь, а на вырученныя деньги покупаютъ украшенія и брякушки къ одѣянію, такъ же муку, крупу и хлѣбное вино. Торгъ сей былъ бы для нихъ прибыточенъ, естьли бы они не пропивали всѣхъ остальныхъ денегъ. Но есть между ними и заживные люди, которые имѣютъ у себя, кромѣ оленей, изрядные серебреные стаканчики и другія, симъ подобныя, вещи. Во обще же они бѣдны. Всякій мужчина долженъ, по подушному окладу, внести въ казну пару соболей, которая въ рубль. Въ случаѣ же недостатка въ соболяхъ, принимаютъ въ казну и другую мягкую рухлядь. Черная лисица очищаетъ часто всю деревню отъ подушнаго окладу, а всякую, въ казну вступающую, мягкую рухлядь, цѣнятъ присяжные Знатоки.

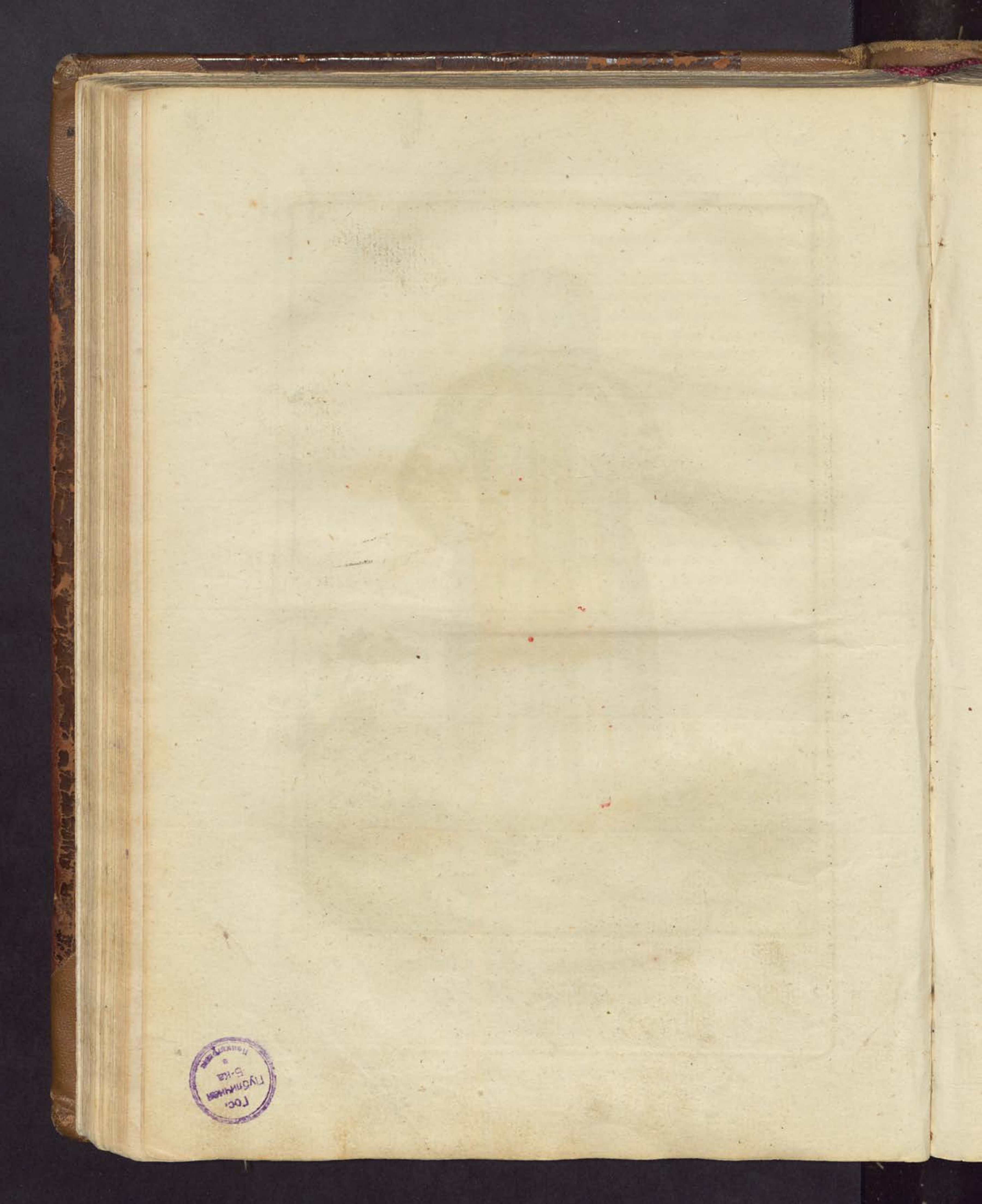
Живутъ они (Обскіе Отяки), между Томскимъ и Нарымомъ, и называются, далѣе къ сѣверу, *Березовскими.* Они почитаются въ Сибири многочисленнѣйшимъ Народомъ, питаются наиболѣе рыбою, а по тому и имѣютъ сельбища свои, въ смѣжныхъ съ рѣками, озерами и моремъ мѣстахъ, въ коихъ бываетъ отъ пяти до двадсяти хижинъ. Всякая такая деревня населена обыкновенно свойственниками, а отъ пяти до двадсяти деревень составляютъ Волость. Они такъ малолюдны, что, на примѣръ, пять Сургутскихъ Волостей заключаютъ въ себѣ только 642 души мужескаго пола. Сіи взносятъ въ казну 450 паръ соболей, цѣною на 450 рублей:—малый доходъ отъ столь обширной Области! — Отъ *Тома* до самаго *Нарыма* живутъ семьи розно. *Зимнія* ихъ *хижины* срублены изъ бревенъ. Въ каждой есть очагъ по серединѣ, а въ сторонѣ печь. Прочее мѣсто занимаютъ палати, кои служатъ имъ такъ же, въ мѣсто сундуковъ и ларей, или конуръ, для держанія щенковъ и лисицъ. Въ большую стужу, ложатся они, ночью, около очага, и спятъ такъ крѣпко, что иные и нарочито ожигаются. Входъ въ хижи-

ну ихъ составляютъ, въ западной сторонѣ, обыкновенно низменныя двери, а въ мѣсто окна служитъ не большее, на востокъ, отверстіе, затянутое налимовыми шкурами. Вся хижина стоитъ, до половины, въ землѣ. *Березовскіе* и *Обдорскіе Отяки* строятъ *хижины* свои попросторнѣе, но и сіи стоятъ до половины, въ землѣ. Въ каждой изъ оныхъ бываетъ отъ четырехъ до десяти покоевъ, разположенныхъ около общаго очага, и во всякомъ покоѣ живетъ цѣлая семья. Неопрятность и смрадъ, въ оныхъ, отъ дѣтей, кои не любятъ, для изпражненія, выходить на дворъ, такъ же вонь отъ собакъ, рыбы, дровъ, табашнаго дыму, чаду, при вареніи рыбьяго жиру, гадины и и прочаго, превозходитъ всякое описаніе. Изъ рѣдка попадаются, при рѣкахъ и въ лѣсахъ, не большія ихъ запасныя хижины. *Лѣтомъ перебираются* они отъ одного озера къ другому, для рыбной ловли, и по тому дѣлаютъ въ такихъ мѣстахъ столбчатые и, къ верьху уже сведенные, *шалаши*, кои покрываютъ берестою или рогожами. Пустыя зимнія и запасныя хижины ни когда не запираются, но покражъ не бываетъ. *Домашняя* ихъ *утварь*, или пожитки, состоятъ въ нѣсколькихъ котлахъ, въ деревянныхъ сосудахъ, въ саласкахъ, въ рогожахъ, на которыхъ спятъ, въ колыбеляхъ, сдѣланныхъ изъ бересты на подобіе ящиковъ, въ кои они, въ мѣсто постели, кладутъ изтертое гнилое дерево, и проч.

Одѣяніе носятъ они обыкновенно кожаное, или изъ мягкой рухляди сшитое. *Мужскую одежду* составляютъ коротскія штаны и кожаныя, до самыхъ штановъ припущенныя, чулки, кои служатъ имъ и въ мѣсто сапоговъ; въ разсужденіи чего и употребляютъ они на подошвы оныхъ самую толстую, или и въ двое сшитую кожу. Верьхнее ихъ одѣяніе едва достаетъ до колѣнъ, зашито кругомъ, и безъ воротника; а накидываютъ оное на голое тѣло, какъ рубаху. Ежели холодно, то надѣваютъ еще и другое такое же, только пополнѣе сдѣланное, одѣяніе, которое отъ перваго тѣмъ разнится, что придѣлана къ оному, съ зади, шапка, коя надѣвается на голову, а при томъ закрываетъ и шею такъ, что одно только лице видно. Рукава, у всякаго одѣянія ихъ, не широки, и у верьхняго полнаго одѣянія придѣлываются, къ концахъ оныхъ, мошны, кои служатъ имъ, въ мѣсто рукавицъ. А чтобъ одѣяніе не оттопыривалось отъ тѣла, то подпоясываютъ оное ремнемъ. Въ жестокую стужу надѣваютъ еще и третье, такъ же на подобіе рубахи сдѣланное, просторное платье: но по оному не подпоясываются.

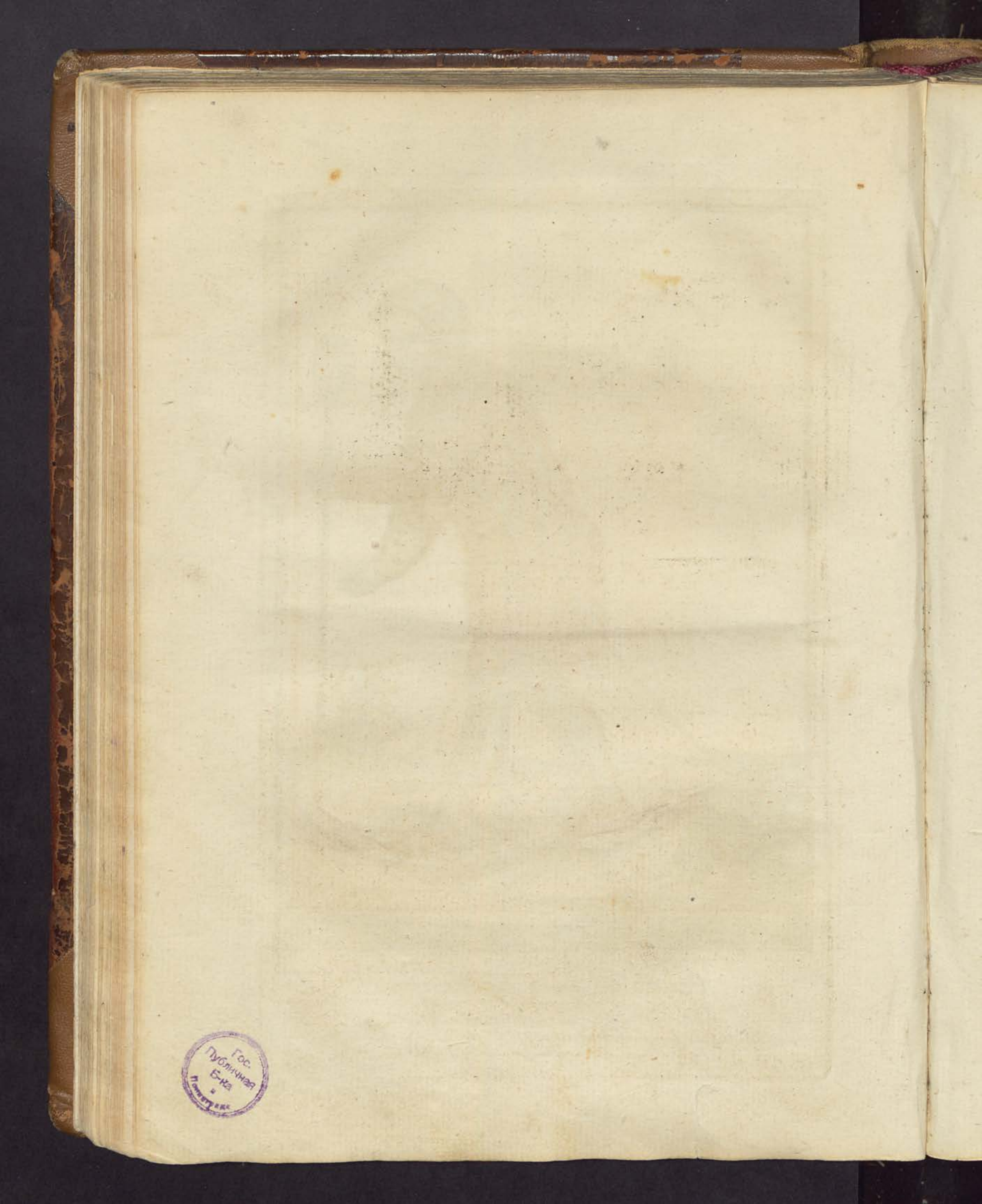

Остякъ при рѣкѣ Объ.
Ein Ostiacke am Ob Fluſs.
Ostiak a la rivière d'Ob.

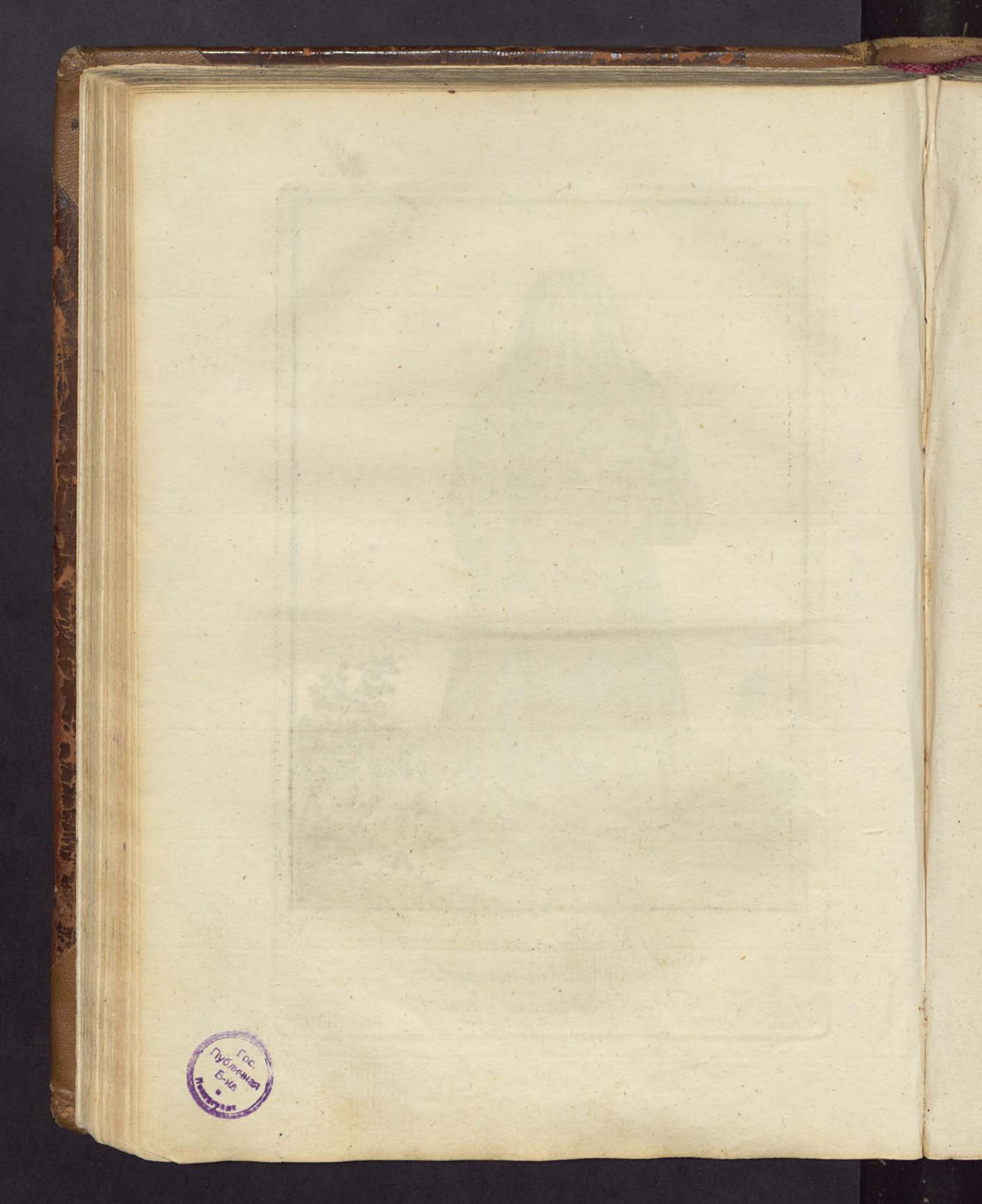

Остякъ на ловлѣ Горностаевъ.
Ein Ostiakischer Hermelin-Fänger.
Un Ostjak à la chasse d'hermine.

Гос.
Публичная
Б-ка

Остячка съ лица.
Eine Ostiakin vorwärts.
Une Ostiake par devant.

Лѣтомъ ходятъ въ долгихъ юпкахъ, или бострогахъ, изъ *рыбей шкуры* сдѣланныхъ.

Женщины носятъ чулки, штаны и верьхнее платье, по примѣру мужчинъ, въ лѣтнее время такъ же изъ рыбьихъ шкуръ, кожъ, или сукна сдѣланное; а зимою надѣваютъ, какъ для тепла, такъ и для щегольства, долгое, въ переди завязанное, платье, изъ рыбьихъ шкуръ, выдѣланныхъ кожъ, или изъ оленьихъ шкуръ, сшитое, которое опушаютъ тогда и соболями. Голову покрываютъ, висящею на зади, промежь лопатокъ, шапкою, изъ сукна, кожи, или мяглой рухляди, сдѣланною, и кругомъ бахромкою для красы обложенною, которую, когда что дѣлаютъ, закидываютъ на задъ. Волосы заплетаютъ въ двѣ косы, и съ каждаго плеча виситъ, до самыхъ подколѣнокъ, въ ладонь шириною, ремень, или суконная полоса. Привѣсы сїи выложены брякушками, змѣиными головками, поддѣланными червонцами, корольками, а иногда изъ желтыхъ мѣдныхъ листовъ, на подобїе цвѣтовъ, или звѣрей, вырѣзанными, наборцами; соединенїе же между оными дѣлаютъ веревочки.

Вседневную ихъ *пищу* составляетъ, во первыхъ, *свѣжая рыба*, которую ѣдятъ Березовскїе и Обдорскїе больше *сырую*, а прочїе Отяки, сваря просто въ водѣ, безъ соли, и изготовленное такимъ образомъ рыбное, называется у нихъ *Коткей;* во вторыхъ *вяленая* и мѣлкая, на солнцѣ *просушеная*, а по томъ въ деревянныхъ ступкахъ *истолченная рыба* (Порса и Порся), которая служитъ, въ мѣсто незнакомаго имъ, по большей части, и со всѣмъ у нихъ не употребительнаго, хлѣба. Они ѣдятъ и жареную, или ближе сказать, грѣтую рыбу; ибо взоткнувъ оную на деревяный рожокъ, держатъ надъ огнемъ, очень короткое время. Еще питаются они, но не вседневно, и только въ случаѣ недостатка, свѣжею замороженною, вяленою, или копченою рыбою, мясомъ всякой дичи, не выключая и хищныхъ звѣрей, а при нуждѣ, ѣдятъ такъ же собакъ и оленей; при чемъ равномѣрно употребляютъ себѣ въ пищу избытки отъ оленьяго скотоводства, всякихъ птицъ, которыхъ, ощипавъ только, варятъ въ мѣстѣ съ рыбою, головки съ бѣлой сараны (*), разныя дикїя ягоды, кедровые орѣхи, а иногда варятъ еще жидкїе, какъ изъ муки, такъ и крупъ, ѣствы. *Стряпня* ихъ мерзкая. Все варятъ въ одномъ котлѣ, и рѣдко когда вытираютъ оной шубнымъ лоскутомъ; да довольно въ пищу ихъ валится и вшей, но

(*) Lilium martagon. L.

сїи звѣрьки позыву у нихъ на ѣду не портятъ, по тому особливо, что они, и безъ того, оныхъ глошаютъ, когда другъ у друга оныхъ выискиваютъ. Чужихъ людей потчуютъ звѣриными языками, мозгами и проч.

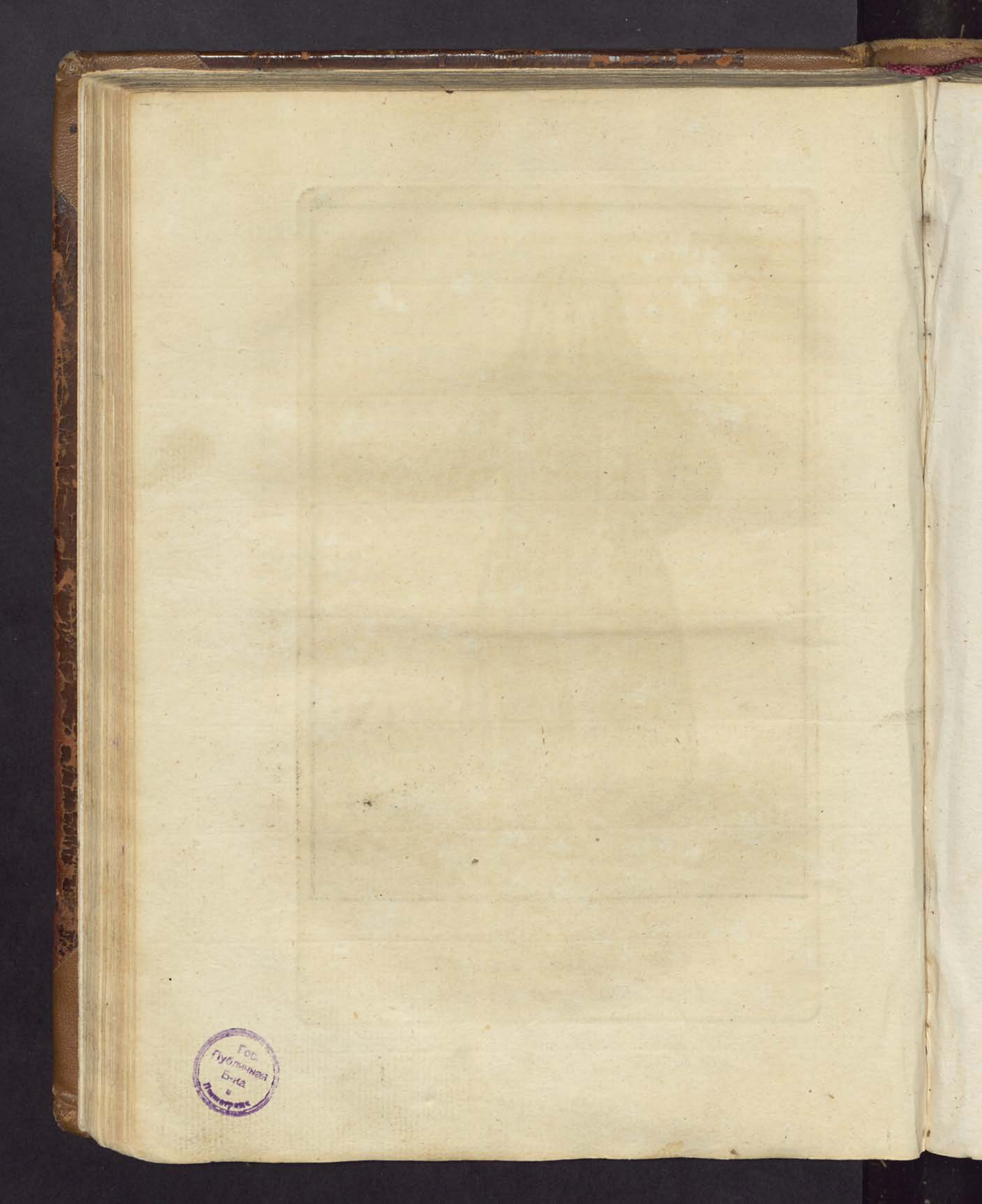
Пьютъ воду, рыбные и мясные отвары, такъ же молоко, а при деньгахъ, и хлѣбное вино. Въ *пьяное состоянїе*, которое имъ очень мило, приводятъ они себя табакомъ, да мухоморами (*). *Курительный и нюхальный табакъ* служитъ обоимъ поламъ, во всякомъ возрастѣ, лакомкою. Трубки дѣлаютъ они себѣ изъ глины, обыкновенно четыреугольныя, а чубуки составлены изъ связанныхъ въ мѣстѣ двухъ коротенькихъ деревянныхъ жолобковъ. Когда курятъ, то крѣпко тянутъ, и, дабы скорѣе сдѣлаться пьяными, дѣйствуютъ щеками, какъ, будьто, раздувальнымъ мѣхомъ. Нѣкоторые, куря табакъ, держатъ во рту воду, и замѣняютъ тѣмъ употребительный у Персїянъ, Армянъ и другихъ Народовъ, *Каллїанъ*, такое орудїе, посредствомъ котораго курятъ табакъ, черезъ воду. *Мухоморами упиваются* и многїе другїе Сибирскїе Народы, а особливо, живущїе около *Нарыма*, Отяки. Когда кто съѣстъ за однимъ разомъ свѣжїй мухоморъ, или выпьетъ уваръ, съ трехъ оныхъ, высушенныхъ, то, послѣ сего прїему, становится, съ перьва, говорливъ, а потомъ дѣлается, изъ подоволь, такъ рѣзовъ, что поетъ, скачетъ, возклицаетъ, слагаетъ любовныя, охотничьи и богатырскїя пѣсни, оказываетъ не обыкновенную силу и проч. а послѣ ни чего не помнитъ. Препроводя, въ такомъ состоянїи, отъ двенадсяти до шестьнадсяти часовъ, на послѣдокъ засыпаетъ; а какъ проснется, то, отъ сильнаго напряженїя силъ, походитъ на прибитаго, но въ головѣ не чувствуетъ такой тягости, какою мучится, когда виномъ упивается, да и послѣ не бываетъ ему отъ того ни какого вреда.

Пока въ промыслахъ своихъ обращаются, бываютъ они, по большей части *здоровы;* а какъ старость принудитъ ихъ домовничать, то страждутъ *цынгою, коростою, гноенїемъ глазъ* и другими болѣзнями. *Оспа*, по прародительскимъ ихъ преданїямъ, ходила между ними еще и до прибытїя въ страну ихъ Россїянъ, и крайне опустошала ихъ семейства. *Любострастная болѣзнь* посѣщаетъ не рѣдко и Отяковъ. При всякихъ болѣзненныхъ припадкахъ, прижигаютъ они кожу свою, до тѣхъ поръ, пока не трѣснетъ,

(*) Agaricus Muſcari. L.

Остякчка съ тыла.
Eine Ostiakin rückwärts.
Une Ostiake par derrière.

и употребляютъ къ тому, въ мѣсто *Моксы*, березовые грибы. Отъ запору пьютъ рыбїй жиръ. *Раны* изцѣляютъ древесною смолою и звѣринымъ саломъ: но больше употребляютъ они суевѣрныя средства.

Послѣ *родовъ* считается женщина нѣсколько недѣль не чистою. Мѣсто младенцово кладутъ съ одною рыбою и кусочкомъ мяса въ ящикъ, а по томъ вѣшаютъ оный на дерево. Сыновьямъ даетъ отецъ имена, а дѣвушки не рѣдко бываютъ и безъимянны. Преимущественно употребительныя, около Сургута, имена суть слѣдующїя: *Сайданъ*, *Кайкалъ*, *Таедко*, *Вергунъ* и проч. Они и пятилѣтныхъ дѣтей кормятъ еще грудью.

У держащихся Языческаго суевѣрїя Отяковъ и теперь *многоженство* въ обыкновенїи. Какъ принимали Отяки Христїанскую вѣру, то удерживали у себя по одной только женѣ, а прочїя выходили за другихъ мужей: однако многїе изъ крестившихся крали у новыхъ мужей прежнихъ своихъ женъ, да не рѣдко и сами вышедшїя, по такому обстоятельству, за другихъ мужей бабы уходили къ первымъ своимъ мужьямъ. Какъ Языческаго, такъ и Христїанскаго закона Отяки *покупаютъ* и нынѣ себѣ *женъ*. За дѣвку даютъ отъ десяти до ста оленей, да съ верьхъ того нѣсколько праздничнаго одѣянїя: но и она выходитъ съ приданымъ. Языческой вѣры женихъ начинаетъ спать съ невѣстою съ самаго того времени, какъ заплатитъ за нее первую долю договорной цѣны. Ежели примѣтитъ, что она соблюла свое дѣвство, то долженъ онъ тещѣ, а въ случаѣ недостатка онаго, повинна теща ему дать одного оленя. По отдачѣ другой доли, рядной за невѣсту, цѣны, произходитъ *свадьба*, и препровождается торжественно въ пированїи и увеселенїяхъ. Они разсказываютъ и поютъ богатырскїя и любовныя произхожденїя, не надумавшись, къ чему отмѣнною надѣляютъ ихъ способностїю съѣденные и оживляющїе духъ мухоморы. *Тумбра*, такъ же *Домбра* и *Дерноборъ*, суть собственные ихъ инструменты, оба съ кишечными струнами, просты, но голосъ оныхъ не дуренъ. Пѣсенныхъ голосовъ у нихъ мало, да и тѣ просты: но скоморохи ихъ поютъ и играютъ больше, по своей выдумкѣ, и слѣдовательно почти все у нихъ новое. *Пляски* Отяковъ весьма любопытны, и состоятъ въ смѣхотворныхъ шалостяхъ. Плясунъ, переодѣвшись, или обезобразя лице свое, передразниваетъ другихъ людей, звѣрей и птицъ такъ иногда удачно и насмѣшливо, что удивляться надобно, видя сїе въ ихъ хижинахъ. Всякъ можетъ разсудить, что, оказываемыя имъ при томъ ухватки, не рѣдко быва-

ютъ противны благопристойности. Въ обыкновенныя пляски выходятъ вдругъ по двое мужчинъ и по двѣ женщины, скачутъ то въ передъ, то на задъ, топаютъ ногами, и дѣлаютъ какъ руками, такъ и лицемъ любовные знаки. Нѣкоторые, странствующіе Удальцы похищаютъ себѣ невѣстъ, лишаютъ ихъ чести, и наживаютъ такимъ способомъ за малую цѣну женъ. Невѣсткѣ не должно показывать свекру своего лица, да и зятю не слѣдуетъ казаться тещѣ на глаза, до тѣхъ поръ, пока не приживутъ дитяти. Сколько ни походитъ любовь ихъ на скотскую, однако они не ревнивы. Хотя и отягощаютъ они женъ своихъ великими трудами, но не бьютъ, по тому, что они отъ побоевъ уходятъ, и требуютъ назадъ своего приданаго; родители же ихъ ни когда, взятаго за нихъ, награжденія не возвращаютъ. Жена называетъ мужа, *Таге!* а мужъ жену, *Ими!*

Покойниковъ хоронятъ они, въ тотъ же день, въ который кто умретъ, и мужчины погребаютъ мужчинъ, а женщины женщинъ. Они наряжаютъ скончавшихся въ самое лучшее одѣяніе, и впрягаютъ подъ нихъ оленя, котораго на кладбищѣ убиваютъ и, поминая покойника, ѣдятъ. За богатыми покойниками слѣдуютъ по три оленя съ пустыми санями. Мертвое тѣло, къ которому кладутъ, въ запасъ, оружіе, топоръ и домашнія надобности, полагаютъ во гробъ головою къ сѣверу. Проводившихъ покойника трехъ оленей убиваютъ, при могилѣ, ему въ прокъ, и тамъ покидаютъ, а сани опрокидываютъ на могилѣ однѣ на другія. Зажиточные люди приносятъ по томъ за покойника нѣсколько *поминныхъ жертвъ.*

Отяки Языческаго закона, каковы суть всѣ, кои ближе къ сѣверу, или у нижней рѣки Оби живутъ, называютъ своихъ Волшебниковъ и Жрецовъ *Тотебами* и *Точебами.* Они толкуютъ имъ сны, предсказываютъ будущее, заклинаютъ бѣса, лечатъ больныхъ, молятся и приносятъ жертвы. У нихъ нѣтъ ни капищъ, ни настоящихъ Керемешей:, а есть нѣкоторыя *священныя горы,* въ лѣсахъ, гдѣ стоятъ знаменитые ихъ Идолы. Они такихъ мѣстъ боятся, и не берутъ отъ туда ни лѣсу, ни дровъ, да и воды изъ тамошнихъ ключей не черпаютъ. Съ 1712 года много сожжено ихъ Идоловъ, и стойла ихъ разорены; однако осталось оныхъ еще довольно. Воображеніями своими о Высочайшемъ Существѣ, такъ же жертвоприношеніями и моленіями уподобляются они выше описаннымъ Язычникамъ. *Высочайшій Богъ* называется у нихъ *Иннень Номъ* (Вышній Богъ). Съ верьхъ сего есть у нихъ еще и *низкаго достоинства Божки. Сатана* называется, на ихъ языкѣ, *Лусъ* и *Котедгѣнъ*, во-

дяный и рыбный Богъ, *Утого Лусъ*, *лѣсный и звѣроловный Богъ*, *Массу Лусъ* и такъ далѣе.

Идолы ихъ, которыхъ они во общe *Сатанами* (Лусъ), называютъ, суть вырѣзанныя деревянныя изображенія, растущія дерева, на коихъ орлы вьютъ себѣ гнезда, безобразныя избы и страннаго вида камни. Въ 1771 году, стояли оба знатнѣйшіе *Отякскіе Идолы*, которымъ такъ же и *Сомоиды* покланялись, въ западной сторонѣ Обскаго залива, въ семидесяти верстахъ ниже Обдорска, въ лѣсу, по близости Воксарскихъ жилищъ. Одинъ изъ оныхъ представляетъ мужеское, а другій женское подобіе. Каждый стоитъ въ особливомъ шалашѣ, прислоненъ къ дереву, и, по Отякскому обыкновенію, изрядно одѣтъ сукномъ и мягкою рухлядью, да при томъ, по примѣру Волшебниковъ, обвѣшенъ жестяными изображеніями звѣрей, людей, птицъ, лодокъ, рыбъ и проч. Кругомъ оныхъ лежатъ котлы, чашки и другая домашняя утварь; на ближайшихъ же деревахъ висятъ, содранныя съ оленей, шкуры и луки. Мужескаго пола Идолу покланяются мужчины, а женскаго женщины. Попадаются такъ же мѣстами *свято почитаемыя дерева*, въ которыя всякъ мимо идущій, пускаетъ по одной стрѣлѣ. Во всякой хижинѣ есть собственный *домашній Идолъ*, котораго представляетъ, обыкновенно, не большая кукла.

Въ домашнихъ нуждахъ *приноситъ* всякъ *домашнему* своему *Идолу* малыя звѣриныя кожи, рыбы, птицъ, а особливо помазываетъ онаго жиромъ и кровью; по важнѣйшимъ же дѣламъ освѣдомляется Волшебникъ, посредствомъ своего *барабана* (Пингре), о причинѣ гнѣва Боговъ и о жертвахъ, кои надобно принесть, для преклоненія ихъ къ милосердію. Общія Идоламъ жертвоприношенія отправляются въ лѣсахъ. Народъ становится въ кружокъ около Идола, Жреца и назначенныхъ въ жертву животныхъ, какъ то, оленей, красной дичи и водяныхъ птицъ, къ коимъ присовокупляютъ иногда и мягкую рухлядь. Жрецъ представляетъ Идолу жертву, и возсылаетъ къ оному, въ молитвѣ, свое прошеніе. По данному, жезломъ, знаку, прострѣливаетъ одинъ, кто ни будь, стрѣлою звѣря; а прочіе докалываютъ онаго остроконечными кольями. Послѣ сего, протаскиваютъ убитаго звѣря за хвостъ, троекратно, около Идола, варятъ мясо онаго, помазываютъ Идолу ротъ, запекшеюся въ сердцѣ, кровью, и ѣдятъ, съ великимъ веселіемъ, жертвенное мясо. Кожу, черепъ и рога вѣшаютъ въ лѣсу.

При совершеніи, *въ облегченіе болѣзни, жертвоприношенія*, что бываетъ всегда у жилища больнаго человѣка, даютъ страждущему въ руки, привязанную къ приносимому въ жертву животному, веревоч-

ку. Между тѣмъ творитъ Жрецъ молитву, и какъ больный потянетъ за веревочку, то закалаютъ звѣря, и помазавъ домашняго Идола, ѣдятъ вареное мясо. Когда же примѣтятъ, что нѣтъ хворому отъ Идола помощи: то ругаютъ онаго бранными словами, низвергаютъ, а иногда и колотятъ.

Медвѣдямъ предопредѣляютъ они, послѣ смерти, такую же, по крайней мѣрѣ, какъ и себѣ, участь. По убіеніи оныхъ, поютъ они извинительныя пѣсни, и оказываютъ повѣшеннымъ шкурамъ много учтивостей, дабы оныя въ царствѣ тѣней имъ не мстили.

Важныхъ своихъ *людей* называютъ они *Полубожками*, или Святыми. Изображающая кого ни будь изъ нихъ кукла, ставится на ряду съ Идолами, и оную подчиваютъ кушаньемъ, и помазываютъ такъ же, какъ и самихъ Идоловъ. Вдовы кладутъ иногда такія, мужей ихъ представляющія, куклы съ собою и въ постель, при томъ, когда сами ѣдятъ, не забываютъ и онымъ удѣлять.

Живущіе за Нарымомъ, *крещенные Отяки* произошли уже большею частію отъ исповѣдующихъ православную вѣру родителей, и имѣютъ у себя собственныя церькви. Но они и теперь находятся въ превеликомъ невѣжествѣ, суевѣрны и преисполнены Языческими воображеніями, и по тому, не вдругъ, кто пойдетъ изъ нихъ на звѣриный промыселъ, не взявъ съ собою Идола (Лусъ), котораго носятъ иногда въ сапогѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

